

Литературные **ЛУКИ** краеведение

август
1998

Часть 2

Искусство

Университеты

В выпуске:

проза

Вишну же превратил себя в юную женщину поразительной красоты. Глазами цвета мёда смотрела она, и если бы кто-то заглянул в её глаза, то показалось бы ему, что он уже летит и падает на Солнце. А волосы её были, как волны светлой меди. Лишь миг стояла она обнажённой, а затем облеклась в златотканое платье и белый плащ с чёрной изнанкой.

*К. Михайлов
«Рудра»*

**текст-
раритет**

Начиная с настоящего столетия сказания историков о покорителе Сибири изредка сопровождаются уже толкованиями имени его, хотя, впрочем, начало этому положено тою же, сравнительно с другими многоречивой, летописью Черепанова.

*Е. Кузнецов
«Сказания и догадки о христианском имени
Ермака»*

сообщения

«В 1890 году епископ Тобольский и Сибирский Иустин возбудил дело «о постройке в Тюмени нового собора по образцу Московского храма Христа Спасителя...»

*С. Кубочкин
«Часовня на Базарной площади»*

Учредитель:

Ю.Л. Мандрика

Издатель

ТОО «СофтДизайн»

Главный редактор

Ю.Л. Мандрика

Корректор М. Дистанова
Оператор ПЭВМ Н. Нохрина

Отдел

«Литературные
университеты»

В.А. Рогачев

Отдел

«Краеведение»

С.Г. Пархимович

Сдано в набор 10.06.98.
Подписано в печать 15.07.98.

Формат 60x84/16.

Гарнитура «SchoolBook».

Офсетная печать.

Бумага офсетная №1.

Уч.-изд. л 5,1

Усл.-печ. 8,43.

Тираж 999. Заказ № .

Адрес редакции

(для переписки):

625002, г. Тюмень,
а/я 5579.

Лицензия ЛП №063670
от 24.10.94 г.

Тел. (345-2) 25-12-84

ISBN 5-88709-107-x

Отпечатано с готовых
диапозитивов на ГИПП
«Уральский рабочий».
625219, г.Екатеринбург,
ул. Тургенева, 13.

Содержание

ЛИТЕРАТУРНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

ПОЭЗИЯ

Т. Крюкова. Мгновенье счастливой судьбы 7

ПРОЗА

К. Михайлов. Рудра. Поэма 10

КНИЖНЫЙ ПРОСПЕКТ

В. Рогачев. Краткие рецензии 34

КРИТИКА

В. Курбатов. Выбор Анны Неркаги 39

БИБЛИОГРАФИЯ

Книги местных авторов 52

КРАЕВЕДЕНИЕ В ШКОЛЕ. Ведущая рубрика – Н. РОГАЧЕВА.

С чего начать курс школьного
литературного краеведения
(концепция, ведущие идеи и формы планирования) 57

ЧИТАЛКА «ЛУКИЧА»

Ю. Мандрика. «Это твоя Родина, сыночка...»:

К проблеме упаковки местного товара 62

КРАЕВЕДЕНИЕ

ДАТЫ НАШЕГО КАЛЕНДАРЯ

Ю. Мандрика. Кузнецов-Тобольский и -Красноярский 3

ИЗ АРХИВА ЖУРНАЛИСТА

Р. Гольдберг. «Объект Збарского» 68

ТЕКСТ-РАРИТЕТ

Е. Кузнецов. Сказания и догадки о христианском
имени Ермака 92

СЛОВО СПЕЦИАЛИСТА

С. Пархимович. Загадка имени атамана 128

СООБЩЕНИЯ

С. Кубочкин. Часовня на Базарной площади 131

Э. Липатова. Ямальские экспедиции Кушелевского 137

В. Чупин. Две церкви в Тюмени 146

Коротко об авторах 159

Кузнецов-Тобольский и Красноярский

Вышедший в свет стараниями краеведа В.Ю. Софронова третий выпуск «Тобольского хронографа» помог освежить в памяти читателей многие имена, благодаря которым мы знаем историю края. П.А. Словоцов и П.Н. Буцинский, П.М. Головачев и Н.А. Абрамов, П.И. Небольсин и А.А. Дунин-Горкавич... В числе других названо имя бывшего редактора «Тобольских губернских ведомостей» (далее — «ТВ») Евгения Васильевича Кузнецова, родившегося 150 лет назад в семье дьячка в селе Новое Тобольского округа (ныне Уватский район).

Грустно, но общественность Тюменского края юбилейную дату не заметила. Ни 25 февраля¹ по старому стилю, ни в марте — по новому.

И пусть в книге юбиляру уделен всего один абзац, в который попала лишь информация из «Сибирской советской энциклопедии», пусть автор

статьи² не заметил, что усилиями «СофтДизайна» в минувшем году возвращены массовому читателю беллетристика и стихи³ умершего в начале века писателя, издание третьего выпуска «Хронографа» — это цветы на могилу Евгения Васильевича практически в дни юбилея.

Биография человека, прожившего интереснейшую жизнь, увы... еще не написана. Попытка наметить канву⁴ сделана, но неясностей еще много. К тому же в цитате из «Сибирской советской энциклопедии» допущена в дате смерти досадная опечатка. Хотелось бы ее исправить, но «Литературные фантомы» вышли, а «Тобольский хронограф» тиражировал ошибку из вышеупомянутой энциклопедии.

Бельх пятен в биографии стало чуть-чуть меньше: удалось разыскать приказ председательствующего в Совете главного управления Западной Сибири генерал-майора Цыговича от 22 апреля

¹ Тобольские губернские ведомости. — 1896. — №24. — С.700.

² Бударин М.Е. Тобольск в отечественной историографии//Тобольский хронограф: Вып. 3. — Екатеринбург: ИПП «Уральский рабочий», 1998. — С. 368.

³ Кузнецов Е.В. Летопись мирного города: Рассказы, зарисовки, наброски, стихотворения//Литературные фантомы[И.Я. Словоцов, Е.Л. Милькеев, Е.В. Кузнецов]. — Тюмень: СофтДизайн, 1997. — С. 277–460.

⁴ См.: Мандрика Ю.Л. Его биография — сплошное белое пятно//Там же. — С. 272–276.

1877 г. о награждении коллежского секретаря земского заседателя Тобольского округа Кузнецова орденом Св. Станислава 3-й степени (см. фото). Через два года — еще один приказ, №28 от 23 марта 1879 г. за подписью генерал-губернатора Западной Сибири генерал-адъютант Н.Г. Казнакова: «Назначается земский заседатель Тобольского округа коллежский секретарь Кузнецов начальником 1-го отделения общего губернского управления». Это еще две розысканные даты...

В биографии Евгения Васильевича по-прежнему остаются некоторые неясности с псевдонимами⁵.

Основными источниками для их уточнения и на сегодня являются «Материалы для библиографии Сибири: Указатель литературных трудов Е.В. Кузнецова (1866—1896)»⁶ и «Указатель статей по археологии, истории и этнографии Сибири, помещенных в Тобольских газетах 1891—1892 г.»⁷. Указатель-96 появился в «ТГВ» в тот момент, когда краевед уже не работал в редакции. Но библиография, очевидно, все-

Е.В. Кузнецов⁸
(1848—1911)

таки составлялась при участии журналиста-«именинника», значившегося в общем губернском управлении чиновником по особым поручениям. Газета в трех номерах довольно щедро отводила место под перечень опубликованного Е. Кузнецовым, работавшего в свое время в течение двух небольших периодов редактором «ТГВ». И если сравнить оба Указателя, то обнаруживаешь

⁵ «1) Е.В.К.; 2) Е.К.; 3) Искорка; 4) К., 5) К в, Е.; 6) К. Т ий; 7) Красноярский; 8) Кузнецов Красноярский; 9) Кузнечик; 10) Тобольский». Масапов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 4. М., 1957. С. 260.

⁶ Тобольские губернские ведомости. 1896. №24. С.700 701; №25. С.726 727; №26. С.754 755. (Далее по тексту Указатель 96) Даты, обозначенные в названии публикации, фиксируют год первой публикации Е.В. Кузнецова и год 30 летнего юбилея творческой деятельности.

⁷ К. Календарь Тобольской губернии на 1893 г. Тобольск, 1892. Прилож., С.126 133. (Далее по тексту Указатель 92).

⁸ Портрет сосканирован с опубликованной в журнале «Сибирский наблюдатель». [1902. Кн. 2 (февраль)] фотографии.

ряд статей с одними и теми же названиями, но подписанные в одном случае настоящим именем автора, в другом — псевдонимом⁹.

Имена «Искорка» и «Кузнецик» Евгений Васильевич ставил только в конце литературных упражнений. Сложнее обстоит дело с *Кузнецовым-Красноярским*. Принадлежит ли это псевдоним Е.В. Кузнецову, как это утверждает составитель вышеназванного словаря?

В 1891 г. в «ТГВ» была помещена библиографическая заметка за подписью *Е.К.* «Описание празднования в Тобольске Кучук-Кайнарджийского мира в 1774 г.». В публикации идет речь об изданной Кузнецовым-Красноярским книжке в 1891 г. в Томске с таким названием.

В заметке изложена история появления двадцатистраничной брошюры в свет. Кузнецову-Красноярскому на рынке в Томске завернули покупку в листы из архивной рукописи... Скажем так, история не такая уж и сказочная. Если бы не несколько «НО»...

Перед тем, как в июне 1891 г. Е. Кузнецов был вновь на-

значен редактором, на этот раз неофициальной части «ТГВ», он почти не печатался в тобольских газетах. Может это было и не так, то Указатель-96 фиксирует журналистскую деятельность Е.К. в изданиях других регионов Сибири¹⁰.

В 1892 г. на государственной и общественной службе в Тобольской губернии состояло пять Кузнецовых, два из них — Васильевича. Принцип речевого экономии позволяет предположить, что тоболяк, пишущий на «енисейские темы», мог быть у местных журналистов, да и не только у них, «на слуху» как Красноярский.

Учитывая, что в книге «Описание празднования в Тобольске Кучук-Кайнарджийского мира в 1774 г.» описаны «несколько интересных церемониалов, устроенных Чичериным в Тобольске по случаю заключения с Турцией 10 июля 1774 г. мирного тракта при урочище Кучук Кайнарджи...», можно сделать еще одно предположение. Как известно, Чичерин был непрочь погулять по случаю... Не исклю-

⁹ В Указателе-92 имеются сведения о следующих публикациях: *Е.К.* Еще приказ Чичерина. — ТГВ. — 1891. — №41.; *К.* Указатель статей по археологии, истории и этнографии Сибири, помещенных в сибирских областных и губернских ведомостях в 1891 г. — ТГВ. — 1892. — №15.; *Е. К.-в.* Археологическая находка. — ТГВ. — 1892. — №27. Эти же статьи приведены и в Указателе-96. Часть информации из словаря И. Масанова, как видим, подтверждается.

¹⁰ 1890 г. Публикация «По Енисею: Из дневника» в «Сибирском вестнике» (№№ 22–23, 28). 1891 г. В том же издании появляются «Бюджет Томска сто лет назад» (№69) и «Базарные цены Тюмени 1792 г.» (№70). А в Справочном листке Енисейской губернии (1891. №5.) были опубликованы «Базарные цены в Ачинске сто лет назад». Да и первые беллетристические опыты Е.В. Кузнецова увидели свет отнюдь не в ТГВ. Самая крупная прозаическая работа «Летопись мирного города» появилась в «Сибирской газете».

чено, что цензура того времени мало чем отличалась от советской. Вспомните, если не напечатано в Москве, то в местной газете уж никогда не появится компромат о местном начальстве...

А не придуман ли по этой причине факт издания книги в Томске (автору этих строк пока не удалось разыскать таинственную книжку ни в библиотеке Томского университета, ни в РГБ), дабы предварить свои будущие публикации о губернаторе Д.И. Чичерине? Посмотрите на перечень¹¹ работ Е.В. Кузнецова на эту тему. Да если при этом учесть, что и цензор был под боком, в Тобольске.

Факт публикации библиографической заметки в «ТГВ» позволил противопоставить Кузнецова-Тобольского Кузнецову-Красноярскому, быть свободнее Евгению Васильевичу при выборе архивного матери-

ала о Д.И. Чичерине. Тем более, согласно публикации в «ТГВ» 1892 г., *Кузнецов-Красноярский* имел инициалы *И.П.*

В Указателе-92 указывается публикация *Кузн. Красн.*, помещенная под рубрикой «Из сибирской старины», в которую, как правило писал Кузнецов-Тобольский. Это одно и то же лицо? Сказать пока трудно.

А теперь еще о «красноярском следе», о котором гласят публикации Е.К.

Тюменский краевед В.А. Рогачев предложил иную версию происхождения псевдонима. В первой своей публикации «Село Новое» Е.В. Кузнецов писал, что Новосельском приходе было 19 деревень. Среди них была и Красноярская.

Что заставило тобольского автора взять в качестве части псевдонима имя соседнего населенного пункта?

Еще одна загадка Е.К.!

¹¹ «Сибирский губернатор Д.И. Чичерин. 1773–1776.» (Русская старина. 1891.); Сибирский губернатор Д.И. Чичерин в переписке с духовенством: Новые материалы» (ТГВ. — 1896. — №18.); «Несколько сведений об управлении Сибирью губернатора Чичерина» (ТГВ. — 1870. — №41.); «О распорядках Чичерина в Тобольске: Сорок архивных документов с предисловием» (ТГВ. — 1891. — №№11–14.); «Из распоряжков Д.И. Чичерина» (ТГВ. — 1893. — №32.); «К приказам сибирского губернатора Д.И. Чичерина: Из бумаг хранящихся в Тобольском музее» (ТГВ. — 1892. — №19.); «Еще приказ Чичерина» (ТГВ. — 1891. — №41.); «К биографии Д.И. Чичерина» (ТГВ. — 1892. — №41.); «К портрету Д.И. Чичерина» (ТГВ. — 1892. — №17.).

Мгновенье счастливой судьбы

У зеркала

Я больше не ищу твоей любви,
Смирилась, наконец-то,
с невозможным!
Пред зеркалом,
печальным визави,
Причесываюсь гребнем
осторожным.

И волосы стекают по плечам,
Слегка посеребренные луною.
Нет, я не плачу больше по ночам,
Что жизнь твоя
проходит стороною.

Любовь уже оставила меня,
Отхлынуло
от сердца вдохновенье.
Я молча созерцаю разрушенье
Прекрасного когда-то бытия.

Напоминает память: все цело,
Безумным тайным
цветом бушевало!
Душа моя любовью истекала...
Чему же верить, если все прошло?

А звезды так же падают в окно,
И вдаль уводит
сосен колоннада...
Что это было?
Кара иль награда?
За что так много
было мне дано?..

Телефон

Звонок некстати. Дома вся семья.
И ты, своей досады не тая,
Снимаешь трубку...
Знай же: это я.

«Я слушаю... Алло...
Алло... Алло?» —
Твой голос, как летящее крыло,
Невольная в нем ласка и тепло:
«Алло! Алло! Алло!»...

А я молчу, от робости немею.
Так много я хочу тебе сказать!
Хочу тебя по имени назвать,
Но никогда, наверно, не посмею...

Ты ждешь ответа,
затаив дыханье...
О, если б знал ты,
что таит молчанье:
Оно и боль, оно и крик отчаянья,
Что вырвался из губ
моих нечаянно...

Порой душа моя темным-темна,
как ночь,
И лишь твой голос может
мне помочь.

Дни

Ах, боже мой, стоят такие дни!
Такие свищут ветры голубые!

И листья, словно бабочки живые,
Летят в ладонь,
лишь взглядом помани.

Отчаянной прощальной синевой
Наполнились страдающие очи...
И больно жжет огонь
безумной ночи,
Снег простыней,
их холод гробовой.

Мне больно, что стоят такие дни,
Исполненные тихой благодати,
Сияющие золотом нектати,
И их не удержать, не сохранить.

Бунтует моя осень пред зимой,
Цветет в груди
незваной чаровницей...
И красота — что впору
ей молиться,
Стоять. Смотреть.
И плакать... Боже мой.

Возвращайся

Возвращайся скорей.
Без тебя здесь холодное небо,
Проливные дожди и ветра,
леденящие кровь.
Я у тех же дверей
Все гадаю: ты был или не был?
И пытаюсь понять, что несет
нам с тобою любовь?
В бесконечной тоске
«Прилетай» шепчут губы упрямо.
Я свою обреченность
предчувствую и не боюсь.
Приплыви по реке
Или просто отбей телеграмму:
«Задержался в пути», —
а иначе я просто свихнусь.

Не могу без тебя.
Бесконечны короткие ночи.
Страсть сжигает мосты
К моей прежней
привычной судьбе.
Мне так надо свой взгляд
погрузить
В твои теплые очи
И, забыв обо всем, навсегда
раствориться в тебе.

Измена

В невидимом костре
сжигают мою душу.
Немыслимая боль
стекает по щекам.
Пусть корчится душа —
обет я не нарушу,
Измену не прошу ни людям,
ни векам.
Вот пламени язык лизнул
нагую нежность,
Вот преданность моя
подернулась золой.
И жгучим огоньком
скатилась в неизбежность
Бессмертная любовь.
Она была слепой.
Она меня вела в загадочные дали,
Светила мне в ночи
хрустальною звездой,
Умела утешать и в горе,
и в печали.
Доверилась я ей. Она ж
была слепой.
Заезженный сюжет:
нелепый, глупый случай
Разрушил целый мир,
волшебный и святой.

Любимый мой, живи,
живи, себя не мучай,
А горький пепел мой
развешь над землей.

Будь что будет!

Доверяясь судьбе, я шепчу
про себя: будь что будет!
Пусть весь ханжеский мир
предо мною взлетит на дыбы,
Пусть меня проклянут, пусть
за дерзость жестоко осудят,
Я меняю на вечность мгновенье
счастливой судьбы.

Каждый прожитый день мы
теряем, любимый, напрасно,
Раздаем свою жизнь равно-
душным, холодным, чужим,
Поступаясь в душе чем-то
вечным, святым и прекрасным,
Каждый день ради малого
жертвуя чем-то большим.

Каждый день — это долг,
обязательный и неизбежный.
И несу я свой крест в одиночку,
зубами скрипя...

Снизойди же ко мне, белый
призрак безумной надежды,
Очень хочется жить, очень
хочется верить в тебя!

А дороги к тебе год от года
заносит снегами,
И вдали от тебя все труднее
становится жить.
Дай мне силы, любовь,
сохранить твое чистое пламя!
Только смерти одной
я позволю тебя потушить.

Тревога

Заплаканный август стоит
за окном
В слезах, и в дождях, и в печали.
Разлучница осень
блеснула цевьем,
И лебеди вдруг закричали.
Их нежный волнующий
голос грудной
Встревожил меня и окрестность.
И ревность крадется —
убийца ночной,
А вместо ножа — неизвестность.

Ах, только бы мне
эту ночь пережить,
При солнце рассеются бредни.
Когда же научимся мы дорожить
Дарованным днем, как последним?

Предутренный ветер
сквозит холодком,
Ночные тревоги уносит.
Но сердце тоскует,
ты знаешь о ком,
Отчаянно радости просит.

Кто счастья не знал —
не испытан огнем.
Счастливым живется тревожно.
Серебряным лебедь
ударит крылом,
Его удержать невозможно.

Любимый, я вся —
предосенний пейзаж.
Смотри, оглянулся прохожий...
И делают судьбы
смертельный вираж,
На «мертвую петлю» похожий.

Рудра*

Поэма

45

Увидев гибель Бхирга, побежали потомки Вишну и бежали до самой Галоки, оставив поле боя за асурами Рудры. Асуры пришли и подняли Рудру бесчувственного, но живого из лужи крови. Они принесли его в царский шатёр и положили там.

46

В образе Гаруды опустился Вишну на землю, принял свой обычный облик и сел на траву рядом с телом сына. В молчании сидел Вишну, трава шелестела вокруг него, и небо поворачивалось над ним. Потом он промолвил: «Хэй, Бхирг! Я знаю, найдутся такие, которые скажут про тебя — вот он умер, потому что нарушил клятву, был наказан, погиб в назидание! Они невежды, глупцы. Клятвы — ветер, колебание воздуха в гортани. Есть только свойства — они неизбежны. Кто виноват, если я чувствую Равновесие как боль, когда оно нарушено! Нет, не удар врага сразил тебя, сын! Ты по рождению был причастен к моим свойствам, ты умер, чтоб унять

мои боли! Нет у меня упрёка к тебе, об одном прошу только: не рождайся больше никем — ни богом, ни полевой мышью!».

47

Вишну сложил погребальный костёр из стволов берёзы, перемежая их сосновыми ветвями. Он поднял на костёр тело Бхирга и хотел высечь огонь. Но кресало звякнуло бесплодно, кремь не дал искры. Тогда Вишну призвал огонь заклятием. Но огонь не явился в ладони бога. Приходил Вишну туда, где горят очаги, брал огонь из очагов. Но когда подносил тот огонь к поленьям костра, он коптил и гас, не воспламеняя.

Видя тщетность своих усилий, Вишну обратился к братьям, напомнив им о родстве.

Когда пришли на зов Брахма и Шива, Вишну сказал им: «Помогите мне совершить обряд над моим сыном. Ведь я сделаю то же самое в случае вашей нужды».

Брахма ответил ему: «Ты, Вишну, преследовал моего потомка, ополчился против него.

* Окончание. Начало в предыдущей части журнала.

И ты, и твой сын мне враждебны. Лишь по обязанностям родства я помогу тебе».

И Брахма взял огонь из своего жертвенника. Это был огонь, который загорается в момент пробуждения Трёх Богов, — первое пламя Вселенной, самое древнее. Даже отблеска его было бы достаточно, чтобы поджечь все возможные миры, всё сущее, что есть в Мироздании. Но и этот огонь закоптил и погас бесследно, едва Брахма приблизил его к костру Бхирга.

Тогда Шива, оставаясь в молчании, протянул руку к Солнцу и зачерпнул пригоршню солнечного жара. Но остыла изъятая из Солнца плоть и стала грудой камней в руке Шивы. Обозлился Шива и зашвырнул эти камни в Океан Севера, после чего удалился, не сказав ни слова. Брахма же пожал плечами и молвил: «Карма искажена, она препятствует обряду. Ты, Вишну, лучше нас должен видеть русло Кармы. Очисти его от затора, и огонь сделает своё дело». И сказав так, он тоже покинул Вишну.

48

В беспредельное размышление погрузился Вишну, сидя возле незажжённого костра. Сплетение за сплетением, оборот за оборотом просматривал он Карму всего сущего, выпрямляя извитые нити. Он увидел мириады путей, но все они вели к страданию. И тогда он выб-

рал самый дальний путь, тот, что завершится вместе с миром.

Закат уже состоялся, и небо было тёмным. И тем, кто в этот миг смотрел на небо, показалось, что закон искажился и Солнце поднялось, до срока прервав ночь.

Этот свет излучил Вишну в момент преобразования.

Но свет погас, и ночь продолжила своё течение. Вишну же превратил себя в юную женщину поразительной красоты. Глазами цвета мёда смотрела она, и если бы кто-то заглянул в её глаза, то показалось бы ему, что он уже летит и падает на Солнце. А волосы её были, как волны светлой меди. Лишь миг стояла она обнажённой, а затем облеклась в золотоканное платье и белый плащ с чёрной изнанкой. Босая, пошла она прочь от костра, неся под плащом сосуд из красной бронзы.

49

Уходил царь и забирал с собой свой народ как собственность.

Когда Рудра хрипел и корчился, то все асуры хрипели и корчились. Они падали полумёртвые и ползали вокруг царского шатра, стеная и вскрикивая. Были среди них такие, кто звал на помощь богов, сознавая их всемогущество. Но откашливал Рудра кровавый сгусток, начинал дышать свободнее — и асуры оживали. Так дыхание царя волнами прохо-

дило через народ асуров. А Урга сидела возле одра царя и плакала. Когда Рудра вновь очнулся, он спросил её: «Ты не можешь плакать обо мне. О ком же ты плачешь?».

Урга рассказала ему о Раване. «Мой сын останется без опеки, если я умру, — сказала Урга, — а ведь твоя смерть, о царь, будет и моей смертью. И сын мой погибнет, одинокий среди врагов и равнодушных!».

Тогда прошептал Рудра: «Клянусь, асура, если чудо или что иное спасёт меня, я сделаю твоего сына царём демонов. Одной руки ему хватит, чтоб держать жезл власти!».

Сказав так, он вновь утратил сознание.

И теперь уже и Урга стала молить богов прийти и совершить чудо. Едва призвала она Вишну, как услышала шум множества голосов вокруг шатра. Выглянула Урга из-за полога и увидела, что по становищу асуров идёт женщина солнечной красоты. И всё сущее светилось вокруг неё, словно она была центром полдня. И казалось асурам, что совершенная красота должна быть милосердной. Они хрипели: «Спаси нас, спаси нас, кто бы ты ни была!». Они ползли вслед за ней и пытались схватить край её платья, но руки их оставались пустыми.

Она же не наклонялась к ним, но стопой легко касалась их лиц и затылков и так да-

вала облегчение гибнущим демонам.

50

Когда она приблизилась к Урге, оцепеневшей возле входа в шатёр, асура пала на колени. Она взмолилась: «Помилуй, Великая Богиня! Наш царь истекает кровью, гибнет, и мы гибнем заодно с ним!».

Женщина-Солнце ответила ей: «Ты ошибаешься, асура! Ваш царь умирает не от потере крови, он умирает от жажды. Пойдём, ты поможешь мне напоить его!».

Урга поддержала голову Рудры, а богиня влила ему в рот глоток Амриты. И тогда полный, свободный вдох прошёл через грудь Рудры. Зияющее ранами тело его дрогнуло столь мощно, что толчок передался почве и ближайшие предметы подбросило. Тотчас раздалась щелчка, шелесты и скрипы — это затягивались раны, срастались кости, натягивалась свежая кожа. Рудра открыл глаза, зрачки их очистились и, расширенные, обрели глубину без предела. То был уже взгляд бога. Он увидел богиню света, исцелившую его, и он спросил её: «Есть у тебя имя или же ты — само Солнце?».

Рассмеялась пришелица и ответила: «Меня зовут Майя. Не ходи за мной, Рудра Мару! Меня можно любить, но мной нельзя овладеть!». Она поцеловала Рудру в губы и вышла вон.

Царь поднялся и хотел преследовать её, но впал в крат-

кое беспамятство, ибо был ещё слаб. Когда же он вышел из шатра и стал расспрашивать своих демонов о том, не видели ли они, куда ушла Майя, то все сказали ему, что она и не выходила из шатра. Кинулся Рудра допрашивать Ургу, а та уже измыслила великую ложь. Она сказала: «Бессонные Боги похитили Майю, схватили её, вырвали из твоих объятий!».

Тогда воскликнул Рудра: «Вот теперь я знаю, почему мне нужно сражаться с ними. Воистину, все прежние причины были смешными!».

51

Обретя обычный облик, Вишну вернулся к погребальному костру своего сына. Он зажёл костёр от искры, выбитой из кремня. Легко вспыхнуло пламя, быстро стало обильным, с треском охватило оно все брёвна костра и поднялось ревушим столбом. Но горела лишь древесина, а тело Бхирга оставалось неизменным в самом центре огня. И когда ослабел огонь и стал прозрачным, увидел Вишну, что труп его сына покрыт инеем.

Дрогнули губы трупа, разомкнулись и молвили: «Отдай».

«Нет», — прошептал Вишну, поднялся и сделал шаг от кострища.

Тогда мёртвый повторил громче: «Отдай!».

«Нет!» — закричал Вишну, пятясь от костра. Но он понял,

что устами мертвеца общается с ним Тот, с Кем не спорят. И он сказал, переведя дух: «Я исполню».

52

Всю ночь размышлял Вишну над тем, что должен был совершить. Утром он сказал сам себе: «Хэй, Вишну! Сделав половину, ты презрел целое! Вдохнул, но не выдохнул, остался на вдохе! Неужели ты думал, что Господь не заметит, как ты задержал дыхание? Эх, камень, камень, камень с потолка — воистину ты падал в нужное место!».

Вишну сокрушался так потому, что должен был отдать Рудре не только Амриту, но и Сому. А это значило вооружить его против богов наилучшим образом.

53

Вишну сказал сам себе: «Как бы мне отдать и не отдать?».

Он воскликнул: «Карма не замечает посредников, все действия для неё истинны!».

И он призвал к себе Сигурда. Сперва асур не хотел идти, но Вишну чуть придержал дыхание, и Сигурд приполз к нему, хрипя и вздрагивая.

Вишну дал ему сосуд, наполненный Сомой, и велел: «Отнеси это вашему царю, скажи ему, что Вишну хочет мира и так доказывает своё миролюбие».

Рисунки А. Кухтерина.

Сигурд же поступил так, как предвидел Вишну. Он спрятал сосуд с Сомой в тайном месте, а Рудре не сказал ни слова.

54

Как только Сигурд взял сосуд с Сомой, вспыхнул труп Бхирга ясным пламенем, горел мгновение, обратился в пепел и развеялся вдоль всех ветров.

55

Через семь дней Рудра пришёл в дом Брахмы. Не поприветствовав хозяина дома, он сказал ему: «Брахма! Ты мой родственник, ты был благожелателен ко мне, советовал мне доброе! Скажи честно, ты сочувствовал тем, кто похитил Майю, или ты ни при чём?».

Удивился Брахма и стал расспрашивать Рудру о сути его слов. Но тот лишь напрягался и всё больше впадал в злобу. Наконец он закричал, прервав вопросы Брахмы: «Я вижу, что все вы в сговоре! Но я предупреждаю и тебя, и Вишну, и Шиву — если не вернёте мне Майю, я обрушу на вас меч!».

Тогда догадался Брахма о происшедшем. Он сказал Рудре: «Опомнись! Твои враги вынуждают тебя к сражению, в котором они будут сильнее. Тебе кажется, что ты нападаешь, но на самом деле ты жертва. Я знаю, это Вишну затеял погубить тебя. Он никогда не нападает, но ещё ни разу не уцелел тот, от кого он оборо-

нялся! Остановись, затаись, жди прояснения. Я помогу тебе узнать истину».

Рудра же плюнул под ноги Брахме, повернулся и пошёл прочь. Горько заплакал Брахма и сказал сам себе: «Есть такие беды, о которых предупредить невозможно. Лишь тот, кто испытал их на себе, может понять предупреждение. Но зачем предупреждение опытному?». И он пошел в комнату, где хранилось оружие. Долго смотрел Брахма на мечи развешанные по стенам, на ножи и топоры, на копья и сумки, полные стрел. Он молвил печально: «Всякий раз, когда Бог просыпается, он прежде всего берётся за оружие. Из мира в мир кочуете вы со мной, жестокие предметы!».

56

И Рудра двинулся на Галокку, ведя за собой воинство асуров. Он двигался с Запада, и потому Вишну велел своим потомкам выстроиться в боевые порядки под западной стеной города. Так стояли они с утра, опираясь на копья, а в полдень увидели полосу пыли, что появилась над горизонтом. Поднявшись на смотровую башню, наблюдал Вишну приближение вражеских всадников. Издали казалось ему, что чёрный песок засыпает зеленые луга Арьяны. Всё ближе подходили демоны, и вот уже гул их голосов и грохот тысяч конских

копыт достигли слуха защитников Галоки. Вишну поднял правую руку, и по этому знаку ударил колокол на звоннице кремля. Грохот и лязг пронеслись над полем — это боги единым движением сомкнули щиты и наклонили копыя навстречу врагу. Вишну ожидал, что Рудра с ходу бросит своих демонов в бой, но тот остановил войско.

57

Вишну сказал своим потомкам: «Многие из вас будут поражены оружием, будут умирать. Но пусть всякий сражённый умирает молча, не произнося мантру исцеления. А иначе мы научим демонов бессмертию и этот бой станет бесконечным. Умирайте молча, дети мои, и тогда выжившие обретут мир после войны!».

58

Сигурд, который был рядом с Рудрой спросил его: «Почему мы не нападаем? Ведь нас больше на многие множества, наша сила несомненна!».

«Пусть Вишну ударит первым и ещё раз поступит вопреки своим свойствам», — ответил Рудра.

А Вишну знал, чего ждут от него враги, и приказал богам бездействовать. Тогда один из его сыновей, которого звали Вимир снял с себя доспехи и в рубахе, безоружный, пошёл через поле к строю асуrows. Яро-

стно закричали асуры и выпустили в него десятки стрел. Пораженный стрелами, пал Вимир на землю и прошептал через текущую кровь: «Вот так я освободил меч отца моего!».

Горестно застонал Вишну, скорбя о погибшем сыне, но скрепил сердце и крикнул богам: «Нападение совершилось! Обороняйтесь!». И тогда началась битва между богами и демонами. Стрелы и брошенные копыя полились встречными потоками между сходящимися войсками, боевые кличи, вопли сражённых, оружейный лязг переполнили всякое ухо. Словно косари в обильные травы вошли потомки Вишну в ряды демонов и убивали их тысячами, сокрушая мечами, и топорами, и краями щитов. Но и сами боги падали под ударами врагов и умирали молча, как велел им Вишну. Ни один из них не попытался спасти свою жизнь, сказав мантру исцеления. Увидев, что войско его гибнет, кинулся Рудра в первые ряды асуrows и повёл их за собой. «Майя, Майя!» — выкрикивал он, разя потомков Вишну топором и давя их конём. Тогда сам Вишну поднял лук и оттянув тетиву до уха послал в Рудру стрелу. Стрела не пробила заговорённые доспехи сына Суры, но так был силен её удар, что Рудру выбило из седла и он грянул наземь, потеряв оружие. Тотчас кинулись к нему боги, размахивая мечами, порубили тех асуrows, что пытались защитить царя, и уже

готовы были убить Рудру, как вдруг возле него вспыхнул столб огня и прямо из пламени шагнул на поле боя Агни — рыже-волосый сын Шивы. В обеих руках он держал по мечу и вращал мечами так быстро, что казалось, будто кольца стали крутятся вокруг него. Сражённые его ударами, попадали потомки Вишну, а уцелевшие бросились бежать. Агни поднял оглушенного ударом стрелы Рудру и подсадил его на коня. Рудра наклонился к Агни и, перекивая рёв битвы, спросил его: «Почему ты пришёл мне на помощь, сын Шивы?».

Улыбнулся Агни и ответил: «Вишну был слишком медлителен, когда искал душу моего отца в лабиринтах Кармы. Я поразмыслил и решил, что он мой враг».

59

Но и помощь Агни не принесла победы асурам. Теснимые богами, они стали отступать, а потом обратились в бегство. Уже ничто не могло остановить их, они бежали давя друг друга, а иные прорубали себе дорогу, мечами губя собратьев. Так погибли ещё многие тысячи демонов. Видя всё это, Агни крикнул Рудре: «Открой им мантру исцеления, подними мёртвых, пусть сражаются!». Но Рудра ответил: «Если я сделаю это сегодня, то завтра они набросятся на нас. Лучше пусть все они погибнут!».

И боги гнали асуров до того места, где кончаются леса Арьяны и начинается земля, именуемая Сумер, горная область с узкими ущельями, в которых мчатся холодные потоки. Остатки войска Рудры вошли в одно из таких ущелий. Потомки Вишну последовали за ними, стремясь истребить всех до последнего, но вынуждены были остановиться, ибо вход в теснину оказался столь узким, что даже один воин, заняв его, мог сдерживать десятки нападающих. Тогда Вишну велел богам стеречь вход в ущелье. Он сказал: «Побережём наши жизни. Голод убьёт асуров медленнее, чем мечи, но столь же верно. А наше время бесконечно».

60

Заваленый трупами асуров, но живой и невредимый, Сигурд до вечера пролежал под стеной Галоки. Когда стемнело, он выбрался вверх и пошел через поле боя, сам не зная куда, бормоча, как помешанный. По дороге он пинал трупы ногами и кричал: «Мёртвые, мёртвые! Будьте вы прокляты! Нет у вас страха, а я содрогаюсь! Мёртвые, мёртвые! Будьте вы прокляты! Нет у вас боли, а я ещё корчусь!». Охрипнув от крика, Сигурд замолчал и остановился. Долго смотрел он на разделанные оружием тела и вдруг сказал сам себе: «Мёртвые, мёртвые! Но у вас

нет и блаженства, нет и не будет. А мне ни в чём не отказано — ведь я пока ещё жив!». И он направился туда, где ранее спрятал сосуд с Сомой, полученный от Вишну.

61

Выкапывая сосуд, Сигурд говорил: «Лучше всего будет мне избавиться от своего народа. А иначе боги истребят меня среди прочих. Пускай умрёт мой царь, пускай мой народ задохнётся!».

Он пришёл к Вишну и сказал ему: «Великий! Прикажи своим воинам, чтобы они пропустили меня в ущелье, где укрывается Рудра, и я убью его».

Улыбнулся Вишну и ответил: «Вот теперь я верю тебе, демон. Любовь надёжней любой присяги. Ни одно обещание, ни одна клятва не сравнится по стойкости с любовью! Воистину, охваченный любовью действует самозабвенно, и потому из его действий можно легко извлечь выгоду. Иди, тебя пропустят!».

И он ещё раз пообещал отдать Ладу в жёны Сигурду, если тот убьёт Рудру.

Укрылся Сигурд от посторонних глаз, откупорил сосуд и смазал Сомой лезвие своего меча.

62

Закутавшись в плащи, асуры спали вповалку прямо на голых скалах. Почти не таясь,

Сигурд шел по лагерю Рудры, переступая через спящих. Рев потока, текущего внизу ущелья, скрывал звук его шагов. Так подобрался он к царскому шатру, раскинутому на выступе скалы над мчащейся водой. Он разрезал ткань шатра и проник внутрь. Он увидел Рудру, спящего на деревянном настиле. Царь асуров не снял на ночь доспеха, и щит служил ему изголовьем. Сигурд обнажил меч и, держа его лезвием вниз, подкрался к Рудре, намереваясь поразить его в лицо. Он опасался, что не проткнёт доспеха, а лицо было открыто. И когда Сигурд занёс меч, то некто, подбравшийся сзади, схватил его за руку и задержал удар. Обернулся Сигурд и увидел, что это его жена Урга предотвратила убийство Рудры. Урга сказала шёпотом: «Жизнь царя — это дыханье для подданных! Да будет проклят цареубийца, проклят и наказан!». И она воскликнула громко: «Проснись, царь, я схватила твоего врага!». И Рудра вскочил с ложа и выбил меч из рук Сигурда.

Когда Сигурд был связан, Рудра сказал: «Подождем до утра. Утром мы окажем почести посланнику Вишну».

63

На рассвете Рудра приказал привести Сигурда в свой шатёр. Он велел ему сесть на землю, сам сел напротив и стал смотреть в глаза асуру. Сигурд не

мог отвести взгляда, ему казалось, что Рудра схватил его за зрачки. Потом Рудра сказал: «Не думаешь ли ты, что я буду мстить, просто причиняя тебе боль? Нет, я причиняю тебе не столько боль, сколько ущерб! Ты надеялся скрыть от меня свою ценность? Смешной!». И, вскочив на ноги, Рудра выкрикнул: «Лада! Лада! Лада! Вот имя твоей ценности!». Потом он сказал: «Я сохраню твоё желание, но я лишу тебя возможности. А затем я тебя отпущу — и живи, Сигурд, как можно дольше!».

Тогда Сигурд заплакал и стал умолять Рудру о пощаде. В это время в шатёр вошел Агни. Он сказал: «О, Рудра! Ты действуешь с прямотой Брахмы и с твёрдостью Шивы. Ты полагаешь, что сей сосуд (тут он указал на Сигурда) действительно исчерпан и можно его разбить?».

«Я полагаю, что здесь возможно либо милосердие, либо беспощадность, — ответил Рудра. — Но я не вижу поводов для милосердия». И он крикнул воинам, охранявшим вход в шатёр: «Эй, возьмите Сигурда и усеките ему уд, а придатки оставьте. Пусть хочет, но не может!». Услыхав такой разговор, ещё громче заплакал Сигурд и пополз к ногам Рудры, целуя землю. Тогда Агни сказал: «Мы знаем, что ценно для тебя, Сигурд. Но для нас твоя ценность безразлична. А нет ли

у тебя чего-нибудь такого, что привлечет нас и послужит платой за нашу милость?».

Замолчал Сигурд и молчал несколько мгновений, лежа ниц на земле перед богами. Потом он встал на колени и сказал Рудре: «Вишну вручил мне сосуд с Сомой и велел передать его тебе, повелитель. Я же презрел поручение и спрятал сосуд. Но я отдам тебе Сому, если ты помилуешь меня!».

Рудра улыбнулся и ответил: «Ты обрадовал меня, Сигурд. Как я могу казнить дарителя радости?».

И Сигурд привёл Рудру и Агни к месту, где он спрятал Сому и отдал им спрятанное.

64

Рудра сказал Агни: «Мы погибнем, но перед смертью отомстим за себя потомкам Вишну. Смажем Сомой лезвия мечей и наконечники стрел! Так мы погубим большее число врагов».

Агни пожал плечами и улыбнулся. «Разве происходящее ещё не исчерпано? — спросил он Рудру. — Что ещё можно извлечь из этих событий? Они уже наскучили! А нам нет нужды погибать. Давай покинем здешние места, умчимся, увидим иные сплетения вещей, будем смеяться и плакать всякий раз по иному поводу — ведь мы боги!».

Выслушав Агни, Рудра замолчал, напрягся и стал смот-

реть в сторону. Агни вновь обратился к нему. Он сказал: «О, Рудра! Ты перестал играть и начал стараться. Брось старание, играй — ведь мы боги!».

Тогда яростный вскочил Рудра и крикнул ему в лицо: «Останься здесь, сын Шивы, и я научу тебя новой игре! Клянусь, что те, кто умрёт, умрут всерьёз и им будет больно перед смертью! Никто, никто из них не вернётся!».

Агни вновь пожал плечами и вновь улыбнулся: «Я останусь, сын Сурьи, но лишь для того, чтоб убедиться в том, что ничего нового не может происходить на свете», — сказал он и вышел из шатра.

Погружённый в тяжёлое размышление, Рудра сидел неподвижно, глядел на огонь светильника и боромотал: «О вы, беспечные, вы, непуганые, вы, не страдавшие! Я научу вас моим страхам! Вот тогда вы поползёте за мной, как за благодетелем!»

65

Утром Рудра вышел к асурам. Он крикнул им: «Эй! Сплотитесь вокруг меня!». И они сошли к нему, обступили его со всех сторон. Многие стояли пошатываясь — они были ранены и опирались на копьё. Иные же, ослабевшие от ран и голода, ложились на камни ущелья.

Рудра сказал: «Мы побеждены. Не хочу губить себя, не

хочу губить вас, а потому решил: выйдем из ущелья, оставив оружие здесь, сдадимся на милость богов. У Вишну не будет повода убивать нас, когда мы разоружимся и поднимем пустые руки!».

Сказав так, Рудра снял с себя перевязь с мечом и положил её на землю. Потом он пошёл к выходу из ущелья, и асуры пошли за ним, на ходу бросая оружие.

66

Вишну велел заковать всех асуров в цепи и запереть их внутри глубокой пещеры, находившейся неподалёку.

Рудру же он приказал поставить перед собой для суда. Он сказал Рудре: «Во имя покоя и равновесия Вселенной ты будешь убит. Это не казнь, а просто изъятие. Я удалю тебя за пределы мира, и ты перестанешь быть мучением для себя и других!».

Рудра ответил ему: «Неужели ты, Вишну, питаешь такую крепкую страсть к убийству? Воистину ты хищник, лютостью превосходящий Шиву. Но я могу помочь тебе остаться чистым. Вот моё слово — отдайте мне ту, которую я люблю, отдайте мне Майю, и я предоставлю покой вашему миру».

Усмехнулся Вишну и промолвил: «Майя! Она вокруг тебя и в тебе, и сам ты тоже Майя! Бери её сколько хочешь!».

Ещё он сказал: «Готовься к смерти, сын Сурьи. И пусть твои желания умрут раньше тебя, чтоб было незачем возвращаться!».

Ещё он сказал: «В твоей смерти не будет величия. Ты умрёшь в середине ночи, и даже Солнце не увидит, как это случится».

67

Вечером, когда Вишну прилёг для отдыха, Агни превратился в комара и стал досаждать ему. Он укусил его в нижнюю губу, а затем в мочку левого уха и наконец — в веко левого глаза. И всякий раз, когда комар впивался, Вишну бил себя по уязвлённому месту и промахивался. Разъярился Вишну и, вскочив с ложа, стал ловить комара. Он прыгал и хватал воздух, а комар улетал. Тогда Вишну принял облик Птицы Гаруда и погнался за комаром. Но Агни спрятался в надломленный стебель камыша на болоте. Раздражённый, принялся Вишну выдёргивать камыш стебель за стеблем. Он надламывал каждый стебель и дул в него, чтобы изгнать комара. Будучи богом, он знал, что комар укрылся в стебле камыша, но, будучи лишь одним из Трёх Богов, он не мог знать, в каком именно стебле. Это знал Господь, но Он не просветил Вишну.

Загрустил Вишну и сказал: «Бедный я и несчастный. Я

удерживаю Равновесие Вселенной, я охраняю Основу Мира, на моих ладонях покоится Свастика, а комары кусают меня».

И он почувствовал утомление, и утомление стало сонливостью, и Вишну уснул возле болота среди камышей.

68

Утром потомки Вишну пришли в покои своего отца, чтобы спросить его о судьбе Рудры. Они увидели, что их отец отсутствует, и ждали его некоторое время, а затем один из них по имени Ману сказал остальным: «Давайте поступим с Рудрой по-своему. Он гордец, он вызвал на бой первоуроденных богов, бросил вызов нам — чистокровным. Так накажем его унижением. Устроим пир, а он пусть прислуживает нам, как раб, и разливает вино в наши чаши!».

Услышав это, остальные потомки Вишну одобрительно закричали и решили поступить так, как предложил Ману.

Лишь один из них, тот, которого звали Хорс, не принял предложенного и сказал: «Врага надобно истребить, а не унижать. Я не стану пировать среди вас!». И он плюнул на пол и ушёл.

Остальные же сели пировать. Они привели Рудру к столу и сказали: «Вот в нише каменной стоит сосуд с вином. Возьми

ковш, зачерпни и наполни наши чаши!». Рудра взял ковш и пошел к винному сосуду. Он шел опустив голову и шаркая ногами. Сыновья Вишну смеялись над ним и кричали: «Жалкий, жалкий! Это нам позор, что мы воевали с таким жалким! Надо было плюнуть на тебя, и ты бы утонул!».

Рудра же, подойдя к сосуду, усмехнулся и прошептал: «Разве Хорс уже не плюнул на вас? Пора вам утопнуть!».

И он вынул из-за пазухи вместилище Сомы, откупорил его и вылил Сому в вино. Затем он наполнил вином ковш и, подойдя к столу смиренно, как раб, наполнил из ковша чаши потомков Вишну.

Крикнул Ману: «Выпьем, братья, за нашу победу!».

Подняли потомки Вишну свои чаши и выпили из них, и перестали быть богами. Растверянные, таращились они друг на друга и озирались по сторонам, и лепетали, как младенцы.

Рудра же подошёл к Ману и сказал ему: «Эй, Ману! Дай-ка мне ту вещь, что висит у тебя на поясе!». Заморгал Ману, пожал плечами, снял с пояса ножны, содержащие меч, и протянул Рудре. Тогда обнажил Рудра меч и принялся рубить потомков Вишну. Кровь разлилась озером на полу, и отрубленные головы торчали из неё словно кочки. Рудра ходил по обезглавленным и рассечённым телам,

наступал на животы и спины, наступал уцелевших и убивал их. Никто из потомков Вишну не сопротивлялся. Они только плакали и кланялись своему убийце, они ползали перед ним и подставляли шеи под удар меча. Ибо они стали людьми, а бог истреблял их.

69

И когда из многих сотен потомков Вишну в живых осталось лишь семеро, сам Вишну вошел в чертог кровавого пира. Видел он, что происходит, и закричал в ужасе: «Остановись, Рудра! Я скажу тебе, где искать Майю, укажу тебе её похитителей!».

Услышав эти слова, Рудра опустил меч и прекратил избивание.

Тогда Вишну обманул его. Он сказал: «Далеко на островах Севера живёт могучее племя ракшасов. Они так сильны и коварны, что даже боги не могут истребить их, а могут лишь сдерживать и держать в отдалении. Ракшасы похитили Майю, чтоб сделать её супругой своего царя! Вот иди к ним и отними её, если сможешь!».

70

После ухода Рудры оглядел Вишну чертог, залитый кровью, заваленный трупами. Он воскликнул: «Так велика моя усталость, что я не могу исправить случившееся! Пусть всё здесь станет песком и пылью и

разлетится вдоль всех ветров!»). И когда сказал он так, то очутился среди пустыни. Ветер разнёс прах его потомков, лишь семеро из них стояли перед отцом, склонив головы. Вишну сказал им: «Просите!».

Они заплакали и стали просить: «Отец, верни нам прежние свойства!». Вишну же ответил: «Мои сыновья — пьяницы! Они пили на празднике и пропили своё достоинство. Так пусть ваше похмелье растянется на тысячелетия — может, так вы протрезвеете! Великая Мантра лежит на дне ваших душ, как слиток золота в болоте. Нырять глубже, шарить руками по ложу грязи, исследуйте найденное, и вы вернёте её. Или же сделайте что хотите — мне всё равно!».

И они пошли прочь, плача и глядя в землю.

71

Вишну сказал сам себе: «Довольно с меня этих жалких, довольно с меня этих безропотных! Мне нужен кто-то, кто видит кошмарные сны!».

Сказав так, он сел на землю и начал тихонько насвистывать. И тогда по песку пустыни поползли к нему черные кобры. Вишну вытянул левую руку и позволил кобрам жалить его. Постепенно кровь Вишну наполнилась ядом, и яд одурманил его, и он уснул. Ему приснилось царство праведно-

сти, населённое благими людьми. На зелёных равнинах стояли их города, а в городах высились храмы, и в храмах славили они богов. Эти люди были равны меж собой и всякую собственность делили поровну. Жили они все равное количество лет, в тихом счастье, без боли и страдания и умирали во сне, когда приходил назначенный час.

Проснувшись, Вишну посмелся над своим сновидением.

Он сказал: «Одним движением меча уничтожит Рудра пригрезившихся мне праведников. Нет, это не ракшасы!».

Он принялся отрывать головы кобрам и выжимать из них яд. Набрав достаточно яда, он спрятал сосуд под одеждой и пришёл в дом Брахмы. Он сказал Брахме: «Давай выпьем вина, брат! Ведь я потерял всех своих потомков, горе моё велико!». И он отравил вино в чаше Брахмы, и Брахма уснул, одурманенный ядом. Когда он проснулся, Вишну спросил его: «Что ты видел во сне, брат?». Брахма ответил: «Я видел мир прекрасный и пустой. Я видел дождь, я видел снег, я чувствовал ветер и слышал шум деревьев. Больше там ничего не было». Тяжело вздохнул Вишну и пошел в дом Шивы. Он сказал Шиве: «Давай выпьем вина, брат! Ведь я потерял всех моих потомков, горе моё велико!». «Я не держу вина в своём

доме», — ответил ему Шива. «Я знаю это и потому принёс вино с собой», — сказал Вишну. И он поставил перед Шивой два наполненных сосуда, говоря при этом: «Вот только бы вспомнить мне, где здесь яд, а где вино!». Тогда рассмеялся Шива и воскликнул: «А знаешь ли ты, что только яды веселят Шиву, а вино делает его сонным!». Он схватил оба сосуда и опрокинул их себе в глотку. Долго ждал Вишну, когда же уснёт Шива, но тот оставался бодрым. Тяжело вздохнул Вишну и вернулся в свой дом.

Миновало семь ночей, и утром восьмого дня Шива пришел к нему и сел напротив. Он был так мрачен, что казалось, будто солнце совсем отвернулось от его лица. И Шива сказал: «О, Вишну! Вот уже семь ночей в моих снах бродят черные великаны. Их тела лоснятся, их глаза сверкают, они совершают ужасные дела! Я поражал их мечом, но не мог убить, ибо у них нет сердец, и они нападали на меня бесконечно, и я просыпался с криками страха!».

Вишну ответил ему: «Ты ошибаешься, Шива. У них есть сердце — одно на всех. Но нужен одержимый, тот, кто достигнет его и погрузит в него меч, и прекратит биение. О, Шива! Отдай мне свой сон, и я использую его наилучшим образом!».

72

Когда Шива уснул, Вишну задрал ему веки. И тогда из зрачков Шивы стал подниматься черный дым, как туман с озёрной поверхности. Вишну порезал кинжалом левую ладонь и, набрав прогоршню крови, окропил ею дым. И дым стянулся в столбы над каждой каплей крови, и уплотился, и обрёл очертания, и стал плотью. Чёрные великаны, прекрасные ликом и совершенные телом, во множестве встали перед Вишну и спросили его: «Кто мы?».

Вишну ответил им: «Вы — ракшасы. Ваша земля — на Севере. Идите и заселите её, и не пускайте туда богов, если не хотите погибнуть. Ибо боги — ваши враги».

Затем Вишну взял пустой сосуд, где некогда содержалась Сома, и плюнул внутрь. Замокнув сосуд пробкой, он отдал его тому ракшасу, который возник первым, и сказал ему: «Здесь, в сосуде чёрной бронзы, находится Майя. Не спрашивай, что это такое, но знай — до тех пор, пока Майя принадлежит вам, народ ваш жив и силен. И потому если некто захочет отнять у вас Майю, боритесь яростно, но не отдавайте. А иначе все погибнете».

Сказав так, Вишну отпустил ракшасов, указав им путь на Север. Он вновь склонился над спящим Шивой и погрузил руку в его левый зрачок, как в колодец. Со dna зрачка поднял

он сердце ракшасов и спрятал его в тот сосуд, где некогда сохранилась Амрита.

Тотчас проснулся Шива и сел на ложе, улыбаясь. Он сказал: «Воистину, Вишну, и от тебя есть польза. Ты помог мне! В последний миг моего сна видел я цветы, звёзды и яркую радугу!».

73

Асуры, которых Вишну заточил в пещере, пребывали в оцепенении. Тихо сидели они на камнях и смотрели на луч света, пробивавшийся сквозь тонкую щель в завале. Одни говорили: «Вот наш царь вернётся и спасёт нас». Другие говорили: «Хорошо, что наш царь ещё жив и дышит. Нам больше ничего и не надо». Третьи же роптали: «Да хоть бы умер наш царь поскорей, тогда прекратится и наша жизнь. Сколько можно мучиться!».

Были среди них и такие, кто молча погружался в сон. И Сигурд тоже уснул. Ему приснилось, что некто вышел из солнечного луча и сел напротив. У него не было облика. Он сказал Сигурду: «Взглядишь сам в себя! Что ты есть ещё, кроме северного ветра? Лишь желания — твои собственные и чужие — придают тебе форму. Взгляни в центр сердца — ты увидишь там северный ветер. Стань ветром и покинь это место. Никто тебя не удержит!».

Проснулся Сигурд и крикнул: «Братья! Мне открылся путь спасения! Ведь все мы — лишь ветер и огонь, и наши тела навязаны нам как узылица. Разве огонь и ветер мыслят, разве они желают?! Преодолеем свои мысли, отторгнем желания, станем как были — огнём и ветром! Тогда никакие стены не пресекнут нашей свободы!».

Слыша его речи, асуры решили, что Сигурд смеётся над ними. Они принялись избивать его, восклицая: «Вот тебе ещё один крепкий удар, а вот ещё один! Скоро, скоро ты станешь огнём и ветром!». Они убили бы его, но Урга его защитила. Она сказала: «Разве вы не видите — он обезумел и бредит. Оставьте его, пусть отлёживается». И прочие асуры оставили Сигурда в покое. Когда ослабела боль от побоев, Сигурд сел на камни, скрестив ноги. Долго смотрел он в себя мысленным взором и увидел содержимое своего сердца. Там было ясное небо, и лес, и голубое озеро в чаще леса. Златовласая женщина в черной одежде стояла на берегу, но вода отражала лишь небо и быстрые облака. «Лада, зачем ты держишь меня здесь, разве я тебе нужен?» — сказал Сигурд и приблизился к ней. Она же смотрела ему в глаза и улыбалась. И такой желанной, такой прекрасной была она, что в груди Сигурда шевельнулось мёртвое сердце. Подобная пламени боль охватила асура изнутри, и он понял, что эта боль всегда живёт возле сер-

дца. И он ударил кулаком в лицо женщины. Изменилось лицо, и вот уже Брахма смотрел на Сигурда и улыбался. Ещё раз ударил Сигурд, и распалось лицо Брахмы и возникло лицо Шивы. Он скалился и кривлялся. В третий раз ударил Сигурд, и лицо Шивы преобразилось. Его черты успокоились и смягчились, оскал закрылся, веки сомкнулись, как у спящего. Теперь Вишну стоял перед Сигурдом, стоял и дремал. И прошептал дремлющий Вишну: «Не бей больше, просто отвернись». Отвернулся Сигурд от Создателя и стал тем, кем был всегда, — сильным северным ветром.

74

Гул и свист раздались в пещере.

Ахнули все асуры и устали туда, где сидел Сигурд, — там теперь вращался вихрь. Взревел северный ветер и устремился к отверстию в завале, стремясь вырваться наружу. Луч света померк, и стены пещеры облепило снегом. Как ворох сухой листвы взлетели камни, закрывавшие вход, ветер поднял их и метнул в долину, где они пали с грохотом, содрагая почву. Щурясь от света и дрожа от холода, асуры вышли из места заточения. И долгое время целый народ стоял молча и смотрел на Север — туда, куда умчался один из них, ставший северным ветром.

75

Так Сигурд вернул себе прежние свойства. Теперь он мог произвольно превращаться в северный ветер или же вновь становиться асуром. Как ветер прилетел он в то ущелье, откуда Рудра вывел асуров в плен Вишну. Там он стал Сигурдом и медленно пошёл по камням, глядя под ноги. Он рассматривал мечи, во множестве лежащие на земле, некоторые из них он поднимал, но затем отбрасывал. Наконец он обрёл то, за чем вернулся, — свой меч, лезвие которого он смазал Сомой, когда собирался убить Рудру, — короткий обоюдоострый меч с почерневшим клинком.

Сигурд сказал: «Этот меч будет держать богов в отдалении от моего жилища на Севере. А больше мне ничего и не нужно!».

Тут почудилось ему, будто Вишну, встав за его спиной, прошептал: «Мало быть самим собой, чтоб ни в чём не нуждаться. Для того, чтоб ни в чём не нуждаться, нужно быть никем».

Яростно крикнул Сигурд и сделал выпад отравленным мечом, но пронзил лишь воздух. Тогда он превратился в северный ветер, с рёвом промчался вдоль ущелья, засыпав его снегом, и устремился на Север.

76

Время ракшасов текло быстро. На острове Руян, лежащем посреди Океана Севера, они

построили город и назвали его Майя-Варта. В центре города высилась пирамида из черного гранита, вершиной погружённая в облака. В сердцевине пирамиды ракшасы устроили Храм Майи, куда поместили бронзовый сосуд, содержащий плевков Вишну. Ракшасы же не знали о содержимом сосуда, ибо боялись открыть его. Они полагали, что в сосуде находится Майя, которая есть суть их бытия, и поклонялись ему.

Ракшаса, возникшего первым, звали Хаягрива. Он стал царём своего народа и хранителем Майи.

Однажды появился в Майя-Варте белокожий демон — асур, вооружённый мечом с чёрным лезвием. Он пришёл к Хаягриве и сказал ему: «Я хотел жить здесь, но вижу, что место уже занято».

Хаягрива ответил — «Плати и оставайся». Тогда Сигурд предьявил ему свой меч и сказал: «Бессмертие богов уязвимо. Этим мечом можно сразить бога. Возьми его как плату и обеспечь мне славную жизнь среди вас».

Хаягрива согласился. Он сделал Сигурда своим советником и допускал его везде, кроме Храма Майи. И чем дольше жил Сигурд среди ракшасов, пользуясь разнообразными благами и наслаждениями, тем больше возрастало его любопытство. Однажды он не выдержал и ночью тайно прокрался в святы-

лице Майи. Там он увидел сосуд чёрной бронзы — вместилище Сомы. Не зная о том, что теперь содержится в сосуде, Сигурд обрадовался. Он воскликнул: «И трое Бессонных, и все их потомки, обопьются и слягут. Я готов совершить это!».

Но едва он прикоснулся к сосуду, как раздался звон множества колоколов и гонгов. Бесчисленные стражи вбежали в святилище, схватили Сигурда и с обвинениями поставили его перед Хаягривой.

77

Хаягрива сказал: «Я знал, что ты злоумышляешь против нас. Ведь ты хотел жить здесь хозяином, а живешь, как постоялец. Конечно, ты недоволен и стремишься отомстить. А может быть, это боги подослали тебя разрушить моё царство?».

Сигурд ответил ему: «Ни то, ни другое, чёрный демон. Я не хотел тебе мстить и я не наёмник богов».

«А кто же ты?» — спросил Хаягрива.

«Я вор, — ответил Сигурд. — Я хотел украсть ценнейшую вещь на свете, вещь, которой ты владеешь слепо, не зная об её ценности».

«Мне ведома ценность Майи, — сказал Хаягрива. — Она — суть нашей жизни, без неё мы погибнем».

«Тебе внушены глупые мысли и навязано ложное зна-

ние! — воскликнул Сигурд. — В этом сосуде не Майя, в этом сосуде Сома, напиток, который лишает богов бессмертия, превращая их в людей. Я видел, как он действует, и клянусь тебе, что он обеспечит неслыханное могущество, будучи правильно применённым. А я научу тебя, как сделать это правильно!».

Злобно нахмурился Хаягрива и сказал: «Ты ничему меня не научишь, потому что ты умрёшь прямо сейчас». И он крикнул страже: «Эй, лишите его головы немедленно!».

Трое стражников с занесёнными мечами кинулись к Сигурду, но вбежали в неистовый вихрь снега, который вращался там, где только что стоял асур. Яростно завыл северный ветер, разогнался вдоль тронного зала и вылетел из дворца Хаягривы, выбив все окна и двери.

78

В полдень летнего дня Рудра и Агни пришли к воротам Майя-Варты. Они приняли облик ракшасов, и привратники беспрепятственно пропустили их в город. Они принялись ходить по улицам, наблюдая за жизнью ракшасов. Чёрные демоны знали некоторые слова Священной Речи и употребляли их, чтобы обеспечить себе разные блага. Ещё они делали свои подобию из металла и глины и, частично

оживив их, использовали как рабов или слуг.

Глядя на всё окружающее, Рудра спросил у Агни: «Каким образом появился в мире столь странный народ?».

«Я только догадываюсь, каким», — грустно ответил Агни, ибо он на самом деле догадывался.

Они пошли дальше и, пробираясь через толпу на базарной площади, встретили Сигурда.

79

Они укрылись в заброшенном доме на окраине возле городской стены. Рудра приказал Сигурду: «Расскажи нам всю правду о своём пребывании здесь и не заставляй нас проверять твои слова».

И Сигурд рассказал Рудре и Агни о том, как обошёлся с ним Хаягрива. Тогда усмехнулся Рудра и промолвил: «Сосуд чёрной бронзы либо пуст, либо содержит некую дрянь. Я сам опустошил его для потомков Вишну! Хаягрива лжёт, он прячет Майю, наводя на ложный след. Но мы принудим его к правдивости!».

Агни же сказал: «Я чувствую здесь уловку против нас, но не могу понять, в чём она заключена».

Рудра отмахнулся от его слов. Он воскликнул: «Это простое дело, и мы решим его просто. Идём во дворец и повергнем Хаягриву мечами».

80

Рудра и Агни явились во дворец царя ракшасов, а Сигурд с ними не пошёл. Хаягрива принял их, сидя на троне из красного золота. Он не встал и не поклонился богам. Он спросил их, произнося слова жёстко и грубо: «Кто вы и зачем беспокоите меня?».

Рудра ответил: «Чёрный демон! У тебя есть то, что принадлежит мне и было тобой похищено. У тебя есть Майя. Отдай её мне, и мы удалимся, оставив в покое тебя и твой народ».

«Ты лжешь, бог! — крикнул Хаягрива. — Майя перешла ко мне из рук Вишну. Он отдал мне её добровольно и явно, и я владею ей по праву. Убирайтесь прочь из моих владений, или я поступлю с вами по закону войны!».

Сказав так, Хаягрива вскочил и выхватил из ножен меч с чёрным лезвием. Угрожая оружием, он встал перед богами. Тогда улыбнулся Агни и молвил: «О, чёрный демон! Позволь мне забрать у тебя эту опасную вещь, пока ты не порезался!». И он протянул руку к мечу.

«Майя!» — крикнул Хаягрива и пронзил отравленным мечом ладонь бога.

Зашатался Агни, сжав в кулак раненую руку, и поблел так, будто удар пришёлся ему не в ладонь, а в сердце. «Этот меч отравлен, — прошептал он, — его лезвие покрыто Сомой!».

«О, Рудра! — крикнул Агни. — Помоги мне, я теряю себя, я гасну!». И он упал на плиты пола. Хаягрива же занёс меч, целясь срубить голову Агни. Тогда выхватил Рудра кинжал и метнул его в грудь царя ракшасов. По самую рукоять вонзился кинжал в тело Хаягривы там, где должно было быть сердце, но у ракшасов нет сердца. Хаягрива наступил ногой на спину Агни, прижав его к полу, и крикнул стражникам: «Эй вы! Хватайте моего врага!».

Ракшасы со всех сторон бросились на Рудру, а тот, обнажив меч, принялся рубить их. Но и расчленённые мечом, не умирали чёрные демоны. Крича от боли, они ползали по полу вокруг Рудры, и когда их раны затягивались, они вновь вступали в бой. Видя, что битва может продолжаться бесконечно, Хаягрива вновь занёс меч над поверженным Агни. Он сказал, обращаясь к Рудре: «Сдайся, и я помилую твоего спутника!». Тогда Рудра бросил оружие и поднял над головой пустые руки.

81

По приказу Хаягривы Рудра и Агни были заперты в подземелье под основанием чёрной пирамиды. Агни лежал на охапке гниющей соломы и стонал от боли, а Рудра сидел на земле в углу, прижимаясь спиной к стене. Между ними стоял светильник, который горел

тускло и коптил. Агни сказал: «Рудра! Приблизь ко мне свет, осмотри мою рану».

Рудра сделал так, как он просил, и увидел, что чернота поднимается от раны на ладони по руке Агни и уже приближается к локтю.

«Когда чернота достигнет сердца, я умру», — с горечью промолвил Агни.

«Капля Амриты могла бы спасти тебя, — сказал Рудра, — но чтобы добыть Амриту, я должен выйти отсюда. А если я уйду, Хаягрива немедля убьёт тебя. Я не знаю, что мне делать».

Тогда приподнялся Агни от ложа и сказал улыбаясь: «Уходи, Рудра. Не ради меня, а просто так. Найди смерть ракшасов, погуби их и живи победителем. А меня ждёт новое рождение!».

Но Рудра лишь покачал головой и остался сидеть рядом с Агни.

82

Через некоторое время они услышали лязг и грохот отпираемых замков. Хаягрива, сопровождаемый своими воинами, вошёл в подземелье и сказал, обращаясь к Рудре: «Я хочу поговорить с тобой, бог. Может быть, мы достигнем мира и согласия».

Они поднялись в тронный зал. Усевшись на трон из красного золота, Хаягрива молвил: «Тебе не удалось убить меня, бог, но удалось испугать. Испытав рану, я стал бояться смерти. Избавь меня от этого страха, и я отпущу тебя и твоего спутника, не причинив вам вреда».

Книжный проспект

Беспалова Л. Г., Беспалова Ю. М. Тюменский край и писатели XVII—XIX веков. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. 464 с.

Первая фамилия достаточно известна в Тюменском регионе. Лариса Георгиевна Беспалова многое сделала, чтобы реанимировать местное литературное краеведение в конце 50-х годов. Ее очерки (*Тюменский край и писатели XIX века.* Свердловск, 1970) стали этапными в возвращении нашему юношеству и массовому читателю славных, но забытых имен, многих произведений.

Знакома мне и вторая фамилия. Студентка Юлия Беспалова училась в 70-е годы на филологическом факультете Тюменского госуниверситета, и я рад, что спустя 20 лет дочь нашего мэтра тоже «заразилась» местной литературой.

Целью своего издания соавторы выбрали культурологический диалог со студентами, школьниками и лицеистами Тюменской области ради освоения региональных духовных богатств. Обращаются Беспаловы и к работникам культурно-просветительной сферы, любителям-

краеведам, ибо считают, что «велика роль краеведения и в деле воспитания человека, формирования у него чувства патриотизма, которое включает в себя любовь к родным местам, их истории и духовному наследию».

Конечно, дело соавторов — определять композицию, расположение материалов в книге. Они почему-то решили в первой части поместить литературно-критические статьи и очерки о наших писателях и их коллегах, живших в Тобольской губернии не по своей воле, путешествовавших по Сибири или работавших в ведомствах. Не повезло поэтам. В книгу включены К. Рылеев, А. Одоевский, П. Ершов. И все. Проза подана солидно — от древнерусской повести о городах Таре и Тюмени до нашего собирателя фольклора П. Городцова. Есть П. Словоцов, М. Знаменский, Н. Наумов, Г. Успенский, Н. Лухманова, Н. Ядринцев, В. Короленко, А. Чехов, Н. Телешов, К. Носилов, даже А. Созонович. Во второй части печатаются избранные места из их произведений.

Круг авторов и текстов составители значительно расширили, хотя бы по сравнению с

юбилейным изданием Л. Беспаловой 1987 года. В первой части появилась и библиография. Но (странное дело) Беспаловы претендуют на спокойное и объективное повествование о делах минувших, однако они очень пристрастны в своем выборе.

С 1996 года «СофтДизайн» работает над выпуском краеведческой литературы, тоже восстанавливая утраченную связь времен. Но в издании Беспаловых нет ни одной ссылки на хрестоматии «СофтДизайна», историко-научное и методическое пособие «Литература Тюменского края» (1997), первые тома серии «Невидимые времена».

В издательстве подготовлен и издан том М. Знаменского в 1997 году. Но Беспаловы отсылают школьников к изданиям прошлого века. Ладно, не хочется замечать «СофтДизайн». Но почему не привести иркутские издания произведений М. Знаменского 1986 и 1988 гг.? Странно, что соавторы не отличают бурсу от семинарии («годы учения в Тобольской бурсе и семинарии» — С. 103), хотя известно, что бурса была общежитием при духовном училище или семинарии для юношей из бедных семей. Досадно, что в таком в целом хорошем издании вкрались ошибки. Это дело поправимое. Книга заняла свое достойное место среди краеведческих новинок, а мы ее будем уважать и цитировать при всяком удобном случае.

Тропа жизни учителя Знаменского /Редактор-составитель В.К. Белобородов. Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 1998. 336 с.

Этот сборник, посвященный 100-летию со дня рождения замечательного сургутского культуролога, просветителя и учителя Аркадия Степановича Знаменского, должен стать культовым, знаковым (серия «Люди земли югорской»). Мы имеем дело с первой ласточкой в нашем регионе, когда издание отвечает основным требованиям мемуарно-биографического жанра, более знакомого массовому читателю, как «жизнь замечательных людей».

В наше общество возвращено имя человека, которого следует считать не только энциклопедически образованным, но и тем типом настоящего русского интеллигента, который (происходя из достойного священнослужительского сибирского рода Знаменских) осветил Югру огнем разума и чести, знания и подлинного служения заповедям Нагорной проповеди в советскую эпоху.

Сборник открывается большим биографическим очерком В. Белобородова, далее печатаются письма к Знаменским, воспоминания и статьи его друзей и знакомых, учеников об Учителе. Назову лишь несколько имен, в свою очередь ставших известными далеко за пре-

делами округа: Г. Бардин (географ, полярник и путешественник), Г. Райшев (художник), К. Ландграф (главный конструктор ядерных установок на подводных лодках) и др.

Наконец-то увидело свет философско-духовное эссе самого Знаменского (напечатано под заголовком «Мой дух витал над этим миром...»). Помещен и его родословное древо, анкета выпускника Тобольской классической гимназии (1918), заполненная на курсах Тюменского пединститута и ИУУ в 1948 году.

Публикуется (хотя и неполный) каталог домашней библиотеки Знаменских, ставшей в 30–50-е годы яркой приметой культурной жизни Сургута. И сегодня вызывает удивление факт, что никто не донес, что в этом доме пытливые люди читают Евангелие, книги «Значение свободного слова для личности, общества и церкви» (1904), Демокрита, Гельвеция, Гегеля, запрещенного Ницше (1913), Достоевского, энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, дореволюционные журналы...

Сборник имеет подробные примечания и комментарии, заканчивается списком литературы о жизни и деятельности А.С. Знаменского.

Манец А. Ф. Почем фунт лиха: Документальные повести и рассказы. Сургут: Северо-Сибирское региональное кн. изд-во «Северный дом», 1998. 150 с.

Произведения Алексея Федоровича Манца вышли в серии «Первая книга автора». Когда-то в далеком 1976 году будущий литератор приехал в Сургут по комсомольской путевке. Работал строителем и водителем. С 1984 года публикуется в югорской прессе, был завсегдатаем многочисленных совещаний молодых авторов. Характер непривычный для местной настырной пишущей братии. С большим наслаждением его осаживали тюменские «мэтры», призывали учиться литературному письму, чему, в принципе, научиться нельзя. Вот и дождал, наконец-то, хороший человек — ветеран Сургутского вышкомонтажного управления — до звания «молодой писатель». Его дорога в литературу чем-то похожа на тернистый путь Ю. Надточия. Но кто в литературе Надточий (зуу-бр-р!), а кто А. Манец? А ведь шли по одной тематико-стилевой «колее».

Хорошо, что книга вышла. В нее вошли документальные повести о нефтяниках, геологах, строителях сургутской нефтепровинции — «Почем фунт лиха», «Карша», авторский фоторепортаж, экологические очерки «Осенняя одержимость», «День, прожитый в деревне», путевые заметки водителя с зимней трассы, рассказ «Ссора».

А фунт лиха — перенос буровой на новое место. Особенно сложным при этом оказался мостовой переход через реку Тромьеган. К тому же увяз в трясине

дизельный блок. Но работяги вытащили его на четвертый день.

Интересен экологический мотив прозы А. Манца. Еще в 80-е годы, когда вокруг частенько приходилось слышать гнусное присловье «нефть все спишет!», автор «заболел» природой и культурой Севера.

Сибирская столица: Историко-краеведческий иллюстрированный журнал. Издание Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника/Редактор А.А. Бородин. 1997. № 1 (октябрь).

В «Слове к читателям» и почему-то «к авторам» (!) А. Нескоров провозгласил курс: напомнить сибирякам историю региона. Пообещал печатать все материалы про Западную Сибирь — от времени заселения ее людьми до «событий сегодняшнего дня». Но переспективнее всего для журнала, как предполагает автор предисловия, тобольская тема.

А пока круг тем достаточно широк. В первом номере можно прочесть про «вторичные» похороны Распутина и сожжение тела, про то, сколько Россия выпивала водки (материалы В. Нестеровой). Из статей и заметок «Сибирской торговой газеты», «Сибирского слова», «Сибирской жизни» можно узнать не только то, что Россия в те годы выпивала около 90 миллионов ведер в год. Практически 900 миллионов литров. При-

близительно 9 литров на душу и младенца, и старика. Сейчас-то мы к 25 литрам приближаемся. Статистики могут уточнить, но, думаю, различие будет небольшое.

Справедливости ради отмечу публикации о медном производстве на Урале, сибирских иконописцах, ритмах природы, разных календарях...

Н. Загороднюк пишет про тобольскую деревню в «год великого перелома». Статья более всего отвечает курсу журнала: хорошая историография, к месту процитированные документы, приведенные факты показывают картину народной трагедии. Ужас! В 1930–1932 гг. на Обской Север сослали свыше 30 тысяч крестьян из Тюменского, Ишимского и Тобольского округов, 150 тысяч из других областей. Именно они несли бремя освоения в Югре, построили десятки предприятий лесной и рыбной промышленности. Об этом — добротная статья Ю. Надточия.

Жаль, что не дали как следует рассказать Е.Швецовой о тобольском художнике Г. Бочанове, фоторепродукции с картин хороши, но рядом беглый огонь из названий.

Окрошка — дело хорошее, особенно с квасом и жирной сметаной, но журнальная «окрошка» (всем сестрам по серьгам!) — плохое «блюдо». Жанр издания, его структура пока не устоялись. Нужен баланс крупных аналитичес-

ких материалов с заметками и информацией. Говорят, что в производстве находится второй номер журнала... Посмотрим...
Dum spiro, spero.

Тобольский хронограф. Вып. 3/ Редактор-составитель В.Ю. Софронов. Екатеринбург: ГИПП «Уральский рабочий», 1998. 512 с.

Солидный, насыщенный малоизвестными документами и исследованиями по истории Сибири альманах. Публикуются царские грамоты, очерки об освоении Сибири П. Небольсина (1849), А. Дмитриева о Кучумовом Искере и др. Развивает свою гипотезу о судьбе Ермака тобольский краевед В. Софронов. Интересны материалы о ссылке Романовых в Тобольск, контрдроводы относительно захоронения их останков в Петрограде.

Замечательно, что «Хронограф» возвращает нам биографии известных горожан, печатает статистику и послужные списки.

Нягань: Город на историческом фоне Нижнего Приобья. Екатеринбург, 1998. 160 с.

Сборник по замыслу и многим материалам заслуживает самых высоких похвал. Но начинается он, как это ни грустно, с недочетов. На третьей странице сразу два посвящения. В разных местах. Двум разным людям — Г. Лазареву и В. Бугрову. С трудом в книге удастся найти «рас-

шифровку» первого имени. Оно принадлежит генеральному директору «Красноленинскнефтегаза». Бугрова знают многие: уроженец Югры, многолетний редактор отдела фантастики «Уральского следопыта».

Помимо няганьцев книгу готовили к изданию ученые-историки из УрГУ, Тобольского пединститута и Института истории и археологии Уральского отделения РАН. Людям, увенчанным учеными степенями, прекрасно известны правила оформления книг, однако полнота выходных данных смущает читателя. Не указано издательство, отсутствует знак ISBN. Самопал напоминает...

Небрежен язык, книга плохо отредактирована: город «возник и вырос на волне газонефтяной «лихорадки», охватившей Тюменский край (!?) в 80-х годах нашего столетия». Начало нефтегазовой (а не наоборот) эпопеи пришлось на 60-е...

Сильная сторона книги — открытие сибирской Трои — города Эмдера рядом с нынешней Няганью, рассказ о походах и сражениях эмдерских и кондинских богатырей (глава «Княжества Нижней Оби»). Интересны реконструкция и описание истории Кондинского Троицкого монастыря 70-х годов XVII века. В целом открыта важная страница в истории нашего края, показаны быт и культура еще одной ветви цивилизации угров на тюменской земле.

Выбор Анны Неркаги*

Видно, не одним морякам надо время от времени подниматься на палубу, как бедному Измаилу из «Моби Дика», чтобы вернуть душе правильное понимание мира, но и современному литератору, а более всего — нашему брату критику. Можно, конечно, и в «пустыню» уйти, в собирающее молчание, но эта «палуба» для более сильных характеров. Нам же довольно воспользоваться приглашением добрых людей на праздник, юбилей, семинар и оказаться на другом краю страны, чтобы вдруг увидеть, что наша усталость, наше ослабевшее зрение, наша досада на современное состояние своей литературы происходит от сузившегося горизонта, от толкотни в одних и тех же коридорах и чтения одних и тех же журналов и авторов. Давно зная об этой простой причине усталости, иногда нарочно возьмешь кого-нибудь из европейцев или американцев, чтобы промыть зрение другой реальностью, другим способом мысли, другой системой ценностей. До недавнего времени это действовало. Сегод-

ня мы начали так усердно «перетекать» друг в друга, а наиболее расторопные даже и ездить туда и сюда, что этот старый способ перестал помогать. И там горизонт не шире и душа не светлее. И вот тут-то как раз и спасет свое же, но из-за безбрежности родной земли почти и неведомое.

В конце февраля Тюмень отмечала 125-летие М.М. Пришвина. Мы, немногие гости, чуть поспевали из аудитории в аудиторию, так что и по сторонам некогда было взглянуть. Но вечера были наши, и тут случались встречи неожиданные, а с ними и дорогие открытия. Так, в один из вечеров после позднего вечернего телевизионного «прямого эфира» прямо на студию позвонил человек, сказавшийся старым знакомым, и попросил о встрече. Мы увиделись в гостинице, вспомнили Псков тридцатилетней давности, и оказалось, что мой нечаянный собеседник — издатель, которому вполне естественно хотелось похвалиться своей продукцией, а заодно сказать и о тех авторах, которые ему особенно до-

* Написано специально для «ЛУКИЧа».

роги и о которых хорошо бы поговорить пошире. И главной гордостью и самым дорогим именем для издателя была ненецкая писательница Анна Неркаги, о которой, по его словам, пишет нынче «вся Сорбонна». Ну, про «Сорбонну» это мы по Гоголю знаем — любит русский человек похвалить дорогое широко, «с запасом», хотя и обида внутренняя мелькнула: может, и не вся, но кто-то там действительно знает, а мы по снисходительности к литературам «малых народов» можем позволить себе и не знать. И, конечно, как только за моим собеседником закрылась дверь, я уж торопился разогнуть действительно прекрасно изданную тюменским «СофтДизайном» книгу повестей Анны Неркаги с темным названием «Молчащий». И, разогнув, уже не закрыл...

Составитель не без хитрости «перепутал» последовательность сочинений, перемежая новые и старые, чтобы читатель не вышел из книги до срока. Представьте, что вы наткнетесь в первой же повести на такой монолог: «Спи спокойно, первый коммунист тундры, — сказал Егоров, склоняя крупную голову в поклоне. — Ты не подавал заявление в партию, но всей своей жизнью и самой смертью доказал, что достоин звания большевика. Я, коммунист, подтверждаю это. Мы закончим твое дело, товарищ Сэротэтто». А во второй — на

столь же прямолинейную косвенную речь другого героя: «А почему бы действительно не отойти от привычного... Собрать разбросанных по тундре комсомольцев, оживить комсомольскую организацию... собрать хорошую библиотеку... ставить концерты. Районное начальство должно поддержать все это». Ведь после этого может и читать стать неловко, словно ты ошибся временем и от тебя требуется возвратиться к «целомудрию» навсегда минувших лет. Это было бы сегодня странно услышать и в городской повести самого производственного свойства, и тем более невозможно в быту обычного ненецкого стойбища, где и живут-то часто две-три семьи, от которых до соседей иногда не один день пути. И жизнь их самая первоначальная, как сто, и двести, и пятьсот лет назад: тесный чум в залатанных шкурах, огонь посредине, с которым говорят в самые сложные часы жизни, идола на священной нарте, которых кормят мясом, поят рыбьим жиром, беспрерывная тяжелая работа и редкая радость самого древнего свойства — рождение сына или удачная кочевка. И это сейчас, сегодня, в соседстве с нашим «цивилизованным» безумием. И чем естественнее и древнее порядок жизни, тем уродливее эти слова о коммунистах без партии и комсомольской организации в тундре, явившиеся, из чужой, мертвой стихии.

Как немного еще прошло времени с той поры, когда они были повседневностью, а смотрите, как скоро мы отвыкли от них и как они уже дики слуху. И я неожиданно благодарю автора за то, что она включила в книгу эти повести, не убрав оттуда этих мертвых текстов, чтобы сегодня виднее было, как страшна чужая умозрительная идея, вмешавшаяся в порядок природы, и как она необратимо выболела и отмерла в нас, словно это было не в нашей жизни. Хотя, если честно сказать, то эти два примера только на всю-то книгу и есть. Больше, как ни ищи, такой газетной прямоты не сыщешь, словно она была вставлена для «проходимости» перед тогдашним идеологическим начальством, и вставлена именно с такой нарочитой, вызывающей механичностью — вот вам! — а сами-то повести и 74-го года («Анико из рода Ного»), и 78-го («Илир») так же мощно природны и органичны, как и работы писательницы последних лет. И в самом существе материала Неркаги главное место занимает не утлая правота хотя бы и потаенной идеологии, а глубинные срывы, которые порождены изувеченной умозрением жизнью.

В «Илире», где мальчик-сирота, чьим именем названа повесть, доведен ожесточившимся против новой власти крепким хозяином до состояния сторожевого пса, который вот-вот уже позабудет человеческую речь,

мы, казалось, должны были безусловно разделить его горе и его тоску по справедливости, по правде «красной нарты», несущей ему освобождение, и столь же безусловно осудить бесчеловечного хозяина, у которого отняли его стада во имя равноправия, но чувствуем, что в душе что-то не сходится. Хозяин, конечно, злодей, кулак, зверь, и мальчик невинен, но на самом доньшке ума ты уже не можешь понять, почему у этого крепкого хозяина надо было просто так отнимать стада, выращенные им своими руками в тяжелой борьбе, страшных трудах и почти уже животной жизни, в которую он загнал себя для богатства. Мировой закон в каком-то тайном месте сломан, и одним правильным рассуждением тут ничего не исправишь. Нам очень хочется, чтобы добрый мальчик Илир узнал если не счастье, то хоть справедливость, а жестокий хозяин опаматовался, вспомнил в себе человека, чтобы жизнь не была так нестерпима, но мы уже знаем нынешним опытом, что и «красная нарта», и лучшие люди с голубыми глазами этой справедливости не восстановят и освобождения не принесут, что это только утешительный самообман доброго автора, воспользовавшегося для разрешения реальных узлов жизни художественными рецептами другого мира.

Нам очень хочется, чтобы Анико из рода Ного вернулась в родной чум, чтобы после смерти матери занять ее место у очага, утешить одинокого отца, а там и войти в старый порядок вековечной жизни, но если не прятаться за готовыми идейными ширмами, навязанными нам опытом чтения, кинематографа, телевидения, то мы ведь и юную Анико поймем. Она выросла в интернате, теперь учится в институте, давно живет вне тундры, вне родительской традиции и даже простой связи с родными, так что о ней после смерти матери даже не сразу вспоминают. Ведь тут надо все сначала начинать, и нам из своего быта даже и не понять сразу, о чем это она думает: «В сознании все время жила мысль, что мать и отец есть, пусть где-то далеко, но они живы, и, значит, по окончании института у Анико будет возможность съездить к ним, полюбить, простить их. И от них получить прощение за то, что в жизни по-прежнему много суеты и мало времени для любви».

Это ведь совсем новое, неизвестное нам чувство — надо простить родителей за то, что новый порядок жизни оторвал ее на долгие годы от дома, и снова полюбить их, как чужих. И от них принять прощение за то, что не жила их жизнью. Такие разрывы не зарастают, потому что тут сама основа разруше-

на, тут человек не вперед ушел, а «в сторону», в параллельный мир, с которым и границы-то общей нет. И вот она не может есть их пищи, не может поклоняться их идолам, не знает, как носить их одежду, а только старается понять, «как они могут жить тут. Ни кино, ни театров, ни книг. Чем они живут? Задумывался ли кто-нибудь из них, ради чего появился на свет? Маленькие, некрасивые, а круглые капюшоны малиц делают лица мужчин похожими на физиономии каменных идолов...».

И хоть мы смущаемся ее брезгливостью, этими ее отчуждающими «они», «им», все-таки если как на духу-то сказать, ведь тоже не очень понимаем, как можно жить такой первобытной жизнью — с сырым мясом, свежей кровью для детей, вечным костром посреди чума и залетающим в его верхнее отверстие снегом. И подталкивая девушку к возвращению, не додумываем: а надо ли возвращаться? Надо ли останавливать эту жизнь в ее древней стихии для сохранения нашего этнографического богатства? Не эгоизм ли это культурных людей из столиц, которые из благополучного цивилизованного обихода хотят иногда поиграть в первобытную жизнь, наведываясь в эти края в недолгие командировки для картинных очерков и сюжетов «Клуба кинопутешественни-

ков»? Ответ-ка одним словом. И как быть хоть с тем же школьным, институтским образованием? Ведь и оно неизбежно отрывает детей от традиции и ломает их генетику. Василий Михайлович Песков, с которым мы были в той тюменской поездке, рассказывал, как маются молодые аборигены Аляски, куда явились нефтепромыслы и отняли у тамошних охотников и рыбаков земли прежних промыслов. Молодых людей учат, им хорошо платят за землю, но кровь-то в них течет не «городская», и они неожиданно ломаются, не понимая причины своей тоски, и там уж кто спивается, а кто и кончает с собой. И у нас ведь то же. Это мы видели в повести Т. Молдановой «Касания цивилизации», где дети другого, соседнего с ненцами народа так же изувечены новой «передовой» жизнью и обречены на неизбежную смерть.

Анна Неркаги заканчивает повесть многоточием с чуть слышной нитью надежды, что Анико доучится и вернется, может быть, уже в геологию, в другое дело, но домой. Только ведь это тоже обман — ее не в геологии ждут, а в родном чуме. И читатель, если не будет торопиться закрыть книгу и не захочет удовлетвориться художественной подменой ответа, поневоле остановится с вопросом: можно ли задержать историю, можно ли воспроти-

виться безжалостному вторжению этой самой «цивилизации», которая жадно ищет источников нового потребления и не остановится ни перед какой древней культурой, чтобы сначала растлить ее, а там и уничтожить?

Сама Анна Неркаги, кажется, сделала выбор. И не в пользу «цивилизованных народов», за которыми мы неумоимо бегаем, стыдясь матери-родины не одно десятилетие. Об этом две последние ее повести — «Белый ягель» и «Молчащий». Ведь еще и Анико, с неприязнью глядящая на тяжелый для нее быт стойбища, однако все-таки отмечает и вот это: «Анико поразило не столько внешнее сходство людей с Идолами, сколько общее выражение значительности и достоинства на лицах ненцев и их каменных богов. Должно быть, сидящие перед ней знают что-то очень важное и основное в жизни, чего не знает она, иначе не вели бы себя так спокойно и уверенно».

Что же они знают такое «основное», чего не знает она и что делает их такими спокойными и уверенными? Об этом, вероятно, и пишет «вся Сорбонна», потому что это «основное» является в «Белом ягеле» с удивительной силой, забытым первородством духа и здоровой красотой. Сюжет и тут прост: женят молодого человека на нелюбимой девушке, потому что подошел его возраст. А

любимая-то у него в городе, унесена тем же интернатом, и ничьи призывы ее уже не воротят, как ни обманывай себя надеждами и как ни тоскуй. Она уже навсегда там, среди таких же, как она, больных странной птичьей болезнью: «крылья есть, оперение целое, а летать не могут». И вот женить женили, а юноша не делит ложе с молодой женой, страдая сам, мучая жену и терзая не понимающую его мать. Жизнь будто идет по касательной, никак не схватываясь и не становясь собственно жизнью.

Сила жизни изнемогла в постоянных столкновениях с чужим, неприродным миром. Есть крылья, цело оперение, а не летит. И слово, такое всегда значимое, что его здесь не роняли без надобности («...если сосед подошел к соседу и сказал: «Есть слово», — значит, оно действительно есть»), тоже как будто обессилело, «как олень, загнанный жестоким хозяином. Люди перестали говорить сильно, с уважением, радостью. Человеческое слово потеряло суть свою, кровь свою — и это беда, невидимая, как болезнь».

На самом деле, вероятно, не слово обессилело, а слишком чужда оказалась новая жизнь, чтобы обнять ее старым словом, вместить ее в здоровую родную речь, сложившуюся в иных днях и обычаях. Ослабла и хлябает сама жизнь, и старое креп-

кое слово ей уже не по росту. Но когда оно совпадает с живой болью и ищет соединить разорванное время, становится видно, как оно еще могуче, как велика его первородная сила. Вот тогда и проступает в слове и жизни то «основное», что волновало Анико в уверенных и спокойных лицах ее родных и что является и нам, далеким от быта и традиции тундры, но еще умеющим узнавать жизнь, вспоминать ее забытую, общую нам всем природу, когда раздается это полновластное, зрелое, напоенное соком целостной жизни слово.

Наши книги теперь ходят узкими и неторными дорогами, и у меня нет никакой надежды, что читатель когда-нибудь наткнется на книгу Анны Неркаги (тем более что, по признанию издателя, судьба книги несчастна, и она вряд ли выйдет со склада), но я очень хочу, чтобы читатель разделил со мной восхищение исцеленным (как после болезни, после всех нынешних насилий над ним), полным смысла словом, и приведу старомодно большую цитату (как, бывало, Белинский не стыдился выписывать целые страницы), чтобы было ясно, что же я разумею и под здоровым словом, и под «основным» и что полагаю интересным не для одной приметливой «Сорбонны». Мать несчастного юноши, видя его страдание и не зная, как вернуть жизни ее

высокий естественный ход, решается обратиться к сохранившему силу и святость огню, потому что «слово к огню — слово души. Первое и последнее, и оно дается лишь раз в жизни, как рождение и как смерть». Вот они, эти прекрасные, редкие сегодня и в мировой литературе страницы:

«Отделив от серой золы уголек, притаенно вспыхивающий с одного боку, она оставила его в середке, словно живое горящее сердце, и осторожно подтолкнула к нему два звонких уголька. И они, все трое, коснувшись друг друга, мгновенно занялись голубеньким пламенем. Несмелая чистая улыбка тронула губы женщины. Неужели примет?..

Сухие ломкие ветки сушняк загорелись без дыма. Стараясь не торопиться, женщина подложила тонких смолистых поленьев. Ровно загудело высокое пламя. Покорно сложив на коленях вмиг онемевшие руки, села женщина на место, откуда началась ее жизнь и где, придет время, и оборвется.

— Со словом пришла, — негромко сказала. Но твердо сказала, ибо знала, что сомневаться ни в душе, ни в голосе уже нельзя. — Последний раз я разожгла тебя. Последний раз мои руки коснулись твоего тела, а глаза искали взгляда.

Зорко следя за пламенем, женщина, сдерживая дрожь в руках, знала, что нельзя уже

подложить поленьев. Огонь сам знает. Дальше его дело. Он может потухнуть, когда есть еще дрова, а может и гореть, если даже не останется ни одного уголька. Его воля.

Не поднимая головы, лишь чувствуя на лице своем тепло и свет, женщина продолжила, окрепнув душой:

— Я не уроню слезы на лицо твое. Не пожалуюсь и не прокляну. Руки другой женщины будут беречь тебя. Вот почему я тут... но не только поэтому, — торопливо поправилась она и сменила позу. Она стала на колени, еще ниже склонив голову. Огонь ей не чета... Великий корень жизни. Ему поклонялись самые гордые, горячие головы, во все века вымаливая для себя не только тепло и благополучие. Непостижимо велика власть Огня над человеком, и робкой просьбой, не капризом и не угрозой стал звучать тихий печальный голос женщины, боясь перейти на отчаяние и боль. — Когда со стороны нетающих льдов придет Великий Холод, чтобы испытать сына моего, не покинь его.

Жарким всполохом ответило пламя.

— Когда дурной человек сядет за стол сына моего и, насытившись, плюнет в лицо тебе, умоляю, не перенеси свой гнев на сына моего.

Ровно горел Огонь. Много исповедей, молитв, радостей, прощаний и смертей видел и

принял Огонь. Он слушал и старую женщину.

— Когда жестокий холод жизни превратит в лед сердце моего сына, не пожалей силы своей, растопи тот лед.

Поднимающимся новым всполохом ответил Огонь, поленья горели не сверху, как обычно, а чистым внутренним огнем, от которого идет огонь золотой, редкостный по цвету.

— Если сын мой, обезумев, наступит на сердце твое, прости его. Когда сын моего сына подсядет к тебе, прими его.

Так просила старая женщина-мать, с каждой новой просьбой все ниже наклоняя в сединах старости голову и тишая голосом, успокаиваясь больной душой. Огонь горел. Поленья прогорели, он все горел, и было странно видеть пламя без корня. Но сила его и воля его.

Благодарно улыбнулась женщина чуду, и радость, наполнив ее, билась в каждом толчке крови. Ее слово было принято. Не упало в землю холодным камнем, не вороном в небо поднялось, а в Великую душу принято. И тогда, смяв дрожащую на губах улыбку, она подняла опущенную голову и, твердея голосом, сказала жестко:

— Если сын мой пожелает смерти тебе... сожги его! — и после долго молчала, лишь по склоненным худеньким плечам

прошла судорога, будто последняя просьба причинила ей невидимую острую боль».

Вот эта последняя просьба... Эта страшная молитва, когда «оружие проходит сердце» — какая тут сила! Какое воззвание к жизни и какая сопротивляющаяся воля — не дать очагу угаснуть, не дать жизни превратиться своего спасительного порядка, не уступить победной поступи «прогресса», который беззаботно, бездумно гасит эти огни в старых, непонятных ему «отсталых» землях.

И как в этой повести писательница нечаянно ответит и давней своей Анико устами старого отца той девушки, которую напрасно ждет из хищного города молодой герой «Белого ягеля». Другие тут имена, другие дни (между повестями двадцать лет), но жизнь тундры устойчивее нашей, и тот ответ легко перелетает два десятилетия:

«— Я умру, Илне приедет на мою могилу, передай ей тогда мое слово (как оно опять повластно, это твердое «слово» — В.К.).

Старик замолчал, но не раздумья и сомнения мучили его. Сильно и часто билось сердце, и он пережидал, когда оно успокоится. Старик смотрел на Алешку, самого близкого человека, ибо до конца своих дней этот парень будет носить в себе его последнее слово, и не жалел, что начал.

— Она будет плакать, не жалея ее. Я устал ждать. Ты тоже устал. И правильно сделал, что женился. Скажи — я долго хранил чум, поставленный руками ее матери, долго был одинок, но еще дольше верил ей... Два раза на Вершины Великих гор упадет и растает снег, и моя жизнь кончится. Я проклял дочь, не щади, скажи ей об этом. Усталость и холод живут во мне, и уже давно моя душа, как чум, в котором больше не разжигают огня».

Только дочери уже не слышат этих проклятий, покищенные безликой пустотой «общей» жизни. Но проклятия не падают в пустоту, потому что их оборотная сторона — это благословение. Проклятие — только негатив того, что ищет душа, и в грозной его горечи слышен спасительный урок другому, чей слух еще не затворился для великого порядка жизни. И молодой герой, так долго уклоняющийся от здоровой простоты традиции для построенной его воображением любви, внезапно слышит в горьком сетовании старика единственно ему адресованное наставление:

«— Когда ко мне пришло горе, я помню, ты сказал: «Отец, пусть твое сердце будет больше неба». А сейчас я говорю тебе: «Сынок, пусть твое сердце будет больше неба, чтобы в нем, кроме гордости, умещалась жалость», — и, не обо-

рачиваясь, пошел к нарте. Глядя ему в спину, Алешка медленно склонил голову.

Маленькое сердце человека и огромное бездонное небо... Не упреком вернул его слова старик, а завещал чувство, которым он пренебрегал. Говорят, жалость — мать любви».

И мы уже знаем, что эти слова, которыми так редко говорят люди в обыденной жизни, слова, равные в чистоте и свете земле и небу, достигнут уха измученного молодого героя и откроют более глубокие ключи его сердца, чтобы он понял, что стариками движет не простая привычка, не произвол, а вековая правда жизни. Если ты остался на родной земле, ты остался во всей ее природной дали и истории, в предании и вере. Ты молод летами, но уже коснулся тайны вечности. Это значит, что и сама земля матерински приняла тебя и ты почувствовал прорастание мудрости в сердце, как прорастание крыльев, которые не забыли полета.

Не одним словом, а и терпением и примером старики стойбища и мать проростили в Алешке эти здоровые крылья, чтобы однажды он полетел сам. Нигде дорога не сокращена в угоду умозрению. Никакая идея не давила на плечи автора, а только искала выход сама жизнь. Сама жизнь молилась об исцелении. И как же хороши эти простые последние стра-

ницы, когда Алешка после месяцев тоски и колеблющихся мыслей, наконец, понимает, в какой стороне течет источник живой воды, и впервые разгибается. А с ним, кажется, разгибаемся и мы:

«Алешка с болью вздохнул и совсем неожиданно для себя ощутил усталость, будто он только вернулся и сидит, уверенный, что может спокойно отдохнуть. Сейчас он поднимется и войдет туда, где ждут его мать и... и... жена.

...Горячее волнение перехватило его дыхание, но Алешка, пересилив себя, три раза кашлянул и всем сердцем почувствовал, как, сорвавшись со своих мест, две женщины кинулись к его огню, чтоб, когда войдет он, их хозяин, огонь горел бы страстно и сильно.

Он шел и чувствовал силу своих шагов. У самого входа остановился, перевел дыхание и, широко откидывая за спину, распахнул полог. Так входит мужчина в пору своей зрелости. И первое, что он увидел, были две женщины, ярко освещенные огнем, потупившие глаза и привставшие с мест. Так делает женщина, когда в чум входит мужчина, хозяин и Господин».

Почему, почему и нам так важно было это решение, словно оно что-то преображает и в нас? Да потому, что мы ведь и сами давно не входим в свой дом с чувством хозяина, и наши

женщины не привстают нам навстречу со счастливой уверенностью хранительниц домашнего очага. Жизнь давно выветрилась в нас, и мы легче и понятливее, как свое, принимаем французские дары «экзистенции» («ведь мы этого достойны?»), забытые по именам, но по-прежнему вполне нынешние по плодам Сартровы и Камюсовы «границы отчаяния», «сизифовы камни», которые надо катить с героическим чувством сопротивления, зная, что они скатятся снова. Мы следом за доброй Европой давно играем в жизнь, как в телевизионный сериал, иногда уже путая границы игры и реальности, словно наблюдая за собой со стороны, как за героями пьесы, и смущаясь, если оказываемся недостаточно картинны. Но там-то, на глубине, выбор еще за нами, и жизнь еще достаточно сильна, чтобы звать нас и напоминать о простой здоровой основе, почему мы с такой благодарностью и смущением и принимаем выбор Анны Неркаги и ее героя, понимая и бедных сорбоннских экзистенциалистов, греющихся в ненецком чуме у ровно и спасительно светящего огня жизни.

Как бы мне хотелось здесь и закончить разговор и назвать его, положим, «Возвращение Матёры», да только, к сожалению, в книге есть еще одна повесть, и не напрасно именно она дала название всей книге

— «Молчащий». День «Белого ягеля» поворачивается в «Молчащем» неисходной ночью, хотя подписаны они одним годом — так колеблется сегодня всякая душа: утром в уединении примешь и благословишь мир, вечером наткнешься на мертвый глаз телевизора и надежда оставит тебя навсегда.

Повесть сразу выходит на сквозняки символики: «Далеко от Потерявшей имя свое, в глубь Земли, в сторону от больших и малых лесов есть Скопище. Только так можно назвать общество, в котором живет много бледнокожих, затравленных, неопределенной нации людей... В нем живут скопийцы, потомки людей, населявших Землю во времена, когда корнем человека в жизни был труд. А силу, гордость и смысл бытия составлял олень — животное о четырех ногах с коротким пушистым хвостом, удивительно красивым теплым мехом различных расцветок: от иссиня-черного до легкого голубого, как утренний туман над озером».

Далее только развитие этого жестокого образа. Далее — «быт» этого муравейника мертвецов: похоть, блуд, жестокость, желание крови (все, к чему зовет нас вечерними программами наше кривое зеркало, наш путеводитель, наш общий член семьи с правом решающего голоса). Далее — неустанная борьба с Богом в

душе, с совестью, которую представляет несчастный сын Скопища, его недобитая душа — Молчащий. Борьба не тайная, не в глубине души, не в тишине одинокого сердца, а зверская, коллективная, стадная, когда совесть пытаются втоптать, испохабить, унижить и, наконец, убить толпой, общей безответственностью, животной силой числа.

Иногда уже хочется взмолиться, чтобы автор прекратил, потому что нет сил снова и снова смотреть на взбесившееся человеческое зло. Мы давно поняли ее мысль, которой хватило бы на жестокое символическое стихотворение, но писательнице для чего-то нужно вновь и вновь стalkerивать нас в зловоние этого трупного мира, нужно отравить нас, загнать на самое дно, чтобы мы наконец догадались, что Скопище — это мы, что это обнажена от обманчиво приличных одежд наша жизнь и что это мы гоним и гоним своего «молчащего» (разве мы одни так живем, разве мы виноваты, что мир бесчеловечен, безверен, бесплоден?), пока, наконец, вместе со Скопищем не убиваем его, разнося кровотокающую плоть, чтобы теперь уж вздохнуть свободно и более не знать укора, и мучающих зовов не забывшей себя чистоты, и воспоминаний о свете и более не слышать его призывов к раскаянию и преображению.

И только вот здесь, со смертью Молчащего (самому глухому писательница подсказывает — Распятого), «спала белесая пелена мерзости и глаз скопийцев». Они увидели, Кого убили, и в единый миг «почувствовали себя растерянными, не знающими, где их путь» и стали, наконец, тем, чем всегда были и чего не видели в себе, и что напрасно будил в них Молчащий, — детьми. Но пробуждение было уже только преображающей смертью, последним мгновением, которого могло хватить только на покаяние: «И в этот миг горящее небо соединилось с пылающей землей, и сплошная золотая гудящая стена диковинного Огня встала перед скопийцами.

Никто не сделал шага назад. Озаренные лица были серьезны, торжественны. Печать усталости уступила место величю. Последние поднялись с колен, когда первые, воздев глаза, прошептали:

— Отче, прими нас, — и шагнули в бушующее пламя.

— Отче, прости нас, — прошептали последние и скрылись в золоте Огня...».

Она начинает эту повесть прямым обращением к читателю, страшась пророчество, которые имеют обыкновение сбываться, страшась, что «подписывает приговор своему маленькому народу», и признаваясь, что не может не писать этой тяжелой повести, потому

что «в нас начала гнить душа». И заканчивает тем же прямым признанием, что повесть — есть «покаяние и очищение», и «золотой огонь искупления» горит в ее сердце, и она хочет успеть сказать вместе со скопийцами «Отче, прости нас».

Повесть затруднила судьбу книги, потому что показалась тем, от кого еще зависят судьбы наших книг, слишком мрачной и грозной. Но ее уже нельзя считать несуществующей, потому что это был тот разговор с Огнем, который немецкие женщины не заводят без последней необходимости.

Тревожно думать, как дальше будет развиваться творчество Анны Неркаги, потому что такие высокие символические повести не бывают «очередными», после них трудно возвращаться в страдающее движение жизни. Человек, дерзнувший написать Апокалипсис, рискует больше ничего не написать. Но меня ободряет именно то, что «Белый ягель» и «Молчащий» подписаны одним годом и вместе и есть чистый свет и черная тьма одной жизни из края в край, а поле их битвы, как всегда, — сердце человека.

Но самое главное, что позволяет ставить впереди жизнь и надежду, то, что сама Анна Неркаги все кочует, сидит у огня и глядит на свой народ не из-за письменного стола. В добром открытом письме писательнице, предворяющем книгу, ее

старый коллега К. Лагунов зовет Анну оставить кочевье и писать, писать, потому что ее опыта хватит на годы. Может быть, и так и по сердечному движению надо бы согласиться: ведь писательница уже не молода и тяжелый труд тундры действительно отнимает у нее золотые годы творчества. Но не надо быть особенно проныцательным, чтобы сказать, что за столом на повесть «Молчащий» не будешь иметь права, а «Белый ягель» просто не напишешь.

Все чудо и тайна творчества Анны Неркаги, вся ее сила и подлинность, вся могущественная чистота ее слова рождены

тундрой, кочевьем, огнем и трудом, рождены и оплачены совершенной правдой ее существования. Она лучше нас слышит эту связанность, эту органическую слиянность, и в этом тоже ее выбор, сознание ответственности и живое, умнейшее понимание, что именно эта подлинность жизни и делает ее словом и плотью народа, его страдающим голосом, его оправданием перед Богом и миром, его полноценным свидетельством о том, что в мире нет малых народов и малых культур и всякое слово перед Богом — единственно.

Пошли ей, Господи, сил на святых ее путях.

Книги местных авторов

Алишина Х.Ч. Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар/Казанский пед. ин-т. — Казань, 1994. — 120 с.

Монография восполняет существенный пробел в исследовании истории и современного положения одного из интереснейших тюркских наречий Западной Сибири. На основе анализа языковых данных по малоизученному тоболо-иртышскому диалекту на фонетическом, морфологическом, лексическом уровнях проведена дифференциация говоров сибирских татар. В научный оборот вовлечена богатая источниковая база лингвистических данных, собранных в семидесяти семи населенных пунктах юга Тюменской области.

Расчитана на тюркологов, филологов, монголоведов, исследователей русско-татарского билингвизма. Может быть использована как учебное пособие по исторической грамматике тюркских языков и диалектологии, исторической лексикологии, а также в практической работе по нормированию и дальнейшему развитию языка сибирских татар.

Беспалова Л.Г., Беспалова Ю.М. Тюменский край и писатели XVII—XIX веков. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. — 464 с.

Книга предназначена для школьников, студентов и всех тех, кто интересуется историей былой жизни Тюменского края и ее отражением в художественных произведениях. Пер-

вая часть содержит очерки о писателях XVII—XIX веков, вторая — включает их произведения.

Бирюков В.П. В штабе тюменских нефтяников: воспоминания о трудовой деятельности (1971—1978 гг.). — Сургут, 1997. — 120 с. — (Б-чка журн. «Югра»).

Виктор Павлович Бирюков — бывший комсомольский и партийный работник Тюменского края. Первая часть его воспоминаний («Годы и люди Тюменского Севера» — о работе в Ханты-Мансийске и Сургуте) опубликована в 1995 году на страницах историко-культурного журнала «Югра». Вторая часть под таким же названием (о работе в Нефтеюганске и Березове) вышла отдельной книгой в библиотечке журнала «Югра» (1995). Обе они нашли широкий резонанс, живой отклик читателей Тюменской области.

И вот третья часть воспоминаний автора. Виктор Павлович, как всегда, с интересом и теплотой рассказывает о своих соратниках по труду в штабе тюменских нефтяников — Главтюменьнефтегазе. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Гольд А.Г. Избранное: В 2-х томах. — Екатеринбург: Изд-во «СВ-96», 1997.

Т. 1. Земные времена. — 360 с.

Т. 2. Путь к алтарю. — 352 с.

В двухтомнике собраны лучшие произведения известного поэта, пи-

сателя и журналиста Альфреда Генриховича Гольда (1939—1997).

Боле полтора десятков лет он жил и работал на Крайнем Севере Тюменской области, пропустил через сердце и отразил в своем творчестве все победы и издержки гигантской эпохи освоения этого сурового края.

В очерках, стихах и поэмах А. Гольда — не только свидетельства очевидца, но и философское осмысление одного из этапов истории России.

Лидия Жебутинская. Алмаза грань: Сборник стихов. — Тюмень: Изд-во «Вектор Бук», 1997. — 88 с.

«Алмаза грань» — второй сборник стихов Лидии Жебутинской. Первый вышел в 1996 году и назывался «Молчание лотоса».

Этот сборник состоит из четырех разделов, объединенных темой многокрасочности бытия и лирических переживаний героев.

Сборник — результат эстетических впечатлений автора от неординарности жизни. Автор стремился показать красоту в природе, человеческих отношениях и неповторимость нашего мира.

Долгая дорога к нефти: Публицистическое повествование о становлении коллектива ОАО «Сургутнефтегаз». — Сургут: Северо-Сибирское региональное кн. изд-во, 1997. — 356 с.

«Долгая дорога к нефти» — издание, которое по праву можно назвать «книгой века». Впервые воедино собраны богатые исторические, а также уникальные факты о современном состоянии одного из крупнейших нефтегазодобывающих предприятий России — ОАО «Сургутнефтегаз».

Публицистическое повествование

коллектива авторов о сургутских нефтяниках гармонично вписывается в красочный, интересный фотоматериал, который представлен в книге как архивными снимками, так и современными фотоработами известных мастеров Сургута и России.

Юбилейное издание «Долгая дорога к нефти», выпуск которого приурочен к 20-летию со дня создания акционерного общества «Сургутнефтегаз», предназначается для широкого круга читателей.

Древний город на Оби: История Сургута. — Екатеринбург: Изд-во «Тезис», 1994. — 328 с.

Книга, подготовленная к 400-летию г. Сургута коллективом авторов Уральского государственного университета (г. Екатеринбург), отражает многовековую историю Сургутского Приобья с древнейших времен до наших дней. Являясь по форме изложения научно-популярной, книга вместе с тем представляет собой первое крупное обобщающее научное исследование хода, проблем и итогов экономического и социокультурного развития Сургутского края.

Издание предназначено как для специалистов, так и для широкого круга читателей (педагогов, студентов, школьников), для всех, кто интересуется увлекательной историей древней сургутской земли.

Истомин И.Г. Первые ласточки: Роман, пьеса, стихи, песни, сказки, воспоминания. Т. 2. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1997. — 352 с.

В книгу вошли роман «Встань-трава», пьеса «Цветы в снегах», ненецкие и хантыйские народные сказки, произведения для детей, написанные старейшим ненецким писателем.

Издание содержит также воспоминания об авторе.

Заварихин С.П., Княжев В.В. Экология зодчества: О некоторых объективных основах «второй природы». — СПб.: Стройиздат СПб, 1995. — 186 с.

Читателей ждет увлекательное путешествие в «царство необходимости» зодчества, в область тех объективных закономерностей среды обитания человека, которые так полно и так тонко учитывались при строительстве в прошлом и которыми, к сожалению, нередко пренебрегает современная градостроительная практика. Влияние на архитектуру ландшафта, климата, подземных вод и грунтов, строительных материалов, а также «четвертого измерения» — времени — вот основные вопросы, которым посвящена книга, написанная на материале западносибирского зодчества, главным образом Тобольска.

Книга может быть полезна и интересна не только специалистам — архитекторам, искусствоведам, реставраторам, историкам, но и всем интересующимся проблемами архитектуры и истории.

Литературная гостиная: Стихи. — Белоярский, 1994. — 36 с.

25-летию города Белоярского посвящается подборка стихов и прозы литераторов, живущих в этом северном городе.

Канакин И.А. Языки соседей: О хантыйском и ненецком. — Тюмень, ИПСО СО РАН, 1996. — 124 с.

В книге, соединяющей научную глубину и доступность изложения, рассказывается о двух северных языках — хантыйском и ненецком: как они устроены, чем отличаются и как влияют друг на друга. Она может быть использована в качестве учебного пособия студентами-гуманитари-

ями, специализирующимися на северной тематике, сегодняшними и будущими преподавателями хантыйского и ненецкого языков. Книга будет также полезна ученым-лингвистам и этнографам. Наконец, ее с интересом прочтут все, кто не забыл школьной программы по русскому языку и хотел бы получить общее представление о языках коренного населения Северо-Западной Сибири.

Коняев Николай Иванович. Околоток Перековка: Сборник повестей. — М.: Унисерв, 1996. — 256 с.

В новую книгу Н.И. Коняева, писателя из Ханты-Мансийска, вошли повести «Сборщик дани», «Звенела птица в поднебесье» и др., изданные в 1992–94 гг. в Шадринске и Тюмени. Произведения объединяет тема нравственных испытаний, выпавших на долю «маленького» человека в годы горбачевской перестройки и ельцинских реформ.

Мазин Владимир Алексеевич. Судьба, надежда и любовь: Литерические страницы районного стихотворца. — Нижневартовск: Приобье, 1996. — 112 с.

Автор родился в семье ханты. Закончил филфак пединститута. Пишет стихи на русском языке.

Евдокия Романдеева. Душа и звезды: Предания, сказания и обряды народа манси. — Л.-Ханты-Мансийск, 1991. — 114 с.

Эта работа о мировоззрении и духовной культуре народа манси. Она будет полезна философам и социологам, фольклористам и историкам, этнографам и археологам, преподавателям истории по теме «Обычаи, нравы и верования народа манси» в школах, средних учебных заведениях,

вузах, где обучаются финно-угорские народы, а также специалистам, интересующимся древней культурой этих народов. Этот труд будет нужным пособием и для пропагандистов, работников культуры, экскурсоводов, музейных кадров, в первую очередь Западно-Сибирского региона.

Ругин Р.П. Волшебная земля: Легенды, сказки, повести, рассказы. Т. 3. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1997. — 432 с.

Третий том сочинений хантыйского писателя, лауреата литературной премии Союза писателей РФ составили легенды, сказки, повести и рассказы.

Слово родного Севера: Книга для чтения /Автор-сост. Лагунова О.К. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1997. — 512 с.

В книге представлены лучшие образцы поэзии и прозы коренных народов севера Западной Сибири (манси, ненцев, ханты), отобранные с учетом возрастной психологии и ценностных ориентиров учащихся 5—11 классов.

Книга может быть использована в качестве учебного пособия по предметам «Литература народов России», «Литературное краеведение», для занятий на факультативных курсах, а также для самостоятельного чтения в кругу семьи.

Смирнов Н.П. Нюролькин хлеб. Сказы, легенды, повести. — Нижневартовск: Приобье, 1996. — 320 с.

В книге сделана попытка записать многовековую историю малой северной народности — ваховских ханты. Автор собрал и представил в различных жанрах уникальный этнографический и фактический материал по

территории Нижневартовского района, представляющий интерес для широкого круга читателей.

Теория и экология разума: Выпуск 6/Тюменский гос. ин-т искусств и культуры. — Тюмень: Изд-во «Вектор Бук», 1997. — 150 с.

В продолжающейся серии, выходящей под эгидой Тюменского клуба разума, помещены работы С.П. Суроягина, С.Л. Лалаянц, М.Г. Ганопольского и др.

Тимофеев Г.Н. Тайны сибирских шаманов: Из истории шаманизма Югорского края. — Сургут, 1997. — 110 с. — (Б-чка журн. «Югра»).

Историк-краевед Г.Н. Тимофеев хорошо знаком читателям журнала «Югра» по его частым очеркам об истории и культуре нашего края. Живет в пос. Октябрьское, а в Ханты-Мансийском автономном округе он с 1940 года.

История шаманизма нашего края — новая тема для нас, а для автора — это духовная история аборигенов. Это мы почувствуем, когда прочтем книгу «Тайны сибирских шаманов». Она может быть полезна учителям, учащимся и студентам, журналистам и лекторам, всем интересующимся сибирским шаманизмом. Обширный материал, накопленный автором за десятилетия поиска, рассчитан на широкий круг читателей.

Трунилова Т.Н. Готовимся к сочинению/Тюменская гос. мед. академия. — Тюмень, 1977. — 58 с.

Пособие по русскому языку и литературе для учащихся старших классов и поступающих в вузы.

Пособие состоит из трех разделов, в которых представлены рекоменда-

ции как по русскому языку и литературе, так и по методике написания сочинений. Цель книги — помочь старшеклассникам и поступающим в вузы организовать работу по подготовке к экзамену.

Мы — дети природы: Хрестоматия по краеведению для 2 класса. — Ханты-Мансийск, 1997. — 132 с.

В учебном пособии представлено творчество писателей и поэтов Югры, научно-популярные работы ученых-этнографов, этнолингвистов.

Книга адресована учителям начальных классов учебных заведений различного типа.

Николай Шамсутдинов. Любовь без утolenия. — Тюмень: Дизайн-группа «Anvarium», 1997. — 248 с.

Критик В. Рогачев в предисловии к книге пишет: «Предлагаю пиршество для гурманов — сложнейшую

философскую элeгию Николая Шамсутдинова, в которой вечная тема любви переключается с душевными опытами европейской культуры».

Шесталов Ю. Собрание сочинений. Т. 3. — Санкт-Петербург—Ханты-Мансийск: Фонд космического сознания, 1997. — 528 с.

В третий том собрания сочинений Ю. Шесталова входит диалогия, состоящая из повестей «Когда начало меня солнце» и «Огонь исцеления».

Шкода Л.В. На грани нежности и скорби: Стихи. — Сургут: АИИК «Северный дом», 1993. — 112 с.

В первом авторском сборнике стихотворений поэта из г. Нижневартовска Л. Шкоды прослеживаются откровения, искренняя боль за свою Родину, философский взгляд много повидавшего и испытавшего человека на окружающие нас события; безграничная, чистая любовь к женщине.

С чего начать

курс школьного литературного краеведения (концепция, ведущие идеи и формы планирования и построения уроков)

Статус школьного литературного краеведения определен региональным компонентом базисного плана образования. На его основе для нашего региона составлены два варианта пробных программ, представляющие две возможные концепции курса:

Литература Тюменского региона: Программа по литературному краеведению для 6 класса/Сост. Данилина Г.И., Рогачева Н.А., Эртнер Е.Н. Тюмень, 1996;

Литература и фольклор Тюменского края: Региональный компонент на уроках литературы в 5—11 классах: Программа по литературному краеведению/Сост. Данилина Г.И., Рогачева Н.А., Эртнер Е.М. Тюмень, 1996.

В настоящей статье мы рассмотрим один из возможных вариантов построения предмета.

Литературное краеведение — самостоятельная факультативная дисциплина, изучение которой соотнесено с системой других краеведческих предметов. Принцип вариативности региональных программ позволяет вести уроки литературного краеведения в разных классах, выделив несколько концептуально-тематических блоков курса.

Структура программы для V—VI классов может быть определена жанрово-тематическим принципом. Цель курса на этом этапе — создать представление о Западной Сибири как о культурном пространстве, внутри которого взаимодействуют разномациональные традиции, сосуществуют различные картины мира, определилось разное представление о ценностях бытия. Чтобы выявить эту ощутимую разность, нужно не просто рассматривать произведения фольклора и литературы народов Западной Сибири, но и сравнивать их, находя точки соприкосновения и подчеркивая уникальность каждой культуры.

Первые уроки литературного краеведения могут быть посвящены изучению мифов о творении Земли и Вселенной. Нетрудно заметить, как много в них общего, поскольку сюжеты космогонических мифов коренных народов Тюменского Севера стро-

ятся по единой модели: со дна первородного океана птица достает кусочек земли, затем из него вырастает целый мир. Русская версия, при явном отличии от угорских и самодийских мифов о сотворении мира, также связывает этот процесс со всемирным потоком. Земля создается заново, и на этой обновленной земле одному из сыновей Лота — Симу достается огромная Азия. Установившая сходство, мы яснее представляем различие: христианская версия отвергает языческую.

Заметим, что, как и всякие другие произведения устной культуры, мифы многослойны по содержанию. Задачей начальных уроков краеведческого курса могла бы стать работа по выявлению тех разнообразных смыслов, которые скрыты в мифологических сказаниях, так как миф вбирает в себя и фиксирует мировоззрение народа в его исторических изменениях, коллективную психологию, бытовые нормы. Напомним, что нередко мы имеем дело с мифами, подвергнутыми литературной обработке, включенными в художественный текст (например, мифы в произведениях Е. Айпина, Ю. Шесталова), так что в сказаниях присутствует авторское начало, личное переживание древней истории.

Второй тематический блок курса может быть посвящен фольклору разных народов, населяющих Тюменский край. Материал лучше всего объединить по жанровому принципу, выделив сказки, легенды, предания, загадки, эпос и т.д. Важно, чтобы при этом сохранялись общие подходы к его изучению: сравнение произведений разных культурных традиций, рассмотрение их как многослойных текстов, в которых отражена картина мира данного народа, устройство его жизни, склад мышления.

На раннем этапе изучения литературы края необходимо поставить вопрос о значении фольклорной и мифологической традиции для формирования авторского творчества. Это тем более важно, что литература народов Тюменского Севера возникла относительно недавно и, как всякая молодая литература, проходит этап самоопределения. Но и произведения русских писателей Западной Сибири также связаны с местными преданиями, художники хорошо понимают, что особый «дух» Сибири можно выразить, лишь обращаясь к традициям ее народного искусства. Не случайно, например, так глубоко связано с фольклором творчество П.П. Ершова, считавшего своим долгом открыть русскому читателю уникальный мир сибирского края. Фольклорные традиции, которые мы находим в творчестве самых разных писателей — уроженцев нашего края, являются той проблемой, на основе которой может быть построен третий тематический блок курса литературного краеведения.

Одна из основных задач предмета заключается в том, чтобы показать особенности мировидения художников, чьи впечатления детства, проведенного в нашем крае, нашли позднее отражение в их произведениях. Западная Сибирь стала истоком творчества М.С. Знаменского и В.П. Крапивина, Н.М. Ядринцева и В.И. Князева, а также многих других российских писателей. Писатели-сибиряки утверждают в литературе особый взгляд на мир, не забывая о своем родстве с Сибирью даже в тех случаях, когда темы их произведений прямо не связаны с нашим краем. Закономерно, что тема детства определяет четвертый содержательный блок в начальном курсе литературного краеведения.

Поиск «своего» содержания в литературе края во многом связан с развитием темы природы. Человек, открывая для себя ее особый мир, утверждая свое родство с ней, ищет язык, с помощью которого он смог бы выразить душу природы, определить свое понимание ее жизни. Сибирский пейзаж для многих произведений стал своего рода знаком их своеобразия, специфического содержания, основополагающей характеристикой художественного мира. Таким образом, вполне оправданным будет выделение темы природы в краевой литературе как самостоятельного содержательного блока.

Особый, сибирский взгляд на мир проявляется и в выборе сюжетов, и в образном строе произведения, и в специфической речи художника. В целостной форме он получает завершение через концепцию истории. В ней мы можем проследить движение от начального этапа — создания Земли до ее завершения — эсхатологических мифов и произведений, где говорится о неизбежной экологической катастрофе. История края в мифах, фольклоре, литературе составит заключительный раздел начального краеведческого курса.

Уже на первом этапе изучения литературного краеведения определяются главные проблемы курса и те идеи, которые могут быть положены в его основу. В старших классах среднего звена (8-м или 9-м — по выбору) имеет смысл сосредоточиться на такой проблеме, как художественное освоение пространства нашего края на разных этапах литературной истории.

Начав с мифологии пространства, мы отметим характерное для традиционной культуры отождествление севера и запада со страной мертвых, юга и востока — с рождением и жизнью. С точки зрения европейца, Сибирь находится там, где смерть и холод («страна полунощная»). Для жителя Сибири мир мертвых может отодвигаться далеко в сторону севера или располагаться на западе — за Камнем, то есть в Европе. То пространство, кото-

рое европейцу кажется мертвым, станет центром мира и воплощением жизни.

Мифология наделяет сакральным значением природные объекты. Но для непосвященного человека (например, для русского поселенца, попавшего в чужой для него мир северной культуры) они представляются лишь элементами «дикий», лишенной смысла природы. Зато русские сакрализуют иные объекты или изменяют значение пространства в соответствии со своей системой ценностей.

Процесс демифологизации пространства нашего края и изменение ценностного содержания сибирского ландшафта осуществляются во многом с помощью литературы.

Художественная география Тюменского региона складывалась на протяжении многих лет, начиная с древнерусских летописей и до произведений современных писателей. Именно она и становится предметом исследования на второй ступени литературно-краеведческого курса. Образы городов, деревень, рек, тайги вошли в художественный мир региональной литературы, определили ее своеобразие.

Особенности этого мира зависят от той оценки, которую ему дает писатель. Есть существенная разница между позициями путешественника, исследователя, коренного жителя края или пришельцев. Поэтому стоит обратить внимание на такие определения Сибири, как «колония», «золотое дно», «дикий край», «новая Америка» и другие.

Характер воплощения темы Сибири зависит также от специфики жанрового мышления художника. Сам образ нашего края нередко предопределяется жанровыми особенностями произведений, в которых он развернут.

На уроках краеведения стоит сделать акцент на той роли, которую играет в этом процессе очерк с его многочисленными жанровыми разновидностями. Раньше других в литературе края сформировался путевой очерк, бывший формой не только художественного, но и научного описания Западной Сибири. В нем определяются параметры нового для русских мира и складываются особенности его восприятия личностью: от восхищения до ужаса, от удивления до разочарования. Наряду с путевым в тюменской литературе широко представлен этнографический, бытовой, нравоописательный очерк. Очерковое начало можно выделить и в произведениях других литературных жанров, в которых создается образ нашего края.

Итак, преобладающим принципом построения курса литературного краеведения в старших классах средней ступени стано-

вится «горизонтальное сечение» (П. Сакулин), выделение единого художественного пространственного образа Западной Сибири. На этом этапе, помимо уроков, особенно значимы разного типа внеурочные занятия, те краеведческие исследования, которые могут провести сами ученики.

В старших, выпускных, классах объединяющей темой курса может стать история края, отраженная в художественных текстах. Это история освоения «ничьей» земли, наполненная драматическими конфликтами, радостью освоения и горечью разочарований.

Одним из важнейших аспектов темы является проблема национального своеобразия литератур, составляющих единую краевую литературу. По возможности стоит выявить специфическое «разноречие» тюменского текста, обозначить складывающийся в ней диалог разнонациональных культур. Важно, чтобы речь шла о разных уровнях поэтики произведений, в которых можно увидеть как центробежные, так и центростремительные тенденции тюменского текста. Например, это может быть проблема героя, в котором сочетаются черты эпического образа и персонажа, несущего признаки литературы нового времени, рефлексизирующего сознания.

В свою очередь и сама история художественного освоения края также становится предметом краеведческого курса. Уже в древнерусской литературе сложилась определенная топика сибирского локуса. Ее сменила просветительская концепция Сибири. Существенно изменили взгляд на наш край романтики, в особенности декабристы. Иной, новый образ регион приобрел в творчестве писателей-разночинцев и народников... Так, вплоть до современных произведений происходит постоянное динамическое изменение в краевом тексте составляющих его элементов.

На последнем, завершающем этапе курса литературного краеведения происходит обобщение знаний, полученных ранее, и в то же время эти знания обретают системную целостность.

Логика, в соответствии с которой строится курс литературного краеведения, так или иначе соотносится со структурой других краеведческих предметов. На основе изложенных принципов составлены хрестоматии «Лукоморье» (Тюмень, 1997) и «Страна без границ. В 2-х томах» (Тюмень, 1998). Это не значит, что учитель не имеет возможности варьировать материал, предлагать авторские модели предмета. Напротив, занятия краеведением предполагают свободу творчества каждого увлеченного или исследователя.

«Это твоя Родина, сыночка...» К проблеме упаковки местного товара

Отношения между издателем и автором всегда непросты. И если последний уходит к другому, то еще не значит, что издатель плох, а автор — гений.

Как-то, работая над рукописью филологического сборника, пытался убедить редактора-составителя, что выражение «образ жанра газетной статьи» не более, чем наукообразие. Ибо газетная статья — это жанр. И, на мой взгляд, использование такого набора слов только в сатирическом произведении может трактоваться не как тавтология, а как элемент комического.

Не убедил. После этого перестали подавать друг другу руку при встрече.

Посмейся, читатель. Вот только над чем? То ли над принципиальностью издателя и составителя, то ли над их апломбом? Это в самом деле смешно. Хотя и на бессознательном уровне.

Но это еще что...

Автор другой статьи, которому было предложено доработать материал, сделал губы сумочкой: «Что, Вам денег жалко на публикацию? Всего ведь несколько страничек...». Скажем так, мотивировка, что филологическая ра-

бота — высший класс, весьма убедительна. Особенно когда буквально через пару недель после подсчета денег в кармане издателя сообщается: «Университетский вестник взял статью без оговорок». А знаком качества статье, хотя, скорее, нимбом автору, служила другая информация: отвергнутый издателем владелец рукописи становится докторантом.

В такой аргументации, на мой взгляд, есть что-то от рыночного трюкачества: мол, туго с пониманием филологии в «СофтДизайне». *А наш товар (читай — издательство) — лучше.*

Признаюсь, такая точка зрения имеет право на существование. Ибо с пониманием филологии в изысканиях парфеновского разлива часто далеко все не так, как с «Культурой языка» Г.О. Винокура, читая которого сразу понимаешь: все очень популярно, но это наука. В рукописях, о которых выше шла речь, чаще всего первый читатель — редактор издательства — не мог сказать ни тпру ни ну: уж сильно велики ножницы между необходимостью сказать и невозможностью сделать это из-за чувства деликатности. Разовьем этот тезис собственным исследованием тек-

ста, перекочевавшего из «СофтДизайна» в лучшее издательство страны (недавно сообщалось о вручении ему наград по шести номинациям). Как говорил редактор районной газеты, в которой довелось работать: «А теперь мы Вас почитаем...».

Статья, опубликованная в «Вестнике ТГУ», названа с размахом: «Тема освоения Сибири в русской литературе XIX века». То, как понимает исследователь освоение Сибири, обозначено уже во втором абзаце: «*Литературное освоение Сибири, другими словами, тема Ермака...*».

Что-то уж больно это напоминает классику: «Мы говорим Ленин, подразумеваем — партия...». И проявить свои способности к анализу произведения автору этих строк уже негде. Ибо заявленная тема, скажем деликатно, не совсем совпадает с содержанием статьи. Автор ограничился перечислением сведений о Ермаке, почерпнутых из Карамзина, Хомякова, Рыльева, Ершова. Упакованная в точки зрения современных классиков литературоведения Манна и Чмыхало, статья, естественно, не может быть подвержена никакой критике.

Разве что возможны маленькие замечания. «Вестник ТГУ»

подписан в печать 10 июня 1998 г. Но еще в сентябре минувшего года была опубликована работа преподавателей Тюменского госуниверситета¹ Г.Данилиной, Н. Рогачевой и Е. Эртнер «Тюменская литература и освоение природных богатств»². В ней изложена авторская концепция понятия «освоение Сибири». При наличии такой публикации, чтобы приступить к разработке темы, пытаюсь демонстрировать научному миру: перед вами *tabula rasa*, надо иметь по крайней мере бревно в своем глазу. Хотя впечатление чистой доски может создаваться и от отутюженной протектором поверхности. Особенно когда читаешь только свои собственные сочинения.

Конечно, можно иронизировать по поводу места жительства автора статьи «Тема освоения Сибири в русской литературе XIX века», можно цитировать известное, что «истинная интеллигенция всегда в оппозиции». Но надо помнить старый анекдот с талантливой концовкой: «Сыночка, это твоя Родина!». Надо помнить, что сегодня кафедра русской литературы ТюмГУ имеет право называться хорошей школой. Школой кра-

¹ Может, автору «анализируемой» статьи неизвестна Тюмень? Город в той самой Сибири, литературное освоение которой пытается инкриминировать исследователю название опуса.

² С точки зрения предпринимателя, блестящая работа. Четыре тысячи экземпляров книги со склада издательства ушло за три месяца. Был заказ еще на 6 тысяч экземпляров бестселлера, но авторы ушли от издателя. И переиздания не случилось. А жаль...

еведения. Надо помнить, что нельзя быть исследователем литературы Сибири, не читая работ Л.Г. Беспаловой, Г.И. Данилиной, Н.А. и В.А. Рогачевых, Е.Н. Эртнер и других, не понимая их значимости в современном литературоведческом процессе. Понимаю, о-о-очень хочется выглядеть пионером...

Конечно, на вышеназванных краеведов можно и не ссылаться. Свобода творчества. Но индекс цитирования — это в первую очередь пропаганда достижений кафедры (хотите — реклама!). Неужели непрестижно работать на престижной кафедре? Кафедре, которую без тени сомнения можно называть «школой»? Так неужели создание для себя такого рабочего места — постыдный процесс?

...Издательство «СофтДизайн», выпуская свои книги, пытается работать только с местными авторами. Недавно авторитетнейший знаток сибирских проблем Н.А. Миненко в разговоре с главным редактором сделала последнему замечание: «Некоторые предисловия и комментарии к книгам серии «Невидимые времена» можно было сделать квалифицированнее...».

Позиция у издательства такова: культуру нельзя экспортировать. Если ее нет, надо культивировать, лелеять любые ее росточки. А если нужно — просто насаждать, как это делал Петр I с картофелем. Лучше или хуже предисловия и примечания,

но это наш уровень. Ровно настолько мы смогли выпрыгнуть из штанов.

И будь я редактором статьи «Тема освоения Сибири в русской литературе XIX века», я бы снова вернул ее на доработку автору. А будь главным редактором — подумал бы, должен ли в стенах вуза находиться сотрудник, пишущий о своем крае и забывающий об alma mater, о своей кормилице?

Тем более, что, читая вышеназванную статью, возникает мучительный вопрос: можно ли считать себя исследователем текста, не чувствуя языка?

Посудите сами. Возьмем первое предложение статьи. *«Учитель, обращающийся к теме Ермака в литературе XIX века, должен иметь в виду соотносимость с историческими и литературными знаниями учеников по общей программе: с историей России XVI века, знакомство с летописями, дореалистическими методами и жанрами в литературе»*. Не будем ставить вопросы типа «как соотносятся ученики с дореалистическими методами?». Такие «соотношения» краеведению, да и не только ему, пока неизвестны. Но причисать это предложение к теме Ермака в литературе XIX века, должен помнить об информации, полученной учениками на уроках истории и литературы». Конечно, скорее банальность, чем фраза из научной статьи, но понять, где подлежащее и сказуе-

мое, можно с первого взгляда. А содержание не изменилось.

Такой текст, как «Тема освоения Сибири в русской литературе XIX века», вполне подходит (как материал) для курсовых по стилистике. И, судя по «Вестнику ТГУ», время для студенческих оценок уже наступило. Еще одно тому подтверждение — статья из злополучного университетского издания.

Начало: *«Недавно в Москве издан том избранных произведений Е. Айпина, в который вошли роман «Ханты» и книга «Рассказы разных лет». В новой редакции программный рассказ «Русский лекарь» был помещен автором в первый выпуск окружного альманаха «Эринтур». Именно о рассказах писателя последнего времени хотелось бы поразмышлять, потому что они нам открывают нового Еремея Айпина».*

Недавно — для научной статьи очень точная дата свершившегося факта. Логические разрывы между первым и вторым, вторым и третьим предложениями напоминают киевскую бузину и дядьку из огорода. Наверное, это очень высокий уровень изложения для знающих контекст. Ибо без этого условия никто из читателей не поймет, что «Русский лекарь» взят из «Рассказов разных лет». Но как в один том попали две книги, не являющиеся частями одного крупного произведения? На это ни один словарь, регламентиру-

ющий нормативное употребление слов, ответить не сможет.

И почему идет речь о новой редакции рассказа, появившегося в альманахе «Эринтур», если в последнем публикации предваряет строка: «Из книги избранного «Клятвопреступник». Даже если прочесть исследовательскую сноску, что «начало и финал иные» — не развеется туман наукообразия вокруг разных вариантов. Ибо в первой главе добавлено лишь одно-единственное предложение «Везде одинаково: боры, болота, реки да озера». Изобразить такой пейзаж, привычный для жителей-ханты, это все-равно что сказать фразу: «Кушать подано», авторская воля которой (фразы) может быть исследована лишь в кульминационный момент романа «Голод». Подобные вышеназванному изменения «произошли» и в последней главе, опубликованного в «Эринтуре» рассказа. Они и рассматриваются исследователем как вариант... Вот только чего?

И кто автору статьи не позволил поразмышлять о рассказах Е. Айпина, появившихся из-под пера автора в последнее время? В результате — не публикация о талантливом прозаике, а «размышлизмы» об авторе одного рассказа «Русский лекарь»:

«Рассказ старается вычленить это противоречие...». Кто что вычленяет? Автор? Исследователь? Рассказ? Пока непонятно.

«...Рассказчик... употребит зримый болевой прием — зафик-

сирует внимание Лекаря на зверском убийстве уже приговоренных судом к тюремному заключению одиннадцати ханты листовенными дубинками...».

Попробуем понять, что же произошло? Убийство листовенными дубинками? Приговоренных судом и листовенными дубинками? Или ханты листовенными дубинками? Наверное, именно зрительность болевого приема способствовала появлению куска грамотного текста: «Русский воин тяжело вздохнет...». Я бы чуть-чуть отредактировал этот текст: «Даже русский воин от этого тяжело вздохнет...».

Все-таки штаны, как и носки, как мы все понимаем, иногда стоят... И как их ни упаковывай в новизну, а выпрыгнуть из них — ни-ни-ни... И это, увы, очень актуально...

Непонятно, почему Айпин (см. сноску 2) цитируется по Лейдерману. А в фразе «Е. Айпин прямо дважды в тексте адресует читателя к ней» исследователь отсылает читателя к произведениям Ю. Вэллы.

Есть в тексте традиционный «дождь и два студента»: «слова: библейский, мифосказочный, послевоенный, шестидесятые годы» и т.д. Удастся запнуться в статье и уже за доблестное слово «жанр»: «писатель сумел изнутри насытить жанр рассказа почти романским содержанием». Мне кажется, что от фразы «изнутри насытит» — очень «попахивает арцыбашевщиной».

Всего не перечесать, особенно если обращать внимание еще и на всяческую мелочевку.

Внутритекстовые сноски давно уже никто так не делает. Стандарт изменился. Почему не заметил этого автор, общающийся со студентом «на почве» правильности оформления курсовых работ? А почему не заметил редактор? Вряд ли надо говорить и о том, что в издании не различают два разных знака — дефис и тире, используют не характерные для современной полиграфпродукции кавычки...

Устал я, читатель, от перечисления бед, хотя кто-то обязательно заметит: а сам-то, сам-то. Мол, тоже не без греха.

— Да. Не без греха... — признаюсь напоследок в этом. — Не без греха, потому что и самому хочется быть ученым-филологом. И, может быть, даже напишу статью. Про это... как его... Явление в литературе...

Не судите строго, что буду учиться еще у одного классика из того-же сборника.

Еще начало.

«Понятие «новая русская комедия» в научно-критической литературе отсутствует. Предлагая ввести его в оборот, мы руководствуемся рядом соображений».

Как уже было доказано выше, читать местных авторов — удел немногих, поэтому позволю себе маленький плагиат, скалькирую начало своей будущей статьи:

«Понятие «жанр ДЖ»¹ в местном литературоведении до сих пор отсутствует. Предлагаю ввести его в оборот, мы² руководствуемся рядом соображений.

Лингвистический аспект такого понятия давно витал в воздухе. Его удалось вычлениить, исследовать стадиальность развития в нашей макроконцепции, соотнести с уже существующими понятиями «ДП» и «банный лист к Ж³», существующими в парадигме художественности местных литературоведческих массивов⁴. Контаминация двух понятий четко (и что важно для нашего времени — нетабуированно) позволила всем выше-сказанным определить наполняемость термина⁵ (не путать с понятием) и позволила ввести его в научный оборот. Жанр ДЖ на сегодняшнем этапе развития стоит рассматривать как единственный путь реализации научных устремлений отдельных индивидуумов⁶...».

Для начала, мне кажется, неплохо. Но в издательстве «Со-

фтДизайн» не пойдет. С такими статьями обращайтесь к конкурентам.

Недавно мне удалось проскользнуть в полуоткрытую дверь главного редактора «Вестника ТюмГУ» (если речь не идет о мании величия, то все-таки Тюменского, а не Тартуского или Томского). Те, кто видел массивность фигуры автора этих строк, поймут слово «проскользнуть» правильно.

И первый вопрос, которым стукнули мне по лбу:

— Сколько заработал на хрестоматии?

Хорош вопрос. Достоин воистину интеллигентного человека. Наверное, всем Большим советом над ним думали.

Без подготовки на такой вопрос и не ответить.

А теперь, прочтя несколько статей из Вестника, я бы нашелся:

— Геннадий Филиппович! Как Вам с такими авторами удается зарабатывать?

¹ Еще очень многие понятия отсутствуют в местном литературоведении, но о них в последующих статьях цикла «Парадигматика жанра ДЖ как ореол художественности местной культуры», — *примеч. автора*.

² «Мы», в данном контексте, — не носитель этакого величественного «я» в науке, а скорее собирательный образ тех, кто еще позволяет быть единомышленником, — *примеч. автора*.

³ Здесь и далее так будем именовать место, которое находится ниже спины. — *примеч. автора*.

⁴ Под массивом понимается совокупность литературоведческих текстов, написанных с соблюдением канонов жанра ДЖ. Ср. предложение Ю.Лотмана считать литературу целого столетия единым текстом.

⁵ Вспомним хотя бы фольклорное: «Наша песня коротка, начинай сначала».

⁶ Ср. явление, наблюдаемое в литературе и именуемое «графомания».

«Объект Збарского»

...Об этом многие знают многое, все — что-нибудь и никто достаточно. Давняя эта формула как нельзя более кстати подходит к яркой, но до недавнего времени малоизвестной странице тюменской Ленинианы.

Все мои попытки ранее вторгнуться в эту тему, ухватиться хотя бы за кончик ниточки оканчивались ничем. Не раз предлагал сотрудникам Тюменского партархива: давайте запишем на пленку воспоминания тех, кто имел отношение к тайне сохранения тела В.И. Ленина в Тюмени в годы войны... Я подготовлю материал и сдам его в архив, пусть лежит, пока придет время сказать об этом открыто... Годы идут, свидетели уходят...

— Нет. Мы не можем разрешить.

Тема эта волновала и читателя. Помню, в начале 1988 года рука редактора «Тюменской правды» расписала на меня небольшое письмо: «Дорогая редакция! Не решался вам об этом писать, а потом подумал: что будет, то и будет. Может, меня как инвалида не привлекут за это? Смотрел по телевизору похороны В.И. Ленина и думал: а ведь в годы войны тело Владимира Ильича хранилось у нас, в здании нынешнего сельскохозяйственного института. Чего молчите, пресса?..».

В 1985 году в Международном доме журналистов в Болгарии я познакомился с Алексеем Сергеевичем Абрамовым, автором книг «Мавзолей Ленина» и «У Кремлевской стены». Поделился с ним, что знаю об этом, но писать не разрешают.

И у меня, сказал А. Абрамов, фразу «тело Ленина было эвакуировано в Тюмень» тоже вычеркивают без объяснения причин. Пишу «...за Урал». Но надо добиваться.

Легко сказать: добиваться. Да, меня выслушали, обещали помочь, даже позвонить в ИМЛ, от которого-де все зависит... И отказывали. Даже тогда, когда материал первой части этого очерка был готов, когда журнал «Театр» уже публиковал воспоминания драматурга А. Штейна об известном ученом Б.И. Збарском, который в 1924 году совместно с профессором Воробьевым бальзамировал тело Ленина, я не был уверен, что мне удастся напечатать очерк.

Тюменский краевед С. Гаряев составил перечень публика-

ций, в котором черным по белому сообщалось о факте эвакуации. В этом перечне (я получил его от читательницы В.Ф. Трофимовой) 42 издания!

Тем временем удалось прочитать ряд документов партийного архива (после письменного ходатайства редакции), встретиться в Москве с Дмитрием Семеновичем Купцовым, который в 1941 году был первым секретарем Тюменского горкома ВКП(б).

И вот середина апреля 1988 года. Последний отказ в разрешении опубликовать уже готовый очерк получил 15 апреля, в пятницу, а во вторник, 19 апреля, почта доставила сразу две газеты — «Известия» и «Труд» с рассказом об этом событии. Не спрашивая более ни о каком разрешении, я положил очерк на стол редактора. Через три дня он был опубликован в газете «Тюменская правда».

I

...Тюмень была довольно захолустным городком на территории бескрайней Омской области. Рабочие дни горкома партии складывались из сотен небольших, но неотложных забот. Вот они, протоколы заседаний бюро горкома ВКП(б). Поддерживать ритм немногочисленных промышленных предприятий: ДОКа им. Ленина, фанерокомбината, судовой верфи, завода «Механик»; усилить работу с беспартийным активом и руководство комсомолом... Рассмотреть состояние партийной и государственной дисциплины на транспорте... Повышать производительность труда

Тюмень военных лет.

Фото с картины Розы Синельниковой, жены сотрудника лаборатории проф. Синельникова. Картина была написана в Тюмени (1941–1945 гг.)

и снижать себестоимость... Прием в члены ВКП(б)... Назначение и утверждение... «Члену ВКП(б)... разрешить выезд за пределы города по состоянию здоровья...».

Когда первый секретарь горкома партии Д.С. Купцов вечером 20 июня 1941 года подписал протокол очередного заседания бюро, этой привычной жизни оставалось меньше двух дней.

Из протокола от 22 июня: «Повестка дня. О сообщении зам. председателя Совнаркома и народного комиссара иностранных дел тов. Молотова о нападении Германии на Советский Союз. Докладывает т. Купцов Д.С.

...Принять меры по укреплению трудовой дисциплины и добиться повышения производительности труда. Еще больше повысить бдительность коммунистов и всех трудящихся.

...Провести общегородской митинг в 8 часов вечера на городской площади, поручить выступить тов. Купцову.

...Созвать совещание секретарей первичных парторганизаций и руководителей предприятий в 9 час. вечера по вопросу о задачах партийной организации в связи с началом войны...».

Рассказывает Д.С.Купцов:

— Начались телефонные звонки: с предприятий, из центра, из наркоматов, работающих на оборону. В этом шквале звонков был один, короткий, но непривычный для меня, секретаря небольшого горкома. 26 или 27 июня позвонил, по-моему, Поскребышев, секретарь Сталина. Суть разговора: «В первых числах июля к вам прибудет очень ответственный объект. Отнеситесь внимательно. По приезде вас поставят в известность». И все. Ломал я голову над таинственным звонком? Честно скажу — нет. Не до того было. Столько дел: заводы, эшелоны с оборудованием, люди. Да я и предположить не мог, с чем это связано. «Очень важный объект» только и запомнилось...

Согласно мобилизационному плану горздравотдел приступил к формированию эвакогоспиталя. Один из протоколов бюро сохранил перечень зданий, которые следовало приготовить в первую очередь: школа № 1, общежитие пединститута по ул. Казанской, школы № 22 и № 3, костный санаторий, гостиница «Заря», помещение мастерских местной промышленности по ул. Первомайской... А в то же время в Москве принимается специальное решение...

Рассказывает академик АМН СССР Илья Борисович Збарский:

— Я был научным сотрудником лаборатории при мавзолее В.И. Ленина, которой руководил отец. Он сообщил мне, что есть решение эвакуировать тело Ленина в Тюмень. Хорошо помню, что это было после 3 июля. Речь Сталина слышал по радио в Москве... Состав наш стоял где-то на путях, не на вокзале. Помню, что плат-

формы не было. Специальный вагон для тела Ленина и несколько вагонов для сотрудников и охраны, начальник поезда Кузьма Павлович Лунин, полковник госбезопасности.

...Саркофаг, в котором миллионы посетителей привыкли видеть Ленина, оставался в Москве. Рассказывают, что мерку для дорожного гроба снимали с Б.И. Збарского.

До Тюмени добрались быстро. Была жара. И поезд шел, почти не останавливаясь.

Рассказывает Д.С.Купцов:

— 10 июля утром раздался звонок: «Объект ожидается? Прибыл. Просьба явиться в салон-вагон». Начальник горотдела госбезопасности Степан Павлович Козов, председатель горсовета Степан Николаевич Загриняев и я поехали в «тупичок», где стоял состав. Козов представился начальнику охраны из комендантуры Кремля. Я прошел в салон-вагон. Знакомлюсь с руководителем лаборатории. Борис Ильич Збарский... Фамилию Збарского знал. Будучи делегатом XVIII партконференции, ходил в Мавзолей, слышал рассказ о бальзамировании. И когда услышал: «Збарский», меня как-будто током ударило. Все связалось: и звонок, и спецшелон, и кремлевская охрана... Збарский говорит: «Прошу ознакомиться». Читаю решение Политбюро, подписанное Молотовым: эвакуировать лабораторию и тело Ленина для обеспечения сохранности. Я уже не помню дословно, но за слова «в город Тюмень» ручаюсь...

«А где Ленин?» — спрашиваю. — «В соседнем вагоне». — «Что вам необходимо?». — «Помещение. Лучшее за городом, где можно разместить и тело, и лабораторию, и семью, и воинскую команду...».

Что же можно было предложить?

Дом отдыха имени Оловянногокова. Помещений много, но коммуналки очень слабы, энергоснабжение ненадежно... ВЦСПС строил за Турой санаторий, здание еще было неготово. Может, доделать? Нет, огромный объем работ, а тут время не терпит.

Проехали туда, обратно — ничего подходящего. Вернулись в горком, на улице Республики, 19. Смотрю, у Бориса Ильича настроение упало. Осторожно предлагает: нельзя ли дать телеграмму в ЦК, что в Тюмени нет возможности разместить «объект»?

«Я, Борис Ильич, такую телеграмму подписывать не буду. Вот здание горкома, если хотите, за четыре часа освободим», — и смотрю на Загриняева. Вдруг осенило: мы же не смотрели ни одно из зданий, предназначенных под госпитали! Они к тому времени уже были отремонтированы...

...Я записываю рассказ Д.С. Купцова в его московской квартире по Университетскому проспекту. Нина Ефимовна Купцова то и дело вставляет реплики в рассказ мужа. Вот и сейчас:

— Нашу школу № 1 за одну ночь после выпускного вечера пригостили под госпиталь.

Д.С.Купцов:

— Сельхозтехникум тоже был готов. Прошли пешком два квартала. Борису Ильичу понравилось, что он стоит особняком. Говорит: «Это подходяще. А как вы будете отвечать?..». Ну, это уже наше дело. Передали ключи комендантуре Кремля. Збарский по ВЧ позвонил из горкома, что все в порядке. Ночью тело Ленина перевезли в здание.

...Ходят разные слухи о том, как это происходило. Говорят даже, что мостовая булыжная от вокзала до «объекта» была заставлена деревянными плахами, чтоб меньше было тряски, что выведены были для охраны курсанты... Дмитрий Семенович уточняет: везли на обычном грузовике, сохраняли секретность... Внутренние караулы были из «кремлевцев», так же, как у Мавзолея, сменялись часовые на посту № 1. Внешняя охрана была поручена Тюменскому горотделу госбезопасности, отвечал за нее С.П. Козов.

В августе 1942 года Козов ушел на фронт заместителем начальника особого отдела 75-й добровольческой отдельной стрелковой бригады воинов-сибиряков.

Б.И. Збарский (в центре) с председателем Тюменского горисполкома С. Загриняевым (слева) и первым секретарем Тюменского ГК ВКП(б) Д. Купцовым (слева)

После ухода С. Козова на фронт внешней охраной стал руководить Павел Федорович Джура.

Тюмень все явственнее обретает черты военного тыла. Почта разнится треугольнички писем. В газетах на первом месте сводки Совинформбюро. На лицах озабоченность и тревога.

«...Принять к сведению, что подготовительная работа к переходу на карточную систему в основном закончена... Обязать немедленно провести массово-разъяснительную работу среди населения о необходимости перехода получения хлеба и кондитерских изделий по карточкам... Поручить секретарям партийных организаций, директорам предприятий, учреждений строго контролировать учет и выдачу хлебных карточек...» (из протокола заседания бюро от 2 сентября 1941 года).

Рассказывает Д.С. Купцов:

— На следующий день я заглянул в техникум. Стоит пост №1. Секретность старались соблюдать... Если кто случайно узнавал, то молчал. Однажды горкомовский шофер Яша, которого на первое время предоставил в распоряжение Збарского, входит в кабинет: «Дмитрий Семеныч, а у нас...» — и на портрет Ленина показывает. «Откуда ты взял?». Отвечает: «Они же говорят между собой, догадаться...». Тут же договорились: он ничего не говорил, я ничего не слышал. И все-таки скрыть, что здание, намеченное для госпиталя, кем-то занято, было невозможно.

Здание мы заняли самовольно, отняли у горздравотдела. Им заведовала Мария Евгеньевна Попова, женщина боевая. Дошло и до нее. Она отправилась туда разбираться, часовые ее не пустили. Попова с претензиями ко мне: заняли, не пускают! «Так надо было!» — отвечаю. Зная Марию Евгеньевну, я не удивился, что она написала телеграмму первому секретарю Омского обкома ВКП(б) М.А. Кудинову. Тот звонит: «Что самовольничаешь?». Я объяснить ничего не могу, не телефонный же разговор. Только повторяю: убедительно прошу приехать. Очень прошу...

На другой день он прилетел, познакомился со Збарским. Кое-как успокоил Попову, мол, будет госпиталь специального назначения. И пошел слух среди медиков, что госпиталь для генералов. Но на этом проблемы не кончились. Квартиры, дрова, питание. В правом крыле здания сделали казарму для «кремлевцев», оформили партийную организацию, но так как она нигде не числилась, взносы секретарь, капитан Шестаков, сдавал лично мне. Я клал их в сберкассу на свое имя, а потом со своего счета переводил в Москву.

Самым сложным была электроэнергия. Аппаратура, кондиционеры «объекта» требовали стабильного энергоснабжения. А к нам прибывают заводы, чтобы выпускать военную продукцию. Заходят

в горком: вот решение Государственного комитета обороны. Спрашивают первым делом: а силовая установка у вас есть?

Вопрос об электроэнергии стоял на каждом заседании бюро горкома.

«...Размещение завода № разместить по ул.Первомайской, в кварталах между ул. Хохряковской и ул. Ленина... Довести до сведения наркоматов... что в Тюмени для завода №... электроэнергию отпустить невозможно и просить решить вопрос об электроснабжении» (из протокола 2 сентября 1941 года).

«...Сроки по расширению городской электростанции сорваны. Начальнику строительства объявить выговор. Обязать закончить все работы 25 декабря с. г.» (из протокола от 9 декабря 1941 года).

«В целях обеспечения промышленных предприятий электроэнергией бюро горкома ВКП(б) постановляет: обязать директора фанерокомбината... директора судовой верфи... полностью обеспечить потребности в энергии собственными установками» (из протокола от 14 декабря 1941 года).

«...Мы по квартирам и некоторым учреждениям запретили зажигать свет до 8 часов вечера. Необходимо провести огромную разъяснительную работу, чтобы подготовить население... Электроэнергию надо создавать всем сообща...» (из выступления председателя горсовета С.Н. Загряняева на собрании актива 24 ноября 1941 года).

Рассказывает Д.С. Купцов:

— *Для лаборатории электроэнергии давали сколько надо. Проложили кабель прямо от электростанции. Ленин в Тюмени! Я даже не могу передать, какую ответственность мы чувствовали перед страной...*

Однажды Борис Ильич провел меня в комнату с кондиционерами, где лежало тело Ильича. Нет, не в саркофаге, он же остался в Москве. Просто лежало, прикрытое до груди простыней. Я обратил внимание, какая блестящая эластичная кожа. Борис Ильич улыбнулся: это наше открытие...

...Шел уже 1942 год. Лето, немецкое наступление на Волге. Збарский обращается к Купцову:

— Вы нам очень помогли. Теперь мы должны хоть чем-нибудь помогать городу. Профессора наши преподают в медицинском вузе (в Тюмень был эвакуирован Кубанский мединститут, — Р.Г.). Жены работают в госпиталях. Давайте работу и мне.

— Борис Ильич, у вас уже есть работа.

— Да у меня вон сколько помощников: Мардашев, Синельников, сын... Немцы наступают, я хочу что-то делать. Давайте в школу пойду преподавать...

Купцов позвонил жене Нине Ефимовне, она была директором 25-й школы:

— Учителей хватает?

— Не хватает, в три смены занимаемся, сколько эвакуированных ребятишек!

— К тебе придет товарищ Збарский, Борис Ильич. Оформишь. Документов у него не спрашивай. Мы его и так знаем. Пусть работает.

Рассказ продолжает Н.Е.Купцова:

— Смотрю я на «товарища Збарского», спрашиваю: «Что вы хотели бы вести?». — «Любой предмет, кроме гуманитарных. Математику, физику, химию...».

Договорились: математика в двух десятых классах. Позднее спрашиваю у ребят: как новый преподаватель? Они в восторге: необыкновенный учитель! Какая эрудиция! Сколько он знает! С Петром Юлиановичем Хайновским, нашим математиком и завучем, они очень подружились. Поурочные планы, есть такая учительская бухгалтерия, Збарскому помогал составлять Петр Юлианович. И еще подробность: учительскую зарплату свою всю до копейки Борис Ильич перечислял в фонд обороны.

Б.И. Збарский среди выпускников школы №25 (июль 1943 г.)

Рассказывает заслуженный учитель школы РСФСР П.Ю. Хайновский:

— Мы встретились со Збарским на августовском совещании 1942 года. Буду, говорит, ваши часы вести, ничего не имеете против? Какое там против! Только что вернулся из командировки в район, где попал в аварию, у меня было разбито все лицо. Збарский спрашивает: «Что произошло?». Объяснил, что на днях должны удалить глаз... «Не торопитесь, — говорит Борис Ильич, — я вас сведу с глазником, может, удастся спасти...». В общем, мне уже девятый десяток, а до сих пор смотрю на мир обоими глазами...

Личность загадочного учителя не могла не разжечь любопытства десятиклассников.

Рассказывает Н.Е. Купцова:

— Вбегают в кабинет: «Нина Ефимовна, Ленин в Тюмени!». Они, оказывается, раздобыли энциклопедию и прочли статью о Збарском. Да плюс таинственное здание. Да плюс охрана... Вот кто у нас преподает! Дома я, конечно, выкладываю новость. Дмитрий Семенович даже вскочил: «Кто сказал? Ученики? Да я тебя вместе с твоими учениками...».

Дмитрий Семенович очень огорчился, что не удалось полностью сохранить тайну. Хотя Борис Ильич вел себя, как обычный педагог. Аккуратно, пожалуй, даже аккуратнее других (это рассказывала В.Ф. Трофимова, почетный гражданин Тюмени) посещал педсоветы. Дежурил на переменах, танцевал кадрили на вечерах, старался, чем мог, помочь школе. П.А. Иоанидис уверял, что без Збарского в зиму 1942/43 года пожгли бы все парты: дрова-то надо было самим заготавливать в Плехановской роще.

И снова вспоминает Н.Е. Купцова:

— Объявляю мужу: завтра за дровами не едем. Борис Ильич обещал привезти. Муж, конечно, сердится: в городе всего десяток грузовиков, один выделен для «объекта Збарского», а он...

А он старался помочь городу, оказавшему в трудное время поддержку делу, которому отдал десятилетия своей жизни...

Мне хочется напомнить несколько фактов, связанных с сохранением тела В.И. Ленина. Первоначально само собой разумеется, что вождь революции будет похоронен у Кремлевской стены рядом с товарищами по борьбе. Было объявлено: погребение состоится 27 января в 4 часа дня. Но телеграмма за телеграммой настойчиво твердили: отложить похороны, подождать с преданием земле тела Владимира Ильича.

15 марта 1944 года тиражом 10 тыс. экземпляров была издана написанная в Тюмени книжечка Б.И. Збарского «Мавзолей Ленина».

«Мысль о сохранении тела В.И. Ленина возникла в самой

гуще народных масс, — писал Б.И.Збарский. — Уже 23 и 24 января стали поступать соответствующие телеграммы и заявления. Группа киевских железнодорожников просит «немедленно поручить соответствующим специалистам разработку вопроса о сохранении тела дорогого Владимира Ильича на тысячи лет»...

Рабочие и инженеры Путиловского завода предлагают «не хоронить дорогое тело Владимира Ильича. Необходимо, чтобы Ильич физически остался с нами и чтобы его можно было видеть необъятным массам трудящихся». Группа рабочих-угольщиков с Донбасса телеграфирует: «Возможность видеть любимого вождя хотя и недвижимым отчасти утешит горе утраты и вдохновит на дальнейшие бои и победы». За три дня комиссией по похоронам получены были тысячи подобных телеграмм и писем.

25 января, отзываясь на требование народа, Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР принимает постановление:

«1. Гроб с телом Владимира Ильича сохранить в склепе, сделав последний доступным для посещения.

2. Склеп соорудить у Кремлевской стены на Красной площади среди братских могил борцов Октябрьской революции.

Председатель ЦИК Союза ССР М. Калинин.

Москва, Кремль, 25 января 1924 года».

Ученые у Мавзолея В.И. Ленина (в центре — проф. Воробьев и проф. Збарский) в окружении соратников Ленина: Дзержинского, Ворошилова, Енукидзе, Беленького (начальник охраны). 1924–1925 гг.

...Прошло 20 лет. Была создана правительственная комиссия с поручением произвести осмотр тела В.И.Ленина. В нее вошли академик Н.Н. Бурденко, академик А.И. Абрикосов, который первым бальзамировал тело В.И. Ленина, академик Л.А. Орбели. Возглавил комиссию нарком здравоохранения Г.А. Митирев. Вот небольшой отрывок из его воспоминаний о поездке в Тюмень в январе 1944 года.

«...Город сверкал снегами под синим морозным небом. Делами занялись сразу же... Мне тогда показалось, что один испытываю, помимо волнения врача, еще и просто человеческое волнение. Но, как потом убедился, те же чувства переживали остальные члены комиссии.

Тело своим видом не вызывало представления о смерти. Скорее перед нами лежал человек в состоянии глубокой летаргии... Кожный покров у тела В.И. Ленина был на ощупь бархатистым и упругим, как у любого спящего человека...

Контроль за состоянием тела осуществлялся ежедневно, ежедневно. От Наркомздрава СССР в работах лаборатории участвовал профессор С. Мардашев. Б.И. Збарский сделал комиссии официальный доклад...

В Москве мы передали в Совнарком СССР и Центральный Комитет ВКП(б) следующее заключение: «Тело Владимира Ильича Ленина за 20 лет не изменилось. Оно хранит облик Владимира Ильича, каким он сохранился в памяти советского народа... Основанное на воле народа задание партии и правительства, — заключала свой отчет комиссия, — сохранить тело Владимира Ильича Ленина на длительное время с сохранением сходства и в доступном для обозрения виде полностью выполнено».

Достижения нашей медицинской науки позволяют с уверенностью говорить: тело В.И. Ленина, каким мы видим его сейчас, увидят наши самые отдаленные потомки, — докладывал Г.А.Митирев.

В те же дни газеты опубликовали Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями научных работников лаборатории Мавзолея В.И. Ленина. Профессор Б.И. Збарский и профессор С.Р. Мардашев награждены орденами Ленина, профессор Р.Д. Синельников и доцент И.Б. Збарский — орденами Трудового Красного Знамени. «За выдающиеся заслуги в проведении работ по сохранению тела В.И. Ленина в неизменном виде и большие научные достижения в этом деле...».

Тем же январем 1944 года датирован еще один документ: «За успешную работу по выполнению заданий НКГБ СССР в условиях военного времени наградить боевым оружием... Джура Павла

Федоровича... Народный комиссар государственной безопасности СССР (подпись)».

Павел Федорович Джура, как мы уже говорили, сменил на посту начальника городского отдела госбезопасности С.П. Козова и до конца пребывания «объекта Збарского» в Тюмени нес персональную ответственность за его безопасность.

«Борис Ильич, когда война закончится?» — случалось, спрашивали Збарского коллеги по школе. «Когда мы уедем из Тюмени, тогда и закончится», — отвечал профессор.

И день этот приближался. Наступил 1945 год. С 17 по 19 февраля проходила первая партконференция восстановленной Тюменской области. Ее протоколы сохранили текст выступления Б.И. Збарского. «Роль советской интеллигенции в войне» — вот тема этого выступления.

«У нас в Тюмени мы тоже видим героический труд интеллигенции. Живу здесь почти четыре года, и разрешите считать себя вашим земляком (аплодисменты). Здесь у нас, в Тюмени лично наблюдал образцы самоотверженной работы нашей интеллигенции. Я видел работу учителей, врачей. Говорю и говорил много раз в Москве, что их работа делает честь нашему городу и области. С большой самоотверженностью учителя в тяжелых условиях, в плохо топленных зданиях, почти без освещения, при недостаточном количестве учебников прекрасно работали; врачи... достигли того, что в городе, куда прибыло много эвакуированного населения, при большом движении с запада на восток и обратно, не было эпидемий. Словом, тюменская интеллигенция показала образцы исключительного патриотизма...».

О своей работе, по вполне понятным соображениям, Б.И. Збарский говорить не мог и ограничился лишь небольшим намеком, который мы легко «прочитаем», совместив его с заключением правительственной комиссии: «Я сам в своей жизни имею достижение большого научного и политического значения и обязан этим партии...».

Что же было дальше? Ровно через пять недель, 25 марта 1945 года от станции Тюмень на запад отошел состав, увозивший тело В.И. Ленина, сотрудников лаборатории, оборудование. «Объект Збарского» в Тюмени был закрыт.

16 сентября 1945 года на Красной площади вновь открыт для посетителей Мавзолей В.И. Ленина.

Группе Збарского пришлось принять участие в бальзамировании тела Георгия Димитрова и И.В. Сталина, правда, уже без самого Бориса Ильича. Как рассказывал мне академик АМН СССР Илья Борисович Збарский, его отец был арестован в мар-

те 1952 года, примерно за полгода до печально известного «дела врачей».

«Отец находился в Бутырках, — скупое, как-то даже неохотно вспоминал Илья Борисович. — Меня тут же отчислили из лаборатории. Несколько месяцев провел без работы. Состояние было такое, что даже не хотелось выходить из дома. Из публикаций моих учеников выбрасывалось всякое упоминание, всякая ссылка на мои труды. Отца выпустили в декабре 1953 года, восстановили в партии, вернули ордена и Звезду Героя Социалистического Труда, которую он получил еще летом 1945 года».

...Добиваясь в течение длительного времени возможности рассказать об «объекте Збарского», приходилось слышать: кому это надо? О чем таком особенном этот факт говорит? Свой вопрос я адресовал Дмитрию Семеновичу Кушцову, который после Тюмени долгое время работал в Москве:

«Вроде бы никакой заслуги Тюмени в этом нет? Вроде бы город для этого ничего не сделал? А я считаю, не так. Место было выбрано действительно хорошее. И условия мы сумели создать, несмотря на очень тяжелое положение. Ведь свыше двадцати эвакуированных предприятий разместили, 22 госпиталя. Энергию дали, кормили и одевали людей. До войны в Тюмени было 75 тысяч населения, а через год уже 150 тысяч. И все разместились... Я 1908 года рождения. О Ленине услышал в девять лет. Был в комсомоле, организовывал колхозы, потом партийная работа. И слово «Ленин» у меня не сходило с уст. Память о Ленине и участие в этом деле, о котором я рассказал, для меня большая награда. Если бы меня спросили, что самое значительное сделал во время войны, я бы ответил: участвовал в сохранении тела Ленина».

Хотелось бы, чтобы тюменцы знали и гордились тем, что в тяжелых военных условиях в их городе, а значит, и их усилиями, сохранялось тело Ленина. Мы нередко мобилизовывали людей на работы, которые были связаны с нуждами «объекта Збарского». Тогда мы об этом не говорили, а теперь они имеют право узнать...».

II

Публикации конкретных сведений о том, что долгие годы было у многих «на слуху», что, естественно, обросло легендами и домыслами, вызвали большой резонанс.

Пишет Б. Хайруллин: «Понимаю, что жизнь газеты недолговечна, но такой материал не грех сохранить, например, в томике с биографией В.И. Ленина».

«Напрасны ваши заверения, — не соглашается Нина Константиновна Соловьева, — что граждане Тюмени не знали до сего вре-

мени, т.е. до выступления газеты, об «объекте Збарского». За всех не могу сказать. Но знали очень многие. Знала я и о том, что сохранилось тело Ильича в помещении сельхозтехникума. Также знаю и о том, что в ночь с 24 на 25 марта 1945 года машинист по фамилии Мошонкин вел поезд, на котором увезли драгоценный груз.

Мне тоже пришлось потрудиться для «объекта Збарского». С электроэнергией в годы войны было очень плохо. Электростанция была хоть и невелика, но прожорлива. Зимой рабочие заводов и других предприятий выдалбливали из льда реки Туры бревна, там же распиливали их на чурбаны (не помню, полтора или два метра), потом грузили их на сани и везли на электростанцию. С нашего мотозавода, который был эвакуирован из Таганрога, тоже снимались для этого рабочие, взрослые и малолетки. Среди них была и я, сверловщица. Не трогали только тех, кто изготовлял авиабомбы. И так каждую военную зиму...».

«...История о том, что тело вождя пролетариата, основателя Советского государства находилось в Тюмени, просто взволновала меня, бывшего фронтовика, до глубины души, — так откликается на выступление газеты П.Новорасов. — Мало кто из тюменцев знал об этом великом событии. В период гласности это стало известно всем советским людям. Хочу внести предложение: срочно укрепить у входа в сельхозинститут, а лучше прямо на чугунной изгороди, памятную доску, да объявить об этом заранее, чтобы все желающие могли прийти на митинг и отдать дань памяти нашему дорогому Ильичу...».

Вот такие взволнованные и, по понятным причинам, кое в чем несколько противоречащие друг другу письма, но очень искренние в своем отношении к странице бывшего.

Получила редакция и большой пакет из Москвы от Збарского-младшего, Ильи Борисовича. В годы войны он, молодой ученый лаборатории Мавзолея, работал в Тюмени.

Его рассказ о тюменском периоде работы лаборатории я позволю себе привести почти без сокращений.

«...Спецпоезд отбыл из Москвы в девять часов вечера в первых числах июля. Кроме гроба с телом вождя, в нем находился персонал научной лаборатории при Мавзолее и часть почетного караула «Государственный пост №1». Обязанности по наблюдению за телом В.И. Ленина были возложены на Б.И. Збарского.

Для военного времени состав шел быстро, без остановок и задержек в пути. К месту назначения прибыли на третий день...

Саркофаг поместили в комнате на втором этаже, в правом крыле здания. Для поддержания необходимого теплового режима единственное окно комнаты заложили кирпичом, оштукату-

рили и покрасили заделанный проем. Общими усилиями сотрудников лаборатории и персонала охраны было создано миниатюрное подобие траурного зала Мавзолея. При входе в него был поставлен пост № 1.

Как и в Мавзолее, на новом месте пост стоял круглосуточно. Разводящие так же сменяли часовых, а те шли с поста и на пост таким же четким строевым шагом. Только ночью их поступь становилась мягче, чтобы уменьшить резонанс.

В комнатах, соседних с траурной, было установлено необходимое оборудование. Ниже, на первом этаже, жили офицеры и солдаты почетного караула. Здесь же находилась лаборатория. Ее персонал и семья Збарского занимали левое крыло здания. С внешней стороны здание охраняла городская милиция. Вход в него и на прилегающую территорию разрешался очень ограниченному числу лиц, и то по предварительному звонку. Это не могло остаться незамеченным в сравнительно небольшом городе. Чтобы пресечь нежелательные разговоры по этому поводу, здание и территорию вокруг него назвали городским НКВД. Это рассеивало излишнее любопытство.

Наблюдение за телом В.И. Ленина вели, кроме Б.И. Збарского, его сын, а также С.Р. Мардашев и Р.Д. Синельников. Опыт высококвалифицированных помощников и надежное оборудование обеспечили стабильность работы, ее отлаженность, постоянный и плавный ритм. У ученого, привыкшего к напряженному и интенсивному труду, оставалось достаточно времени, которое можно было использовать для научной работы.

В предвоенные годы Борис Ильич занимался определением аминокислотного состава белков и тканей человека в норме и в патологии. За год до начала Великой Отечественной войны он обратился к вопросам, связанным с болезнью века — раком. В Тюмени он подытожил первые результаты, полученные в этой области.

Оценивая значение работы, проводившейся Збарским, академики А. Абрикосов, Н. Бурденко и А. Сперанский писали: «Подобные исследования Борис Ильич ведет также при туберкулезе и авитаминозах. Работы эти новые, оригинальные по методике и замыслу, касаются важнейших проблем как биологии в целом, так патологии и медицины».

Научная деятельность, которую в тех условиях можно было вести лишь крайне ограниченно, не могла поглотить неумной энергии ученого. Борис Ильич оказывал большую помощь эвакуированному в Тюмень Кубанскому медицинскому институту, привлек к этому сотрудников лаборатории. Вот письмо, полу-

ченное коллективом лаборатории после освобождения Краснодара от фашистских захватчиков.

«Глубокоуважаемый товарищ Збарский! Исполком Краснодарского краевого Совета депутатов трудящихся, заслушав доклад директора Кубанского медицинского института о работе в городе Тюмени, узнал из его сообщения, что Вы наряду с большой политической и научной деятельностью оказали исключительную помощь в налаживании научно-учебной работы в институте. Благодаря Вам и Вашим помощникам в короткий срок удалось организовать химические кафедры института и, наконец, для работы этих кафедр Вы в помощь институту выделили своих учеников: профессора Мардашева С.Р. и доцента Збарского И.Б.».

Борис Ильич и сам прочитал в институте ряд лекций по биохимии. Кроме того, он оказал немалое воздействие в улучшении материально-бытовых условий его коллектива.

Семьи сотрудников лаборатории жили в скромных, но хорошо отапливаемых помещениях, имели все элементарные условия.

Он видел вокруг столько горя: ежедневные жертвы войны, изнуряющую работу в тылу, где места отцов заняли дети, скудные продовольственные пайки, нехватку самого необходимого: топлива, одежды, бумаги, учебников... И это не давало Борису Ильичу покоя.

«Учебников!» — эта мысль стала отправной в дальнейших действиях ученого. Он три года преподавал в средней школе № 25. Зарботок учителя не получал, переводил в фонд Красной Армии. Школа захватила его, в преподавании он видел свой реальный вклад в дело великой борьбы советского народа. В детях находил отдушину для общения, выход из замкнутого мира спецгородка.

А мысленно Збарский рвался в Москву. Тоненькой ниточкой, связывающей его со столицей, были письма к вдове младшего брата...

«...У нас все по-прежнему. Перемен никаких. Собираюсь быть в Москве в июне. Увидимся тогда. Все здоровы у нас, тоскуют лишь. Думаю, что в этом году нас вернут уже. Летом, будучи в Москве, все выясню. Евгения Борисовна шлет вам горячий привет. Обнимаем вас и Светлану. Ваш Б. Збарский».

Надеждам Бориса Ильича на скорое возвращение в столицу не суждено было сбыться ни в 1943 году, к которому относятся эти письма, ни в следующем.

Заканчивался второй год войны. В июне Борис Ильич расставался со своими ребятами — первым выпуском. Как-то сложатся их судьбы? Многие ли переживут войну? Ученый читал строки, обращенные к нему вчерашними школьниками.

«Дорогой Борис Ильич! Мы, учащиеся десятых классов 25-й средней школы города Тюмени, выражаем Вам нашу искреннюю благодарность за те знания, которые Вы нам дали в области математики, а также за товарищеские беседы... За пределами школы мы будем с благодарностью и любовью вспоминать о Вашем чутком и внимательном отношении к каждому из нас...».

...Подошел 1944 год. В январе исполнялось двадцать лет со дня смерти В.И. Ленина. Збарский обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой назначить правительственную комиссию для осмотра тела.

Збарский обстоятельно доложил правительственной комиссии о всех работах, проводившихся по сохранению тела В.И. Ленина, особенно после его эвакуации из Москвы. Комиссия высоко оценила деятельность Збарского и его группы. Было также решено опубликовать серию статей о бальзамировании тела В.И. Ленина, а также подготовить брошюру. Чтобы не возникало затруднений с издательством, нарком Митирев предложил Збарскому назвать работу «Мавзолей Ленина», а не «Бальзамирование тела В.И. Ленина», как хотел Борис Ильич.

Январскими вечерами Борис Ильич с увлечением работал. Тишину, царившую в здании, лишь изредка прерывали далекие гудки и приглушенные шаги меняющегося караула. В конце января в рукописи была поставлена последняя точка. Это был гимн отечественной науке: «При посещении Мавзолея восторженные отзывы дали многие ученые и писатели. Нет никакого сомнения, что будущие поколения людей, посещая Мавзолей Ленина, будут переживать не меньшее волнение, увидев облик незабвенного Владимира Ильича. Сохранение тела Ленина в неизменном виде обеспечено на много-много лет. Советская наука может гордиться, что это беспримерное в истории дело является целиком достижением наших советских ученых».

В июле 1944 года Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление об учреждении Академии медицинских наук СССР. А 22 декабря центральные газеты писали: «Вчера на утреннем заседании учредительной секции Академии состоялось общее собрание отделений... На заседании отделения медико-биологических наук секретарем отделения избран академик И.П. Разенков, членами бюро академики Н.Н. Аничков, Б.И. Збарский, Я.О. Парнас и В.И. Терновский».

Во время краткого пребывания в Москве Борис Ильич еще раз поставил вопрос о реэвакуации тела В.И. Ленина и добился принципиального согласия на это. Начались подготовительные работы к возвращению в столицу. 23 марта 1945 года в десять часов вечера пост № 1 в здании бывшего сельскохозяйственного

техникума был снят. А вскоре из Тюмени в Москву отошел поезд специального назначения.

Так закончился почти четырехлетний период (1360 дней) пребывания тела Ленина вне стен Мавзолея. К сожалению, этот факт не стал достоянием гласности. Долгие годы о научном и гражданском подвиге Б.И. Збарского и его сподвижников мало кто знал. Сам Борис Ильич так писал в автобиографии об этом периоде своей жизни: «Выполнял особое правительственное задание».

...Тюменские источники казались мне иссякшими, и я стал задавать вопросы тем, кто отозвался на публикации. В первую очередь глубокому знатоку темы Алексею Сергеевичу Абрамову.

Тюмень—Москва

«Уважаемый Алексей Сергеевич! С удовольствием прочитал Ваше выступление в газете «Труд». Там Вы утверждаете, что 28 июня Мавзолей опустел. Где же тогда был эшелон целых 12 дней?

Против этого свидетельствует И.Б. Збарский, который, по его словам, слышал речь Сталина (3 июля 1941 года) еще в Москве. И еще, в личном деле В. Сюткина (он был офицером охраны Кремля), которое хранится в архиве Тюменского УВД, написано: «был в спецкомандировке с 3 июля 1941 года по 25 марта 1945 года...» 11 мая 1988 года.

Москва—Тюмень

«...Спасибо за газеты со статьями об эвакуации тела В.И. Ленина в Тюмень. Они содержат интереснейшие сведения, ценные воспоминания многих людей.

Фраза «28 июня Мавзолей опустел» в моей статье означает, что в этот день тело В.И. Ленина переместили в специальное убежище в ожидании возможных налетов фашистской авиации на Москву.

Приказ наркома госбезопасности СССР № 00255 об отбытии В.В. Сюткина и других кремлевцев в спецкомандировку был издан 3 июля 1941 года, поэтому в его личном деле и говорится, что он находился в спецкомандировке с этого числа...» 24 мая 1988 г.

Тюмень—Москва

«Нельзя ли с Вашей помощью выяснить: сохранились ли протоколы комиссии Митирева, которая работала в Тюмени в январе 1944 года? Может быть, там есть список присутствующих? Помните известный снимок, на котором Б.И. Збарский докладывает правительственной комиссии? Кто изображен на нем? Сведения сильно противоречивы...» 17 июня 1988 г.

Москва—Тюмень

«...Документы комиссии Митирева хранятся в научно-иссле-

довательской лаборатории биологических структур. Но мне сказали, что материалы пока засекречены...» 3 июля 1988 года.

...Итак, пока ничего. До обидного медленно пополняется фактами мой блокнот. Прошло очень много лет с той поры, как тыловая Тюмень дала приют великой советской реликвии — телу вождя. И еще, конечно, дело в том, что в тайну «объекта Збарского» было посвящено ограниченное число лиц. И все-таки пусть медленно, но постепенно я узнаю все больше и больше. Рождается коллективный рассказ, и я в нем всего лишь прилежный регистратор.

Однажды нахожу записку на рабочем столе: «Просили позвонить... Речь идет о костюме для Ленина...».

«А разве вам об этом никто не рассказывал? — удивляется инженер одного из тюменских предприятий М.Хацкалевич. — В годы войны в нашем городе для Владимира Ильича шили костюм...».

В военное время была в Тюмени мастерская, где шили офицерскую форму, в том числе и для сотрудников НКВД. Закройщик Михаил Фаддеевич Хацкалевич и получил «совершенно секретное задание» сшить костюм «для Ленина».

Самого старого портного давно нет в живых, его дети что-то запомнили, да и знали они не много. Как происходило «выполнение задания»? Снимал ли Михаил Фаддеевич мерку или ему для образца передали старый костюм Ленина? Поразмыслив, прихожу к выводу, что за образец, скорее всего, был взят прежний костюм, в котором Ленина привыкли видеть тысячи посетителей Мавзолея, поэтому нигде и никем не отмечалось, что при открытии Мавзолея после войны на Ильиче оказался костюм другого цвета или покроя.

Как проверить достоверность сказанного? Документов нет, да и вряд ли они существовали. Между тем детали рассказа вызывают доверие. В частности, вот эта: костюм шили без подкладки. Такое не придумаешь.

Письмо из Севастополя, куда неведомыми путями залетел номер «Тюменской правды», где живет бывший военный журналист, подполковник в отставке Борис Федотов.

«Учащенно бьется сердце. Слезой туманятся глаза, мешая читать. В руках у меня присланный земляками номер «Тюменской правды» с очерком «Объект Збарского».

Наконец и я могу открыть тайну, которую хранил многие десятилетия, которую пронес через огонь и кровь жестоких боев Великой Отечественной войны. Да, мы, десятиклассники 25-й тюменской школы, еще в 1942 году знали, что тело В.И. Ленина в нашем городе.

...В тот год занятия в двух десятых классах нашей школы

начались с опозданием. Шла вторая военная осень. Мы в отцовских ватниках, как-то быстро повзрослевшие, все лето и часть осени работали в Ялutorовском районе. В деревнях оставались старики, женщины и дети. Мы убирали хлеб, копали картошку, валили лес. Работали до кровавых мозолей и бредили фронтом.

Однажды вечером в сельском клубе заговорило радио. Жадно вслушивались мы в сводку Совинформбюро. Голос диктора сообщил о тяжелых боях в районе Сталинграда, о том, что враг рвется к Волге.

Мы тогда с Юрой Ульяновым договорились: как приедем в город, сразу же пойдем в военкомат. Однако на нашу просьбу послать на фронт горвоенком ответил: «Подождите. Нужно будет — позовем». И мы ждали.

...Перед уроком алгебры в класс вошла директор школы вместе с незнакомым мужчиной. Сказала, обращаясь к нам:

— Вот новый преподаватель Борис Ильич Збарский из Москвы. Он будет вести у вас математику.

В то время в Тюмени было много эвакуированных специалистов, преподавателей, поэтому приходу в школу нового учителя мы не придали особого значения.

Но с первых же уроков он сразу же выделился среди преподавателей, хотя у нас были очень сильные предметники. Мы быстро поняли, что перед нами не просто школьный учитель, а человек широких разносторонних знаний. Нередко на уроках он вел интересные беседы по биологии. Нам импонировала и высокая культура речи, и необычная манера обращаться к нам.

«Ну-с, молодой человек, — говорил он, — давайте посмотрим, насколько за неделю подрос ваш интеллект? Извольте к доске...».

Збарский стал для нас человеком-загадкой. Гадали: кто он на самом деле? Крупный ученый? Писатель?

В то же время нас очень занимал и таинственный милицкий пост у здания довоенного сельхозтехникума. Даже на школьных переменках мы в одних шапках бегали смотреть: стоит пост или нет? Однажды с Шурой Богдановым из-за этого мы опоздали на урок химии и нам здорово влетело от Петра Юлиановича Хайновского, школьного завуча.

Как-то, усердно работая мелом у классной доски, я обернулся, чтобы увидеть реакцию Збарского на выведенные мной формулы. Мой взгляд упал на раскрытую на учительском столе папку. В ней лежали чистые бумаги с типографской надпечаткой в верхнем углу. Кажется, там было написано: «Доктор наук Борис Ильич Збарский, г.Москва...».

Я рассказал об увиденном ребятам, и наш интерес к учителю еще больше возрос.

В классе было много приезжих. Особенно нравились нам две очень красивые девушки-москвички Клава Терещенко и ее подруга Инна. Сначала они жили в единственной в то время в Тюмени гостинице «Заря», а потом снимали комнату в одноэтажном деревянном доме по улице Водопроводной. Мы часто после школы возвращались вместе с Клавой и Инной, я жил тогда на улице Водников, а Юра Ульянов в «Сараях» (так называлась тюменская окраина, где-то за заводом «Механик»). Девушки и рассказали нам, кто такой Б.И. Збарский, что он участвовал в баллазировании Ленина.

И тут нас осенило: Ленин в Тюмени! Что было дальше, рассказала «Тюменская правда».

В классе состоялось собрание. Очень строгая Нина Ефимовна, директор, сказала, что все это наши выдумки, о которых надо забыть.

«Я прошу вас, я требую нигде и никогда об этом не говорить».

Нина Ефимовна была для нас непререкаемым авторитетом. Мы дали слово молчать.

Б.И. Збарский действительно старался вести себя как обычный школьный педагог. Но нас тянуло к нему, как магнитом. Мы были в том возрасте, когда особенно велика жажда знаний. А тут рядом такой человек!

Он любил стоять у задней парты и, прислонившись к стене, внимательно слушать, как мы отвечаем урок. Однажды мы ездили в деревню Плеханово за дровами для школы. Вместе с нами он грузил тяжелые березовые чурки в машину. После этого несколько дней Бориса Ильича не было в школе, он простудился и заболел.

Помню, как в школьный двор кое-как протащили под арку зерновой комбайн, видимо, списанный. И вот, прервав урок, Борис Ильич начал рассказывать нам об устройстве комбайна. Он чувствовал потребность готовить нас к предстоящим летом и осенью полевым работам... Помню, как он танцевал на школьных вечерах...

В феврале 1943 года мне пришла долгожданная повестка из горвоенкомата: явиться на призывной пункт. Получил повестку и Юра Ульянов. Вскоре уже в военном обмундировании, наголо остриженные, пришли мы в школу прощаться. Был урок алгебры. Борис Ильич долго тряс нам руки, каждого по-отцовски обнял и пожелал вернуться домой живыми и невредимыми.

Юра попал в пехоту, а я — в артиллерию. Дороги наши ра-

зошлись... Позади освобожденные Украина, Молдавия. Бои в Румынии, Венгрии, Австрии. И везде я хранил тайну, держал слово, которое дал нашему директору.

Кончилась война. Летом 1945 года наш 484-й истребительный противотанковый полк своим ходом прибыл из австрийского города Грац в Болгарию, в Варну. Здесь я прочитал в «Правде» Указ о присвоении биохимику академику Б.И. Збарскому звания Героя Социалистического Труда. И опять память возвращала меня в 1942 год. «В Тюмени — Ленин». Но сказать об этом я никому не мог.

И я счастлив, что сейчас об этом можно говорить, говорить в полный голос. Сама жизнь сняла этот запрет. Я бываю в Тюмени. Знаю, что на здании сельхозтехникума нет мемориальной доски. И присоединяюсь к мнению тюменцев: эта доска должна быть!

Я не знаю, где в Тюмени жил Б.И. Збарский, но считаю, что одна из улиц города должна носить его имя.

Мысль, что в твоём родном городе находится тело В.И. Ленина, помогла мне, тюменскому школьнику, бить фашистов, помогла выстоять в самое суровое время и победить.

И еще. Спасибо редакции газеты «Тюменская правда», ее журналистам, которые, проделав огромную работу, воскресили очень дорогую для тюменцев страницу жизни родного города.

Спасибо!».

Я уже свыкся с мыслью, что в фондах Тюменского госархива материалов по «объекту Збарского» нет. И вдруг заместитель директора архива Г.И. Иванцова говорит, что в одной из папок с делами Тюменского горисполкома она как-то видела... письмо Б.И. Збарского.

«Конкретно, конечно, не помню, но поискать можно».

Адова работа — переворачивать листок за листком. А их тысячи, то на тонкой папиросной бумаге, то на грубой оберточной, с плотной машинописью или неразборчивыми карандашными каракулями. Просьбы, жалобы, заявления, отношения...

Я надеюсь только на зрительную память Галины Ивановны, которая один раз уже видела документ. Но мое нетерпение велико. Беру папку за 1944 год документов горисполкома. Какое везение! Довольно скоро натыкаюсь на длинный, на двух страницах, список членов президиума торжественного заседания в честь годовщины Красной Армии. Руководители города... Командиры воинских частей... Директора заводов... Стахановцы... Среди фамилий скромно, без указания места работы и должности, значится: «9. Збарский Б.И., профессор».

Как мы охотно ныне ругаем бюрократов, канцеляристов. А я

во время своих архивных разысканий не раз в душе благодарил неведомого мне делопроизводителя за педантизм, благодаря которому многое оказалось запечатленным и дошло до наших дней.

А записку Бориса Ильича нашли на следующий день. Я взял ее в руки и вспомнил строчку из письма Бориса Федотова, который, стоя у доски, увидел перед учителем математики стопку листов с надпечаткой «доктор наук...».

Вот один из таких листков. Слева вверху: «заслуженный деятель науки профессор Борис Ильич Збарский». Письмо адресовано председателю горисполкома С.Н. Загриняеву. Речь о том, на что мы и сегодня пеняем немало. О службе быта. В частности, о тюменской парикмахерской по ул. Республики, 31 (этого дома сейчас нет), которая «может служить примером отвратительного обслуживания населения...». Об очередях, об отсутствии порядка, о грязи, о грубости. Борис Ильич предлагает срочно навести порядок и обращает внимание исполкома, что «мастера употребляют за неимением одеколона простую воду (сами называют ее «одеколон из Туры»), а плату взимают, как за одеколон...».

На обороте листа дата: 11.02.1942 г. и подпись «проф. Б. Збарский». Аккуратности, четкому исполнению обязанностей профессор неуклонно следовал сам и требовал от других того же. Считал, очевидно, что ежели война, то порядка должно быть еще больше.

По диагонали листок пересекает резолюция Загриняева: «разрешено», т.е., по-нынешнему, меры приняты. В той же папке я обнаружил и расшифровку резолюции: несколько листов служебной переписки, из которых следует, что для нужд парикмахерского хозяйства фанерокомбинат «отпустил 15 литров спирта-сырца...».

Письмо, один день из 1360, которые Збарский прожил в Тюмени, крохотная подробность, которая рисует трудную жизнь тылового городка и человека, заброшенного сюда по долгу службы.

... Через несколько дней я приехал в госархив вернуть письмо Б.И.Збарского. А так как машина, которая должна была увезти меня в редакцию, еще не пришла, у меня было время пожаловаться директору архива Галине Демьяновне Соболевской на то, что никак не могу обнаружить платежные ведомости Тюменского горно за военные годы.

По закону они должны храниться 75 лет, а в горно говорят нет...

Для чего мне понадобились эти прозаические документы? Все, кто помнил Збарского, единодушно утверждали, что, работая учителем в школе № 25, он перечислял свою зарплату в фонд

обороны. И я предполагал, что бухгалтеры той поры, как, впрочем, и нынешней, буквоеды, должны были непременно оформить финансовую сторону, как полагается. Уроки дает, значит, в ведомости это должно быть отражено.

— Хорошо, я посмотрю, — сказала Галина Демьяновна. И через несколько минут принесла документы бухгалтерии горно за интересующие меня годы.

— Будете смотреть? Какие дела принести?

На размышление у меня буквально секунды. Машина придет с минуты на минуту. Искать одну бумажку среди сотен других, вчитываясь в каждую, — работа не наспех. Но любопытство пересиливает: хоть одним глазком глянуть в прошлое... Взгляд в окно: бетонная площадка перед крыльцом архива еще пуста. Была не была!

— Эту, эту, эту и еще вот эту папку, — касаюсь пальцем строчек описи.

Галина Демьяновна — вежливый человек, виду не подает, но представляю, что она, архивариус, представитель неспешной и кропотливой профессии, может думать обо мне в эту минуту. Посмотрела на меня и ушла в глубину архива, в глубину времени. Летят секунды, минуты. Соболевской нет. Зато приходит машина. Выбегаю на крыльцо:

— Валера! Еще две минуты! — и для убедительности показываю два пальца.

(Окончание в следующем номере).

Сказания и догадки о христианском имени Ермака*

Насколько для нас темны родословие и начальная жизнь покорителя Сибири, настолько же загадочно и имя его. Празднуя юбилей трехсотлетия Сибири, мы по привычке продолжали воспевать «храброму витязю Ермаку вечную память», будучи убеждены, что такого имени в великой семье христиан не было и нет. Но иначе быть не могло: имея перед собою целый перечень совершенно разнородных имен, присвоенных знаменитому юбиляру, мы и тогда не знали, да не знаем и теперь действительного имени его.

За время трех веков упомянутый перечень составили следующие семь имен: Ермак, Ермолай, Герман, Василий, Ермил, Тимофей и Еремей.

Оставаясь вдалеке от претензии с точностью указать действительное имя покорителя Сибири, мы в предлагаемой статье намерены только свести в одно общее сказания сибирских летописей и историков, по ко-

торым составился приведенный перечень имен, и выразить свои догадки, какое из имен тех следовало бы признать за христианское имя Ермака.

I

Начнем с первоисточников.

Считаемые за первые сибирские летописи Строгановская и Есиповская никаким христианским именем покорителя Сибири не называют; в первой летописи, озаглавленной «Повестью о взятии Сибирския земли», составленной около 1600 года неизвестным автором и названной Строгановскою историком Карамзиным, под 1579 г. говорится: «В лето 7087 году априля в 6 день, слышаху бо сия Семен и Максим Строгоновы от достоверных людей о буйстве и храбрости поволских казаков Ермака Тимофеева с товарищи...» — и далее: «Тогож году июня в 28 день... приидоша с Волги атаманы и казаки Ермак Тимофеев Поволской с товарищи...»¹; во

* Печатается по изданию: *Е. В. Кузнецов. Сказания и догадки о христианском имени Ермака.* — Тобольск, 1891. — 36 с.

Придавая тексту и сноскам современную орфографию, издатель старался максимально сохранить статью в том виде, в котором ее видел читатель прошлого века.

¹ «Летопись Строгановская» в прил. к «Покорению Сибири» П. Небольсина. 1849, гл. VIII и IX, стр. 21 и 23.

второй же летописи, или «Истории о Сибирстей земли и о Царствии», законченной в 1636 году, составителем которой был дьяк Савва Есипов, перед 1581 г. сказано: «Изра Бог не от славных муж, ни от царска повеления воевод, а вооружи славою и ратоборством атамана Ермака Тимофеева сына...»².

За этими летописями Ермаку не дают никакого христианского имени и некоторые другие, так, «Летописец вкратце», составленный в 1669 году по татарским и бухарским преданиям при тобольском воеводе Петре Годунове, при упоминании о донских казаках говорит: «В них же старейшина атаман рекомый Иермак и иные многие атаманья»³; в статье же «Описание новья земли сиречь Сибирского царства» неизвестного автора, сочинение которой, по определению А.Х. Востокова, отнесено ко времени после 1683 года, сказано: «По 28 лете взятия Казанского царства, з Дону восташа самовольныя казаки с атаманом Ермаком Тимофеевым сыном...», или же: «Он, атаман конской, Ермак с товарищи, рускую силу

посланных побил...»⁴. Какое имя присвоивают Ермаку летописи, остающиеся не изданными, которых в московском архиве министерства иностранных дел хранится до шести экземпляров, сказать не можем; в заглавиях же трех из них покорителем Сибири именуется атаман Ермак Тимофеев⁵. Затем в заглавии одной из семи таких же летописей, хранящихся в числе рукописей археографической комиссии, упоминается также Ермак Тимофеев сын Поволский⁶. Этим же именем — Ермак Тимофеев сын — называют его летопись, оказавшаяся в 1874 году в Барнауле⁷, и некоторые другие.

Первым из христианских имен присвоено Ермаку имя Ермолая. Это сделано в конце первой половины XVII века летописью неизвестного автора, названной «Новым Летописцем», где говорится: «Един же от них казаков старейшина атаман Ермолай, да с ним шесть сот человек», или же: «А ко атаману Ермолаю и к казаком посла (государь) многое жалованье в грамотах повеле Ермолая именоватьи Князем Сибирским»⁸.

² «Летопись Саввы Есипова» в том же издании, гл. VII, стр. 24.

³ «Продолж. древ. российск. вивлиофики». 1791, ч. VII, стр. 195.

⁴ Титов. «Сибирь в XVII в. Сборник старин. русск. статей о Сибири», изд. Г. Юдина. 1890, ч. VII, стр. 57 и 58.

⁵ Пуццлло. «Указат. дел. и рукопис., относящ. до Сибири», 1879, стр. 2, 97, 98 и 104.

⁶ Барсуков. «Рукописи археогр. комиссии», 1882, №№ 24, 31, 70, 72, 213 и 227.

⁷ «Гомск. губ. вед.», 1874, №№ 46 и 47.

⁸ «Новый Летописец», составлен. в царст. Михаила Феодор. Издан по списку кн. Оболенского. Мск., 1853.

Спустя полстолетия в летописи, названной Миллером «Тобольским Летописцем», Ермак именуется уже Германом: «...и в таковой храбрости Герман в дружинной своей Ермаком прославив и атаманом наречен...»⁹. По времени составления летописи тобольским боярским сыном Семеном Ремезовым появление этого имени нужно отнести к самому концу XVII века.

Затем появившаяся через долгое время другая летопись, доведенная до 1760 года и названная Карамзиным «Новою», составление которой ранее академиком Фальком приписано тобольскому ямщику Илье Черепанову, передавая первую подробные сказания о роде Ермака, присвоила ему имя Василия. «В некоторой сибирской истории, — говорится там, — упомянуто о роде атамана Ермака, а писатель той истории при ней своего имени не объявил. Он и начал тем свою историю, якобы сам о себе Ермак объявил о происшествии своей природы. Дед его был города Суздаля посадский человек, а жил в великой скудости и искал своей нищете перемены; старался сыскать себе пропитание: того ради переехал он в город Володимир; именем звали его Афанасей Григорьев

сын, а прозванием Аленин; и ту в Володимере вскормил он двух сынов, которых именами звали первого Родионом, а другого Тимофеем, и с ними кормился извозом; и в некоторое время оной Афанасей был из найму в подводах у некоторых воров на муромских лесах и с ними пойман сидел в тюрьме и по случаю из оной тюрьмы бежал; а более в городе жить ему было нельзя, то он взял с собою жену и детей и с ними переехал в уезд поволжской и там вскоре умер, а дети его Родион и Тимофей от скудости своей искали себе лучшего пропитания, переехали жить на реку Чусову в вотчины Строгоновы и оттого они прослыли Повольские, где у них родились дети. У Родиона было два сына: Дмитрий да Лука; у Тимофея дети: Гаврило, Флор да Василий»¹⁰.

Согласно сказаниям этой летописи, представляющей единственный источник сведений в отношении родоприсхождения Ермака, в составленном позднее при тобольском архиерейском доме «Кратком показании о воеводах и губернаторах и прочих чинах...» под 1581 г. сказано: «Сибирское царство взято Ермаком Василием Тимофеевым», далее под 1584 г. по-

⁹ «Летоп. Сибирская краткая (Кунгурская)». Изд. Зоста. 1880, ст. 3.

¹⁰ «Сибир. Летопись» — список библиот. Тобол. дух. семин. (под № 1655), стр. 1; некоторые выдержки этой летописи помещены в «Сибир. Вест.», 1821 (ч. XIV, кн. 5, стр. 289–294 и др.). «Тобол. губ. вед.», 1858 (№№ 32, 33 и 41) и «Тобол. епар. вед.», 1882 (№№ 21–24); 1883 (№№ 3 и 8) и 1884 гг. (№№ 7–9 и 13).

коритель Сибири два раза называется именем Василия¹¹.

Что касается имени Ермила, то ни одна из летописей его не упоминает. Имя это недавно присвоено Ермаку автором исследования о заселении Сибири Буцинским¹².

Наконец существуют упоминания, добавляющие к именам Ермака еще имена Тимофея и Еремья. Они сделаны: первое — в записках о путешествии по Сибири профессора Фалька в 1786 г., где ученый этот, неизвестно почему, а быть может, и по одной простой ошибке говорит, что «завоеватель Сибири Тимофей был сын бедного суздальского купца...»¹³; второе же — М.П. Пуцилло в 1881 году в статье, посвященной вопросу о происхождении Ермака, где сказано: «...что касается именованья его Ермаком, то не беремся решить, есть ли Ермак полуимя от Ермолая или Еремья, или это есть не более, как одно из тех прозваний, какие в допетровское время были в большом ходу»¹⁴.

Сибирские синодики упоминали покорителя Сибири с дружиною только под двумя именами: Ермака и Ермолая. В од-

ном списке Есиповской летописи 1636 года говорится: «В лето 7129 (1621 г.)... поставлен быть в Сибирь, в Тоболеск, первый архиепископ Киприан бывы прежде на Хутины архимандрит; и во второе же лето первопрестольства его воспомяну атамана Ермака Тимофеева сына с дружиною; и повеле разспросити казаков, како они приидоша в Сибирь, и где с погаными были бои, и ково где убили поганы? Казаки же принесоша к нему писание, како приидоша в Сибирь, и где у них были бои, и где казаков и ково имянем у них убиша. Он же добрый пастырь попечение имея от них и повеле убитых имена написати в церкви Софеи, Премудрости Божией, в соборный синодик, и в православную неделю кликати повеле с прочими пострадавшими за православие вечную память, а имена их в синодик вписаны»¹⁵. Самый синодик приводится в другом списке этой летописи 1641 года, где сказано: «Синодик казакком написано сице: ...атаману Ермаку сотоварищи его которые побиени с ним казаки по Вагаю реке на перекопи от нечестивых от Кучума царя вечная память и возглас болшей»¹⁶. Тот же си-

¹¹ «Краткое показание...», изд. 1792, стр. 3.

¹² Буцинский. «Заселение Сибири и быт перв. насельников», Хрк. 1889, стр. 1 и 2.

¹³ Фальк. «Запис. путешес. от С.-Петербур. до Томска». Т. VI. СПб. 1824.

¹⁴ Пуцилло. «К вопросу кто был Ермак Тимофеев — покорит. Сибири». «Русск. вест.», 1881, кн. XI, стр. 281.

¹⁵ «Летоп. Саввы Есипова» в изд. Небольсина, гл. XXXV, стр. 88.

¹⁶ Та же Лет. в изд. Спасского, 1823. Гл. XXXIII.

нодик несколько подробнее приведен и в Черепановской летописи: там поминовение покорителя Сибири произносится именем атамана Ермака Тимофеевича, сына Повольского; дружина же его занесена без означения имен и поминается с разделением на «убиенных» при главной битве с Маметкулом, смерти Кольцо и смерти самого Ермака. Но в той же летописи по окончании упомянутого синодика, приведенного под 1622 г., и после помещенного далее списка сибирских воевод того времени и сведений о промыслах городов Тюмени и Мангазеи, помещено следующее поминовение, несомненно представляющее содержание того же, но уже современного летописи, синодика: «Помяни, Господи, пострадавших твоего ради имене святого и кровь свою проливших по благочестии, победивших в Сибири безбожного царя Кучума, атаманов Ермолая, Иоанна, Никиты, Иакова, Матфея и дружины их: Сергея, Иоанна 3, Андрея 3, Тимофея 2, Иоакима, Григория, Алексия, Никона, Михаила, Тита, Феодора 2, Иоанна 2, Артемия, Логина, Иоанна, Владимира, Василия 2, Лукиана, Иакова, Саввы, Петра 2 и прочую их дружину, а именные ты, Господи, веси, согреше-

ния их презри и сподоби всех их небеснаго твоего царствия»¹⁷. Последний синодик, кроме Тобольска, был распространен и по другим местам обширной Сибирской епархии, что подтверждает такой же синодик, найденный недавно в архиве Нерчинско-Успенской монастырской церкви. В этом синодике, писанном старинным полууставом, с вычурными заставками и киноварью, после царей, царевен и великих князей имеется почти тождественная приведенному выше запись: «Помяни, Господи, души пострадавших твоего ради имене святого и кровь свою проливших по благочестии: победиша в Сибири безбожного царя Кучума» — и вслед за этим записано имя Ермолая¹⁸.

При сказаниях летописей и синодиков нелишне упомянуть, как называли покорителя Сибири старинные иностранные известия. Перечислим и последние. В «Истории о Сибири, или сведениях о царствах Сибири» латинской рукописи около 1680 г., приписываемой известному славянскому деятелю Юрию Крижаничу, говорится: «В числе многих бежавших тирании царя Ивана Васильевича... был один разбойник именем Ермак»¹⁹. Знаменитый географ Николай Витзен в

¹⁷ «Сибир. Летопись» — список библиот. Тобол. семин., стр. 86 и 88.

¹⁸ «Подлинное христианское имя покорителя Сибири Ермака Тимофеевича». Еписк. Мелетия. «Иркут. Епарх. вед.», 1888, № 37, стр. 393—396.

¹⁹ Упомянутого в вын. 4 «Сборника», стр. 164 и 165.

трактате «Северная и Восточная Татария», первое издание которого относится к 1692 г., пишет: «Около ста лет тому назад жил один бравый казак Ермак Тимофеевич родом из Мурома». Позднее Адам Бранд, находившийся в свите Избрандеса при посольстве последнего в Китай, в записках о Сибири упоминает, что «известный разбойник Ермак Тимофеевич во время царствования царя Ивана Васильевича разбойничал в его странах...», сам же Эбергард Избрандес говорит, что в то царствование «в Московии появился некто Ермак Тимофеевич, начальник воровской шайки...». Затем Филипп Табберт, находившийся в числе пленных шведов в Сибири и известный в литературе под фамилией Страленберга, в изданном в 1739 году сочинении «Северная и Восточная часть

Европы и Азия» называет покорителя Сибири «беглым донским казаком Ермаком, бывшим хорошим наездником»²⁰.

Таким образом, и эти известия, подобно начальным сибирским летописям, Ермаку никакого другого имени не давали.

II

История Сибири, появившаяся в половине XVIII столетия, упомянутых летописями и синодиками имен Ермака не касалась и значения им не придавала.

Миллер, начиная свои сказания о завоевании Сибири, после упоминаний о грабежах донских казаков, посылке на них в 1577 году войска со стольником Мурашкиным и побеге преследуемых говорит: «Между сими убежавшими казаками был атаман Ермак Тимофеев с товарищи...». Вообще имя это Миллером не-

²⁰ Тыжнов. «Обзор иностран. известий о Сибири 2 половины XVI в.» в «Сибирск. сборнике», прилож. при «Восточ. обозрении», 1887, стр. 135 и 137; 1890. Стр. 44, 46 и 54. Из этих известий мы приводим только те, которые более сходны с сибирскими летописями и более поэтому вероятны; в числе же их есть и такие, которые не только не называют Ермака по имени, но не приписывают ему и завоевания Сибири. Таково, например, известие упомянутого в том же «Обзоре» Тыжнова, голландского географа Исаака Массы (1612 г.). Кроме того в малоизвестной книге данцигского жителя Готарда Артхуса (1606 г.) есть статья «Повестное описание Королевств Себерии, Самоедии и Тингоезии», где завоевание Сибири также обходится без Ермака, а приписывается людям из рода Аники, крестьянина по происхождению. Книгу Артхуса считают, впрочем, переводом труда того же Массы, хотя года издания их и не подтверждают этого. Затем живший в Тобольске в плену французский офицер Белькур (1770–1773), передавая в записках своих рассказ о завоевании Сибири, опровергает ошибки по этому предмету Вольтера и называет завоевателем Сибири уже никому неизвестного яицкого казака Нечаева. Пыпин. «Сибирь и изслед. ее» в «Вест. Европы», 1888, кн. IV, стр. 702, 703 и 705 и V. Стр. 235.

изменно повторяется во всей его истории, даже и в тех местах, где описываются, например, душевные и телесные качества Ермака, смерть его, поминовение и проч.²¹. Заметим, что хотя этот историк и относился с особым доверием к Ремезовской летописи, предпочитая ее сведения известиям других «простых» летописцев, однако ж, присвоиваемым этой летописью именем Германа Ермака не называл. За всем тем, закончив уже труды свои по «Описанию Сибирского царства», Миллер, видимо, вдумываясь в значение слова Ермак, остановился на имени, даваемом покорителю Сибири новым летописцем: по одному известию, в московском архиве министерства иностранных дел хранится экземпляр этого «Описания», лично принадлежавший автору, где на странице 92 против § 22, т.е. против начала сказаний об Ермаке, рукой историка сделана припись: «Ермолай полуименем Ермак»²².

По примеру Миллера имя Ермака повторяют и последующие историки прошедшего столетия: Фишер говорит, что «в числе... разбойников был

некто именем Ермак Тимофеев...»²³; Щербатов, что «между сими производящими разбои донскими казаками был единый Ермак Тимофеев сын...»²⁴.

Начиная с настоящего столетия сказания историков о покорителе Сибири изредка сопровождаются уже толкованиями имени его, хотя, впрочем, начало этому положено тою же, сравнительно с другими многозначной, летописью Черепанова. После приведенного выше сказания о роде и имени Ермака летописец истолковывает последнее слово как прозвище. По этому толкованию «он, Василей, назван был от товарищей Ермаком для его оказанных услуг при варении артельной каши, а ермак по их назывался дорожный артельный таган, либо по волгскому наречию также ермаком жерновый ручной камень называется, которым знаменованьем те ж его к артелям услуги показывает»²⁵.

Историк Карамзин, сказав, что к «числу буйных атаманов волжских принадлежали Ермак (Герман) Тимофеев, Иван Кольцо»²⁶ и другие, придал этим в отношении имени Ермака вероятие известию Реме-

²¹ Миллер. «Описание Сибир. цар.». 1750, гл. II, § 22 и III, §§ 64, 65, 68 и др.

²² Пудилло. В упомянут. ст. стр. 277.

²³ Фишер. «Сибир. история», 1774, кн. I, отд. 1, § 10.

²⁴ Щербатов. «История российск. от древн. времен», 1789 г. Т. V, ч. 3, кн. XIII. Стр. 2.

²⁵ Упомян. список «Сибир. летописи», стр. 1 на обор.

²⁶ Карамзин. «История госуд. Российск.». 1819. Т. IX. Гл. VI, стр. 380.

зовской летописи, хотя затем несколько раз назвал этот источник «весьма баснословным», объясняя, что составитель его «пользовался народными преданиями, догадывался, вымышлял»²⁷. Далее названный историк, приведя дословно черепановское сказание о роде и имени Ермака, называет и это последнее «сказкой», ничем не объясняя оснований этого замечания, за которым снова напоминает, что Ремезов именует Ермака Германом²⁸.

Небольсин, более других изучавший сибирские летописи, не разделяет замечания историка и, также приводя сказание Черепанова, именующего Ермака Василием, говорит: «Об этом известии нельзя, кажется, сказать вместе с Карамзиным «это сказка — думаю» потому уже, что у нас в календаре нет православного имени Ермак, которое знаменитый историограф, следуя Ремезову, переводит словом Герман; а во-вторых, и в приписке к летописи Саввы Есипова к прозванию Ермака тоже прибавлено прозвание Повольского. Но так как приводимое

известие согласуется и с отчетством Ермака, и со свидетельством летописи, и с неизвестным чувством, которое манило Ермака с Волги на Каму, а между тем не подтверждается никакими более положительными доказательствами, то для оценки этого известия мы можем только ограничиться известной поговоркой *si non e vero — e ben trovato*, а между тем мы сами чувствуем, что тут есть зародыш правды в том отношении, что между Ермаком и Пермью должна быть какая-нибудь неразрешенная еще тайна»²⁹.

Историк Словцов, замечая, что «потомство будет спрашивать, кто такой был Ермак», приводит в разрешение этого вопроса сказания Черепанова, именуя Ермака Василием³⁰.

Следуя Небольсину и Словцову, тем же именем Василия называет Ермака и исследователь сибирской старины Абрамов; по отношению же к имени Ермак Абрамов замечает, что в старину было обыкновенное давать людям имена по их нравственным качествам с прибавлением христианского отчества³¹.

²⁷ Там же, прим. 644, 657, 670, 698 и др.

²⁸ Там же, прим. 664.

²⁹ Небольсин. «Покор. Сибири», гл. V, стр. 65 и 66.

³⁰ Словцов. «Истор. обоз. Сибири», 1886, введ. к кн. I, стр. 18 и 19.

³¹ Абрамов. «Ермак — покор. Сибири». «Тобол. губ. вед.», 1866, №№ 18–22 и «Чтен. в общ. ист. и древ. рос.», 1867, кн. IV, отд. 5, стр. 1–25.

³² «История или повествование о донских казаках... А. Ригельмана 1778 года». в «Чтен. в общ. ист. и древн. российск.», 1846, №№ 3 и 4.

Затем историки Ригельман³², Броневский³³, Соловьев³⁴, Костомаров³⁵, а за ним Щеглов³⁶, Андриевич³⁷ и другие или повторили сказания Черепановской летописи, не касаясь оценки вероятности их, или же продолжили употребление имени Ермак³⁸, обходя молчанием значение его; Щеглов, впрочем, в одной из своих статей³⁹, приведя отрывок Черепановской летописи о церковном поминовении Ермака, говорит: «В приведенном отрывке любопытно преображение имени Ермака в Ермолая, что объясняется, разумеется, тем, что в православных святцах имени Ермака нет; но почему же тогда не заменить его было настоящим его именем Василия?».

После долгого перерыва толкования имени Ермака снова повторились. Перед наступлением юбилея трехсотлетия Сибири М.П. Пуцилло в упомянутой уже статье, посвященной вопросу о происхождении Ермака, коснулся и имени его. Приведя в связи с летописными сказаниями отзыв Неболь-

сина о вероятности известий по этому предмету Черепановской летописи, названных Карамзиным «сказкой», исследователь этот говорит: «Мы со своей стороны полагаем также, что это не сказка. Напротив, правдоподобность этих биографических известий заслуживает более внимания, чем те сбивчивые и отрывочные показания, которые приведены нами выше. Вот почему было бы крайне желательно найти ту некоторую сибирскую историю, о которой говорит Черепанов»⁴⁰. Но, не решаясь категорически признать то или другое из имен, приписываемых Ермаку, и упоминая лишь о возможности образования последнего имени тем обычаем, по которому в допетровское время появлялись имена вроде Алмаза Иванова, Гуляя Золотарева и т.п., г. Пуцилло приводит, между прочим, следующее сообщение: «В памятниках народной поэзии не раз воспевался Ермак Тимофеев и покорение им Сибири. Так, в песне «Ермак взял Си-

³² Броневский. «Истор. дон. войска» I. Стр. 60 и 61.

³⁴ Соловьев. «Истор. Рос.», 1856, т. VI, стр. 424–432.

³⁵ Костомаров. «Рус. истор. в жизнеопис.», 1873, вып. 3.

³⁶ Щеглов. «Хронолог. переч. дан. истор. Сибири», 1883, стр. 26 и 27.

³⁷ Андриевич. «Истор. Сибири», 1889. I, гл. I, стр. 8.

³⁸ А другие умалчивали даже и об этом имени: так, например, ученый историк И.Н. Болтин говорит, что «Сибирь завоевал казак с 1500 побродяг, в промысле разбойничества упражнявшихся». Примеч. на историю древн. и нынеш. России Г. Леклерка, изд. 1788, т. II, стр. 144.

³⁹ «Кое-что, имеющее некоторое отношение к 300-летию Сибири». «Сибирь», 1882, № 49.

⁴⁰ Пуцилло. Стр. 281–283.

бирь», находящейся в древних российских стихотворениях, собранных Киршей Даниловым, описан поход Ермака, а в замечательном издании «Русские народные картинки», собранном и описанном Д. Ровинским, можно видеть, что среди народа личность Ермака Тимофеева связана с былиной об Илье Муромце, которому Ермак приходится племянником. С ним Илья Муромец освобождает Киев от Батыя Батыевича и бабищи Мамаевны. Племянником же Ермак приходится и великому князю Владимиру. Далее встречаются картинки, где целовальники и кулачные бойцы именуются Ермаками, Ермошками. По замечанию Д. Ровинского, в народе целовальники и кулачные бойцы звались Ермаками, т.е. Еремками; под этими же именами они участвуют в похоронной процессии погребения kota»⁴¹.

Спустя немного времени другой исследователь — Енгальчев — объяснил, что имя Ермак в устах народа то же самое, что Ермолай, что можно и доселе слышать в русских деревнях, например, в Тамбовской губернии⁴². Затем слово Ермак считают переделкой от имени Ермолая и некоторые другие исследователи, как, на-

пример, А. Никитский⁴³ и епископ Мелетий⁴⁴.

Из толкования г. Никитского видно, что имя Ермак встречается в новгородских писцовых книгах XVI века и есть действительное христианское имя, которое повторяется там так часто, что всякая мысль о каком-либо прозвище должна быть отложена в сторону как совершенно неосновательная. «Форм, — объясняет г. Никитский, — в которых имя Ермак встречается в тех книгах, две: настоящая — Ермак и уменьшительная — Ермачко. И та, и другая из них встречаются как без отчества, так и с отчеством и даже с прозвищами. Так, с одной стороны, мы читаем: «Д. Онисимово: дв. Ермак Нестерков» (Писц. кн. I, 573); «Д. Поля... дв. Родивоник, дв. Левоник, дв. Ермак Осташевы» (I, 657); «Д. Полагино: дв. Ермак Болан» (I, 674); «Д. Пугачево... дв. Ермак Потапов, сын его Кирилко» (II, 709); «Д. Гольщино ж: дв. Ермак Оксенов да брат его Гридка» (II, 710); «Д. на Чермне: дв. Ермак Ивашков» (II, 729). С другой стороны, в тех же писцовых книгах мы находим: «Д. Лошаково: дв. Ермачко, дв. Сенка Ивашковы» (Писц. кн. I, 508); «Д. Подъяблонье: дв.

⁴¹ Там же. Стр. 276–277.

⁴² «Еще об имени Ермак». «Москов. вед.», 1883 № 49.

⁴³ Никитский. «Заметка о происхожд. имени Ермак». Журн. минист. народ. просв., 1882, май, стр. 135–138.

⁴⁴ Выше, вынос. 18.

Фомка, дв. Ермачко Еремейковы» (I, 516); «В Боровичском же погосте в вопчей деревне в Налцех... дв. Ермачко Рубец» (I, 525); «Д. Папышево: дв. Матфейко Кузмин, дв. Ермачко Пахомов» (I, 594); «Д. Сруги... дв. Ермачко Родивониковы» (I, 641). «Гораздо труднее, — говорит Никитский далее, — решить вопрос, какое из христианских имен преобразовалось в имя Ермак? Новгородские писцовые книги, однако, и здесь дают нам самые положительные указания, которые не оставляют ни малейшего сомнения, что имя Ермак есть не что иное, как, по выражению Миллера, полуимя от имени Ермолай. Припомним сначала, что когда при перечислении крестьян писцовым книгам приходится упомянуть о двух или нескольких братьях и детях одного из них, то последние обозначаются обыкновенно притяжательным от имени того, от которого они происходят. Так, например, мы читаем: «Селцо Яковличи: дв. Клишко, дв. Игнатко Васковы да Клишков сын Перша» (Писц. кн. II, 692) или: «Д. Красное: дв. Микифорик, дв. Павлик Иваниковы, дв. Микифориков сын Власко» (II, 737). Приложим теперь это соображение к следующему отрывку из писцовых книг: «Д. Опуево: дв. Матвейко, дв. Тараско Осташевы, дв. Гаврилко, дв. Михаль, дв. Васко Осташевы, дв. Титко, дв.

Сидорик, дв. Ермолка Сенкины, да Ермачков сын Ивашко» (II, 704). В этом отрывке притяжательное «Ермачков» равнозначительное, как мы уже раньше показали, с притяжательным «Ермаков», должно быть по вышеизложенному отнесено к одному из братьев Сенкиных; а так как этимологически оно может быть поставлено в соответствие только с одним именем Ермолка, то ясно, что Ермачко, а следовательно, и Ермак есть полуимя от Ермолая».

Засим что касается подобно же заключения преосвященного Мелетия, епископа Селенгинского, по которому «вульгарное слово Ермак образовалось от имени Ермолая», то заключение это основывается на упомянутом выше синодике архива Нерчинского монастыря, где Ермак назван Ермолаем.

Самым позднейшим толкованием имени Ермака было толкование Буцинского, который в свою очередь именует Ермака Ермилом. Толкование это довольно своеобразно, а потому и приводится дословно: «Летописное известие, что будто бы завоеватель Сибирского царства получил свое имя, или точнее кличку, от артельного котла, который по-татарски назывался «ермак», не заслуживает никакого вероятия: «Ермак» — не кличка, а есть испорченное христианское имя Ермил. С этим именем нам не раз при-

ходилось встречаться, когда мы в «Сибирском приказе» прочитывали так называемые «именные списки» разного чина сибирских людей. Из этих списков оказывается, что имя Ермак носил не один победитель Кучума, а многие казаки, посадские люди и крестьяне; даже между сподвижниками Ермака Тимофеевича, часть которых потом составила в Тобольске особую «старую сотню» пеших казаков, два казака были ему тезками; один остяцкий князь, принявший при крещении имя Ермила, также назывался Ермаком. Заметим, между прочим, что это имя варьируется на разные лады: «Ермак», «Ермачек», «Ермачко» и «Ермачишка». Происхождение последних уменьшительных названий, мне кажется, следует объяснять тем, что имя Ермак было слишком громким в истории Сибири, а так как московские люди низших классов всегда писались уменьшительными или искаженными именами, то и рядовым сибирским казакам и крестьянам казалось зазорным называться «Ермаками», и они большею частью писались «Ермачками» и «Ермачишками», но сотник казацкий и староста посадских людей могли уже называться «Ермаками», хотя, впрочем, этим полным именем назывались и некоторые крестьяне. В Сибири многие деревни и урочища получили свое название от име-

ни Ермак, хотя эти деревни и урочища не имели никакого отношения к Ермаку Тимофеевичу; например, под самым Тобольском (по дозорной книге 1623 г.) при реке Мостовой была деревня «Ермакова», а при р. Плоской — деревня «Ермачкова»; эти деревни так назывались потому, что основателем первой был крестьянин Ермак, а второй основателем был конный казак Ермачек. Считаю нужным предупредить читателя, что имя Ермак нельзя производить от имени Ермолая: в списках казаков и крестьян это имя встречается или в своем настоящем виде, или в испорченном «Ермошка» и «Ермолка». В Сибири есть деревня «Ермолкина»; туринский татарин, принявший христианство и получивший при крещении имя Ермолая, так и писался Ермолаем, а юрты его при реке Нице назывались «Ермолаевыми». Но имени Ермила мы ни разу не встречали в списках сибирских обитателей, хотя нам пришлось просмотреть более сотни именных списков казаков, посадских людей и крестьян — не встречали, очевидно, потому что оно всегда заменялось «Ермаком» и «Ермачком» и т.п. Поэтому в некоторых народных песнях, относящихся к покорителю Сибирского царства, он совершенно верно называется Ермилом: «Атаманом быть Ермилу Тимофеевичу» читаем в одной

песне, или в другой: «Говорилто нам Ермил Тимофеевич: «Уж вы слушайте, братцы, послушайте, дайте мне, Ермилу, думушку придумати» («Песни», собр. П. Киреевским, вып. 6-й, стр. 25, 28, 36 и 37)».

«Итак, — заключает г. Буцинский, — настоящее христианское имя знаменитого казака Ермил, а прозвание его Ермаком не имеет никакого отношения к котлу и есть только обычное искажение христианского имени. Отсюда все замечания историков, что «скромная должность кашевара не могла удовлетворить Ермака, жаждавшего более независимой, широкой, удалой жизни» и т.д. мы должны считать не более как риторическими фразами»⁴⁵.

Наконец, ныне к вопросу об имени Ермака одной из сибирских газет прибавлена следующая «библиографическая справка» (В.К.шева): «Несомненно это слово в корне своем не чисто славянское. Но хотя в нем слышатся и монгольские звуки, тем не менее имя Ермак и раньше нашего Ермака Тимофеевича появлялось уже в истории в связи с судьбами славянского мира. В 454 году в

Панонии, нынешней Венгрии, на берегу Нетады, происходила кровавая битва между словакским князем Ардарихом и сыновьями Атиллы — гуннского царя (самое слово царь, по мнению А. Быкова, происходит от монгольского слова «ссар») — Елаком и Ермаком. Ардарих остался полным победителем, и побежденный Ермак увел гуннов в черноморские степи, где они, и прежде уже полуславяне, слились с приволжскими славянами и образовали Хазарское царство со столицей Атилль»⁴⁶.

Этим толкования, а с ними и розыски действительного имени Ермака заканчиваются.

III

В приведенную выше литературу имен покорителя Сибири не вошло очень немного⁴⁷, но сгруппированные в ней сведения вполне достаточны для ознакомления с теми разноречиями, какими обставлен вообще вопрос о христианском имени Ермака. Поэтому, не доискиваясь того, что осталось для нас по упомянутому вопросу неизвестным, мы коснемся тех обычаев, по которым у предков наших славян появлялось мно-

⁴⁵ Вып. 12.

⁴⁶ «Сибирск. вестн.», 1891, № 37. Справка более ни о чем не говорит и заканчивается неверной данной («Р.М. 1891, № 3») на труд А. Быкова «Славяне и Тевтоны».

⁴⁷ Как, наприм., статьи «Догадка о прозвище Ермак» в «Иркутск. епарх. ведомост.», 1883, № 1 и «О прозвании Ермака Тимофеевича» в «Казачьем вест.», 1883, № 19.

го имен с непонятными для нас значениями, вызывалась необходимость иметь иногда по два и по три имени, делить эти имена на явные и тайные и проч.; коснемся, потому что напоминание о таких обычаях может иметь некоторое значение в занимающем нас вопросе и, так сказать, облегчать трудность догадок о действительном имени Ермака.

Но говоря о именах племен славянских, нельзя обходить молчанием имен и других народов: те перевероты, какие производились в именах последних, были во многом сходны с тем, что происходило с именами славян.

У германских племен, как только они являются на поприще истории, личные имена означали какое-нибудь свойство душевное, или телесное, или же выражали какую-нибудь мысль, а следовательно, были имена знаменитые: таковы, например, имена Карл (муж крепкий, или стремительный), Людовик (воин, или достойный похвалы), Вильгельм (защитай, или будь защитен), Алфред (великий защитник), Вольдемар (славный господин) и т.п. Но когда германцы, утвердившись на римской почве и просветившись христианством, познакомились с римской гражданственностью, этот род имен должен был исчезать и заменяться именами христианскими, или римскими. Однако

ж это делалось нелегко. Всякий народ не скоро оставляет свои прежние предания и не вдруг отказывается от прежних своих верований и обычаев, которые дороги для него, как наследие предков. Германцы, не привыкшие к длинным римским именам, не могли слышать их в первобытной их чистоте и переделывали по-своему, обращая, например, *Laurentius*, *Mauritius*, *Maximilianus*, *Benedictus* в *Lorenz*, *Moriz*, *Max*, *Bendekes* и т.д. В этой переделке новые имена часто искажались до неузнаваемости: так, например, у иных из германских народов греческое имя Александр обратилось в Касандр, у итальянцев — в *Alessandro*, *Sander*, у англичан — в *Sandre*, *Sanny*, *Ellik*; Маргарита обратилась у немцев в Гретхен, *Meta*, у итальянцев — в *Chita*, у французов — в *Margot*, у англичан — в *Mez Peggy*; Варвара (*Barbara*) у французов — в *Babet*, *Babette*, у англичан — в *Bab*. Случалось иногда и то, что в той же переделке образовывались имена сложные, в которых одна половина состояла из имени христианского, а другая — из имени языческого.

Между тем христианское учение, соединяя с наречением младенцу имени святого высокое значение, поставляет этим принявшего имя святого под особенное его покровительство, призывает особенную по-

мощь его. Но какое родительское сердце не пожелает, чтобы у его сына или дочери было как можно более небесных покровителей и защитников. Отсюда в римско-католических государствах (а впоследствии и в лютеранских) произошел обычай давать новорожденному как можно более имен. С течением времени множество имен христианских, носимых одним человеком, было признано за знак благородного происхождения его. Набожные португальцы, испанцы и итальянцы особенно отличаются наречением одного младенца несколькими именами: так, родившийся в 1799 г. испанский инфант получил при крещении 54 имени; позднее сыну португальского претендента Дона Мигуэля дано при крещении до 30 имен. К этому обычаю присоединилась еще новая особенность: считать христианские имена нераздельно — и мужскими и женскими. Имя Марии, например, у французов — самое любимое и общее как для мужчин, так и женщин, и его носили многие из знаменитых мужей (Вольтер, Вебер и др.)⁴⁸.

Подобные же перевороты, но в более сложных формах, мы видим и на именах славян особенно с того времени, когда Русь призвана была князем Владимиром ко святому креще-

нию и когда потребовалась замена прежних языческих имен новыми христианскими, в которых звучали языки еврейский, сирский, греческий, латинский и др. Последние имена казались народу чем-то чуждым, непонятым, неудобнопроизносимым. В этих именах народ не только не мог уловить какой-нибудь смысл или значение, но даже не всегда мог и выговаривать их правильно; язык его запинался на них. Но творческая сила духа народного брала свое: она силилась овладеть этой массой чуждых слов, преобразовать их, соответственно гению своего языка, и дать им внешний вид и образ своих народных имен. От этого происходило следующее: 1) если в христианских именах находились звуки, сходные со звуками славянских имен, то, не додумываясь до того, соответствуют ли по смыслу первые последним, народ переделывал христианские имена на свои славянские; в этой переделке из Тихона являлся Тиша, из Георгия — Юр, Юрий, Яр; из Нила — Мил, из Мирона — Мирша, Родиона — Родя, Родька, из Лазаря — Лазута и т.д.; 2) если славянский язык не представлял слов, созвучных с христианскими именами, то последние просто запросто ломались и укладывались в свой-

⁴⁸ Морозкин. «О фамильных именах у европейских народов». Журн. Минист. нар. просв. 1854, ч. LXXXIV, отд. 2, стр. 129—131, 133, 137, 140 и друг.

ственные гению того языка увеличительные и уменьшительные формы, преобразовываясь уже до того, что трудно становилось найти в них даже начальную тему; в этих случаях Гликерия, например, называлась Лушкой, Евдокия — Дунькою, Пантелеимон — Пантюхой, Агриппина — Грушею, Грушкою, Грунею, Груняшей; Терентий — Терехой, Терехом, Торохом и т. д. и 3) если же при христианских именах в святцах встречались еще имена нарицательные, выражавшие или звание, или подвиг святого, то те, которым давались такие имена, в жизни употребляли не сами имена, а стоящие при них предикаты; от этого выходили имена Постников, Постничков, Воинов и т. п.⁴⁹

Такой переделкой имен народ старался осмыслить их для себя, отчего вместо того значения, какое имели те имена в христианском мире, им придавалось уже свое значение, чисто туземное. Таковы имена Трофим (переделывалось Троша, Трошка, означало — троха, трошить, кроха, крошить), Борис (Боря — бор), Матфей (Мотя, Мотюха — мот, моток, мотать), Терентий (Тереха — терять), Стефан (Степа, Степуха, Степаха, Стенька — степь, степать, щепать, стень), Симе-

он (Семен, Сенька — семя, сень), Иаков (Яша — яшный), Константин (Костя — кость), Антоний (Тоня — сеть, тонуть), Николай (Коля — кол, колье), Елисей (Елеся; корень лес-, лас-, откуда — леть, ласка, ластиться; как и Лазарь, Елеся — льстец, пролаза), Фома (Хомка — хомяк), Сергей (Серега, Серезка — серьга), Козьма (Кузьма, Кузька, Кузенька — кузнь, кузов) и проч. К некоторым из этих имен в отношении распространенности указанного при них славянского значения можно приводить если не доказательства, то вероятные догадки: переделка, например, имени Фома в Хомку — «хомяка», выработала прозвище Шемяки, ставшее народной кличкой всякого недогадливого и неловкого судьи; или же — разъяснение имени Козьма словами «кузнь» (кузница) и «кузов» (мешок), по народному воззрению, в противоположность Козьме-бессребреннику образовало сказания «о Кузьме-скоробогатом», объяснение просто: кузнец может ковать деньги, а кузов хранить их⁵⁰ и т. п.

Однако ж церковь старалась помогать народу в стремлении понять смысл христианских имен: появились так называемые алфавиты, азбуковники и

⁴⁹ Морозкин. «О личных именах у русских славян». «Изв. археолог. общ.», 1863, т. IV, вып. 6. Стр. 518–520.

⁵⁰ П. Безсонов. «Заметка» в приложении к книге «Песни, собран. П. Н. Рыбниковым», ч. II. Мск., 1862, стр. 534.

другие руководства, вызывавшиеся, главным образом, потребностью осмыслить и уяснить действительное значение тех имен. В предисловии к одному из таких алфавитов — «Книге премудрой, имеющей в себе 24 языка», — говорилось: «Прежде закона и в законе нецыи, иже по благодати древних родов человецы, даяху детям своим имена, якоже отец и мати восхошет, или от образа отрочати, или от времени, или от вещи, или от притчи. Яко же сей человек римлянин, видя отроча свое мирно, нарицаше имя ему Климент, по-римски бо Климент, а по-русски Милосерд или Тихомирен. А от времени сие есть: рождьшемуся Фалеку во дни разделения, и того ради наречен бысть Фалек, ибо Фалек разделение толкуется. А се по прилучаю: Сарра, жена Авраамля, до девяти-десяти лет неплоды бе и в старости от Бога слышавше родиши сына, возсмеяся, глаголя: сие ли мне сотворих Господь! Рождьши сына и нарече имя ему Исаак, по еврейски Исаах, а по русски Смех или Радость. А от вещи сие есть: в Риме бедревце зело благоуханно, по римски нарицашеся Лавренциус, и любляше римляне древо то, и даяху детем своим имя то, еже мы глаголем: Лаврентий. Тако бо словяном прежде крещения и св. писания разумения, дая-

ху детям своим имена, якоже хотяху, иже суть сия: Бажен, Богдан, Третьяк и подобные сим. А понеже мы ныне, ноши неверия уже мимошедшей и свету истинного благоразумия осиявшу благодатию святаго крещения, не к тому от притчей, или от вещей наречение имен приемлем, но по имене настоящего дне святаго, на него же память родихомся, или крестихомся»⁵¹.

Но подобные разъяснения мало достигали цели и, несмотря на требование духовенства, чтобы при крещении все принимали христианское имя, русские продолжали переделки и искажения христианских имен и наряду с последними употребляли даже имена языческие. Выше замечено уже, что народы не вдруг расстаются со своими верованиями и убеждениями, а потому и по принятии христианства долго следуют своим прежним обычаям и поверьям, оставаясь, таким образом, двоеверными. Так было и с нашими предками в отношении личных их имен. Вероятно, отцы и матери после крещения детей считали для себя священным являться к волхвам, чтобы получить от них вместе с обаяниями и другое имя для своих детей, которое становилось рядом с христианским именем и получало право гражданства. Поэтому в сфере церков-

⁵¹ Морозкин. В упомян. ст. «О личных именах у рус. славян». Стр. 521 и 522.

но-духовной русский имел христианское имя, но в общежитии, в рядной записи, закладной, писцовой книге он назывался народным именем. С двуименностью этой мы встречаемся на первых же страницах летописца. Знаменитый паломник XII века игумен Даниил упоминает о русских князьях под двумя именами — народным и христианским, например, Святополк-Михаил, Володимер-Василий, Олег-Михаил, Святослав-Панкратий⁵². Позднее, в XV и XVI веках, мы встречаем множество непонятных имен, которые употреблялись в деловых бумагах вместо имен христианских, и знакомимся с широким распространением нового обычая: кроме христианских имен, давать людям имена по их нравственным свойствам. По замечанию Карамзина, царь Иван Грозный и духовенство его времени, желая истребить обыкновения древние, противные святой вере, не коснулись в Стоглаве этого обычая: не только простолюдины, но и знатные сановники, уже считая за грех называться Олегами, или Рюриками, назывались в самых государственных бумагах Дружинами, Тишинами, Истомами, Неудачами, Хозяинами единственно с прибавлением христианского отчества. Сей обычай

казался царю невинным⁵³. Раз принятое, помимо имени христианского, какое-либо другое имя, было ли оно языческое, или народное, оставалось неизменным уже во всю жизнь носившего его и принимало такое употребление, что замена его другим именем, хотя бы и действительным христианским, становилась как бы невозможной. В Сибири уже после эпохи Ермака между воеводами, головами и дьяками встречались такие имена: Посник Бельский, Нечай Порфирьев, Боим Болтин, Беляница Зюзин, Неупоккой Кокоскин, Чеботай Челищев, Влук Пушкин, Курдюк Давыдов, Грязной Бартенов, Ждан Кондырев и другие. Несомненно, что носившие такие имена имели, кроме их, и имена христианские, но последние оставались без употребления даже и в таких документах, которые составляло передовое тогдашнее духовенство — духовенство, например, тобольского архиепископского дома⁵⁴. Заметно, однако же, что в течение XVII века такие имена мало-помалу начинают выходить из употребления, а к концу его почти совсем исчезают, перешедши в простые прозвища. Поводы, по которым образовывались такие имена, были весьма разнообразны и не всегда могут поддаться

⁵² Там же. Стр. 525.

⁵³ Карамзин. IX, стр. 463.

⁵⁴ Наприм., в «Кратком показании о воеводах...», изд. 1792 г., откуда (стр. 5, 6, 11, 32, 41, 48, 61, 66 и 78) выписаны упомянутые имена.

объяснению: иногда эти имена указывали на родину или место происхождения (например, Галичанин, Устюжанец, Торопчанин), иногда на ремесло, или занятие (Калашник, Рогозинник, Щепетильник), иногда на свойство человека, на телесный недостаток (Лихач, Плакса, Немта, Безносой), а иногда выражали они насмешливые клички (Мерзлая голова, Набезденежье, Овсяной разум) и т. под.

К этому необходимо прибавить, что в старых документах нередко встречается употребление одновременно двух христианских имен: так, например, в Никоновской летописи пишется: «Яко родился днесь, отче, у великаго князя Василия на Москве сын Тимофей, а нарекоша имя ему Иван», или: «Родися великому князю сын Гавриил и нарекоша его Василий Парийский». Известно также, что знаменитый Хмельницкий имел два имени: Богдана и Зиновия; царевич Димитрий носил еще имя Уара, следовательно, тоже два христианских имени⁵⁵. Иногда бывало по три имени — народное и два христианских: одно явное, а другое тайное, известное только тому, кто носил его. Это делалось по верованию в возможность предохранения себя от лихих людей — волхвов и чародеев,

которые, зная имя, данное при крещении, могли делать носившему его всякий вред; прикрываясь же другим именем, вреда этого можно было избежать. К такой многоименности могли быть и другие причины: например, тяжкие преступления, желание укрыться от каких-либо преследований и т.п. Случалось, что человека, которого все знали за какого-нибудь Ивана, после кончины на погребении называли Павлом и тут только узнавали его имя⁵⁶.

Не имел ли двух имен и «велеумный ритор» наш Ермак?

IV

При разнообразии толкований слова «ермак» можно отлично определять и начало употребления его, как имени. Однако ж мы привыкли думать, что до появления на Волге удалого Ермака слово это в значении имени было вовсе неизвестно; привыкли же так думать потому, что кроме несения царю Ивану Грозному чердынского воеводы Пелепелицына и посланной, по получении его, царем 16 ноября 1582 года грамоты Строгановым⁵⁷, не знали ни одного официального акта, который бы подтверждал употребление упомянутого слова в именном значении до сибирских походов

⁵⁵ Морошкин. «О личн. именах у рус. славян». Стр. 529.

⁵⁶ Забелин. «Русск. народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия», 1880, ч. IV, стр. 537 и 538.

⁵⁷ Миллер, гл. III, вын. к § 3.

Ермака. Напротив, теперь оказывается, что покоритель Сибири вовсе не был первым носителем имени Ермака. Мы не хотим этим сказать, что имя Ермак было в употреблении в первые века по Рождеству Христову, так же как не думаем по приведенной выше справке⁵⁸ называть Ермаком и сына непобедимого царя гуннов Ирника, однако можем считать за доказанное, что имя Ермак задолго до времен царя Грозного имело уже распространение по всему Московскому царству. Это достаточно подтверждают нам новгородские писцовые книги⁵⁹. Независимо этих документов, на то же распространение имени Ермак находятся и другие указания. Имя Ермака встречалось, например, в донском казачестве и послужило

для историка последнего Броневского поводом к сообщению, хотя и сомнительному, что казацкий старшина качалинской станицы, носивший имя Ермака и избранный в это звание в 1577 году, был не кто иной, как будущий покоритель Сибири, появление которого вообще на Дону относится будто бы к 1570 году⁶⁰. Кроме того, имена Ермака найдены по спискам русских ратников, бывших в конце июля 1581 года под Могилевом на-Днепре, т.е. во время битв нашего Ермака с ратью Маметкула на Тоболе у юрт Бабасанских и устья реки Турбы, и по спискам людей, состоявших в 1582 году на царской службе в Перми. Это ввело в ошибку даже историка Костомарова, заключившего, подобно Броневскому, что упоминаю-

⁵⁸ Выше, вынос. 46.

⁵⁹ Вын. 43.

⁶⁰ Вын. 33. Нелишне заметить, что Ригельман — автор «Повествования о донских казаках», 1778 г. (вын. 32), доискиваясь верных сведений о казацкой древности, останавливается на мнении Татищева о происхождении донских казаков от черкес, пришедших в южную Россию из Кабарды и смешавшихся здесь с украинцами, которые, удалившись из Польши, назвали татарским именем казаков, сообщенным ими и пришельцам. Далее, по сообщению «Повествования», они построили на Дону г. Черкасск и, укрепившись в нем, стали на стороне русских и вели нередко против татар и турок наступательные войны. Во главе таких удальцов стоял будто бы и наш Ермак Тимофеевич, бывший под царской опалю. Любопытно, что в краткой летописи донского войска, приложенной к «Донскому календарю на 1874 год», в списке донских атаманов под 1579—1584 гг. помещен и Ермак, хотя о том, когда и каким путем он попал в число донских казаков, летопись умалчивает. Такое известие летописи невольно наводит на нелюбимую донцами мысль, что в донских атаманах был другой Ермак, а отнюдь не покоритель Сибири, который в указанные годы, живя сначала у Строгановых, а затем выполняя свои подвиги на Туре, Тоболе и Иртыше, не мог быть одновременно и на Дону, оставаться же без атамана на целые годы донцы не могли.

тый в обоих документах Ермак был одним лицом, которое вскоре явилось в роли того же покорителя Сибири⁶¹. Далее по спискам населенных мест видно, что, кроме центра действий Ермака — нынешних губерний Казанской, Пермской и Тобольской, где до тридцати разных селений получили и сохраняют названия «Ермаков», «Ермачат», «Ермаковых» и «Ермаковских»⁶², такие же названия носят многие населенные места, вошедшие в районы отдаленных от этого центра губерний, куда имя сибирского Ермака могла принести разве только появившаяся почти через два уже века после завоевания Сибири краткая история его: так, в губерниях Смоленской шесть деревень называются «Ермаками», три — «Ермачками» и одна «Ермаковой»; Олонецкой — шесть же деревень зовутся «Ермаковыми» и «Ермаковскими»; Московской — два селения зовутся «Ермаковыми»⁶³. Такие же названия встречаются между населенными местами и по некоторым другим губерниям.

Сопоставляя приведенные сведения с летописным толкованием имени Ермак в значении «дорожного тагана» и «жернового камня», называв-

шихся по летописи на Волге «ермаками», мы встречаемся с полной неосновательностью того толкования. Для снискания такой употребительности, какую, по сведениям тем, имело это имя на Руси, одних названий им столь ничтожных предметов, каковы таган или камень, было совершенно недостаточно. Можно согласиться, что названия этих предметов «ермаками» послужили для разбойничьей шайки Ермака выражением нравственных качеств или физической крепости последнего, обратившимся в прибавку к носимому им христианскому имени и оставшимся единичным случаем уличной клички по ним будущего завоевателя Сибири. Но допустить, что те же таганы и камни, носившие, притом, названия «ермаков» только по одному Поволжью, заключают в этих названиях корень имен людей, явившихся родоначальниками селений, раскиданных вдали от Поволжья, притом таких людей, которые ничего общего с деятельностью Ермака не имели, было бы, по меньшей мере, не правдоподобно. Если же к этому прибавить еще известную легенду об основании Казани, по которой местное название котла, или тагана, переводится

⁶¹ Вып. 35.

⁶² «Списки населенных мест». СПб, 1866, т. XIV, стр. 207; 1871, XXXI, 395 и LX, 175.

⁶³ Те же списки; 1868, т. XL. Стр. 453; 1879, XXVII, 205 и 1862. XXIV, 42 и 68.

⁶⁴ Пинегин. «Казань в ее прошлом и настоящем». СПб, 1890, II, стр. 16.

не «ермаком», а «казаном»⁶⁴, то упомянутое толкование слова «ермак», по примеру Карамзина, действительно может быть названо «сказкой». Есть, впрочем, одно малоизвестное объяснение, старающееся усилить в этом толковании значение тага на передаваемыми летописью услугами Ермака «при варении артельной каши». По этому объяснению Ермак был душой своей дружины, кошеваром, а «кош» и у запорожцев XVIII столетия, сохранивших уставы военного братства, был духовной и вещественной связью и скрепой витязей и в походе, и в становище; по нему и атаманы назывались «кошевыми»⁶⁵. Но и это то же, что «не любо — не слушай»: упоминаемые объяснением «кош», а летописью «кашу» нужно различать.

Таким образом, примеры новгородских книг, в связи с другими указаниями опровергая происхождение слова «ермак», как разбойничьей клички или прозвища, приводят к мысли, что слово это было имя и, несомненно, имя христианское, употреблявшееся в обычной в старину переделке в населении Московского царства ранее эпохи покорителя Сиби-

ри, и что от людей, называвшихся Ермаками, усвоили себе названия многие дожившие до нас селения, раскиданные и по Сибири, и по России. Между тем вопрос о том, какое именно христианское имя следует разуметь в имени Ермака, остается неразрешенным.

В вопросе этом из помещенных нами выше сведений заслуживают более внимания только два толкования гг. Никитского и Буцинского, имеющие основой своей архивные документы, которыми и располагают к тому, чтобы ближе коснуться значения их.

Оба толкования не сложны. Г. Никитский, ссылаясь на новгородские писцовые книги XVI века, представляющие множество упоминаний имени Ермака в двух формах: настоящей «Ермака» и уменьшительной «Ермачка», приходит к заключению, что имя Ермак есть переделка от имени Ермолай. Те из новгородских писцовых книг, на которые ссылается Никитский, составляют собственно одну «Переписную оброчную книгу деревской пятины», изданную лишь в двух томах⁶⁶, которая относится не к XVI, а к концу XV века, или,

⁶⁴ Пинегин. «Казань в ея прошедш. и настоящ.» Спб. 1890. II, стр. 16.

⁶⁵ Завалишин. «Описание Западной Сибири». Мск., 1862, VIII, стр. 332.

⁶⁶ «Новгородские писц. книги, издан. археогр. комиссией. Переписная оброч. книга дерев. пятины, около 1495 г.» Спб., т. I, 1859. III+II+906 и т. 2, 1862. II+890 стр. Книги эти, считаемые самыми древнейшими, были подробно описаны в ст. К.А. Неволлина «О пятинах и погостах новгородских» помещены в «Запис. Имп. рус. геогр. Общ.», 1853, кн. VIII, прил. VIII, стр. 187—242.

точнее, ко времени около 1495 года. Закрывающаяся в этой книге именная перепись населения 61 погоста названной пятины сделана уменьшительными именами насельников, между которыми показано множество имен, изуродованных современной переделкой до того, что назвать те имена правильно теперь могли бы разве только сами носители их. Так, например, имена Аристик, Еска, Изикейко, Мичюра, Нероник, Окулец, Окулко, Онкичко, Палка, Сидко, Тиманик, Труфаник, Харка, Юшко, Филистик и другие. Ко многим из таких уменьшительных имен по созвучию подходят несколько имен в правильном виде, например, к имени Аристик — Аристарх, Аристовул, Аристоклий, Арис; к имени Палка — Павел, Павлин, Палладий, Папила, Папий; к имени Филистик — Филикс, Филимон, Филип, Филит, Филофей и другие. Но какое именно из последних имен следует разуместь в тех «Аристике», «Палке» и «Фидистике» — этого не сказали бы нам и сами составители деревской переписи. В общем ряду тех имен весьма часто встречаются и имена «Ермола», «Ермолка», «Ермачко» и «Ермак», имен же Ермолая и Ермила ни в настоящей форме, ни в уменьшительной Ермолайка и Ермилка между

теми именами вовсе нет, хотя, например, созвучное им имя Еремея везде показывается или «Еремкой», или «Еремейком». Происхождение имени Ермак от имени Ермолая г. Никитским, как видели мы, основывается на том, что встречаемые в названной переписи при перечислении крестьян упоминания нескольких братьев и детей одного из них обозначаются обыкновенно притяжательным от имени того, от которого они происходят: например, «дв. Титко, дв. Сидорик, дв. Ермолка Сенкины, да Ермачков сын Ивашко». По объяснению Никитского в приведенном примере притяжательное Ермачков, относимое к одному из братьев Сенкиных и поставленное в соответствие только с одним именем Ермолка, показывает, что Ермачко, а следовательно и Ермак, есть полуимя от Ермолая. Но, объясняя эту переделку Ермолая в Ермака, Никитский всего не договорил, не договорил того, что имя Ермолай, переделываемое в Ермака, как показывает приведенный пример, превращалось еще в слово «Ермолка», но что это бывало не всегда, как показывает, например, такая запись той же деревской книги: «Д. Столл: дв. Федко, дв. Ермачко Сидоровы, да Федков сын Ермачко, а Ермачков сын Гридка, сеют ржы...»⁶⁷. Здесь, как

67 Те же книги, т. II, стр. 792.

видим, дело обходится уже без «Ермолки», а потому и притяжательное «Ермачков» для толкования имени Ермак от Ермолая, или Ермолки, теряет всякое значение. Засим не договорил г. Никитский и того, что в слове «Ермолка» можно равносильно Ермолаю разуместь и имя Ермила, так как другой уменьшительной формы для этих обоих имен перепись деревской пятины не дает. Допустить, что имени Ермила в XV веке не существовало — нельзя, так как оно явилось в употреблении с именем Ермолая одновременно в том общем числе греческих имен, какие перешли к славянам с принятием христианства: имена эти установились в память мученика Ермила, пострадавшего в царствование Ликиния в 312 году и священномученика Ермолая, пострадавшего от Максимилиана в 296 году по Рожд. Христ. и в переводе с греческого означают: Ермил — «из лесу Ермиа», а Ермолай — «народовещатель».

У Буцинского другие доводы. Ссылаясь на рассмотренные им в московских архивах именные списки разного чина сибирских людей, но не приводя из них ни одного буквального примера, как это делает Никитский, названный исследователем приходит к убеждению, что имя Ермак составляет переделку имени Ермила и что его нельзя производить от

имени Ермолая потому, что в списках тех последнее имя встречается или в своем настоящем виде, или в испорченном «Ермошка» и «Ермолка», а имени Ермила в списках нигде нет, очевидно, потому, что оно всегда заменялось Ермаком.

При всем желании, если не согласовать эти два разноречивые толкования, то хотя установить в известной степени вероятность того или другого, мы не находим к этому возможности. По настоящему мнению указываемые в этих толкованиях источники, хотя и архивные, кроме одной распространенности на Руси имени Ермака, ничего не выясняют. Живя в Сибири, рукописная старина которой истреблена пожарами, и не располагая поэтому такими материалами, которые дали, например, Буцинскому для исследуемого предмета московские архивы, мы с целью ознакомления с образованием имени Ермак от упомянутых выше христианских имен за время, близкое к жизни покорителя Сибири, просматривали несколько печатных книг населения г. Тобольска XVII и XVIII столетий, изданных по материалам тех же архивов. По книгам этим в XVII столетии в населении Тобольска людей под именами Ермолаев и Ермилов вовсе не показывается, а означено десять человек (пятидесятник, казак, барабанщик, сторож, два посадских и четыре десят-

ника), которые одинаково названы «Ермолками»⁶⁸; напротив, в XVIII столетии по книгам тем людей под именами «Ермолок» уже не встречается, а означено четыре человека Ермолаями и один Ермилом⁶⁹. Это свидетельствует, что до XVIII ст., когда известным указом Петра I воспрещено было употребление в документах полуимени, «Ермолками» писались безразлично и Ермолаи, и Ермилы. Мало этого: двум называемым именам есть немало других созвучных имен и одного же с ними греческого происхождения; к таковым принадлежат Ерасм, Ераст, Ермипп, Ермий, Ермоген, Ермократ, Ерм, Ерос; или же: Иеракс, Иероним, Иерон, Иерофей и др. Как сказать, что словом «Ермолка» при столь широком его употреблении не означалось если не всех, то хотя некоторых и из этих имен? Толкования гг. Никитского и Буцинского этого не предусматривают. Далее, по отношению к именам Ермолая и Ермила необходимо заметить, что имена эти празднуются церковью по одному разу в год (26 июля и 13 января) и одинаково малоупотребительны; по крайней

мере их нельзя сравнивать в употреблении с именами, показываемыми по церковному месяцеслову несколько раз, например, именами Федора, Петра, Александра (30, 26 и 24 раза) и друг. Таким образом оказывается, что относить имена «Ермолок» исключительно к одному имени Ермолая нельзя, невозможно допустить, что в населении Тобольска за целое столетие пережило десять Ермолаев и не было ни одного Ермила. Если же предполагать, что оба эти имени должно подразумевать скрывающимися в именах Ермаков, то и этих последних имен по книгам там вовсе не показано, стало быть и они заключаются в тех же «Ермолках». Но так или иначе сопоставляя эти замечания с рассматриваемыми толкованиями, мы получаем в результате одну, неподдающуюся разъяснению, путаницу: выходит, что в приведенном Никитским примере — «...дв. Ермолка Сенкины, да Ермачков сын Ивашко» — «Ермолкой» вместо Ермолая мог быть и Ермил, так как «Ермолками» писались безразлично оба эти имени, тогда как по Буцинскому «Ермолкой» этим должен

⁶⁸ Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII ст. 1885, стр. 51, 53, 54, 57, 58, 63, 76 и 90. Почти то же самое показывают сотная, писцовая и переписная книги XVII ст. по Устюгу Великому; там в четырех случаях упомянутого имя «Ермолка» и в одном «Ермолайко»; Ермилов же и Ермаков не показано. (Устюг Великий. Матер. для истории города XVII и XVIII ст. 1883, стр. 3, 130, 161, 291 и 150.

⁶⁹ Те же материалы для истор. Тобольска, стр. 118, 120, 125, 129 и 130.

быть уже, безусловно, Ермолай, ибо в «Ермолку» превращалось только это имя. Коротче, толкование Никитского становится как бы принадлежностью Буцинского, а толкование последнего переходит в собственность первого. Словом, получается то, от чего по поговорке «заходит ум за разум».

Но нелишне коснуться и прочих частей толкования Буцинского. Что Ермак есть испорченное имя Ермил, исследователь свидетельствует тем, что по упомянутым им спискам сибирских людей имя это носили многие казаки, посадские люди и крестьяне, что имя это варьировалось на «Ермачков» и «Ермачишек» и что от него же получили названия многие населенные места Сибири. Все это почти уже доказано, но говорит только о той же несомненной распространенности имени Ермака да обычном в старину превращении его в уменьшительный вид. Далее толкование передает известие, что «один остяцкий князь, принявший при крещении имя Ермила, также назывался Ермаком». С известием этим мы знакомы, но только в одной части его, именно — что в роде обдорских князей за время цар-

ствования Михаила Федоровича действительно был князь Ермак, сын князя Мамрука и внук князя Василия, крещенного в Москве при царе Федоре Ивановиче. О роде этом в свое время извлекаемы были сведения из старых дел бывшей березовской воеводской канцелярии и хранящихся у князцов царских грамот упомянутым уже нами Н.А. Абрамовым, но той подробности, чтобы сын Мамрука, носивший имя Ермака, был назван при крещении Ермилом, мы нигде не встречали⁷⁰.

В толковании имени Ермак извращением от Ермила подробность эта весьма важна, но дать ей вероятие на слово мы не можем: источник, откуда взята она, г. Буцинским не объявлен. Судя по тому, что в старину царями нередко давались людям почетные прозвища, которые оставались при них навсегда и переходили даже в потомство, как фамильные названия, можем только предположить, что и остяку, сыну князя Мамрука, было дано Михаилом Федоровичем имя Ермак в виде подобного же прозвища, как это сделано, например, в 1564 году царем Грозным, назвавшем одного мордвина Дружиною⁷¹.

⁷⁰ Абрамов. «Опис. Березов. края». «Тобол. губерн. вед.», 1858. № 20, стр. 375 и 376.

Нет упоминаний князя Ермила и в ранних сведениях об остяцких князьях, имеющихся, наприм., у Миллера («Ежемесяч. соч.», 1764, гл. 6, § 34), Новикова («Древ. вивл.», ч. III под 7141 г.) и друг.

⁷¹ Вхн. 56.

Наконец последняя часть толкования г. Буцинского упоминает народные песни, где покоритель Сибири действительно называется Ермилом. Но, по нашему мнению, и это указание переделки или происхождения имени Ермака от Ермила также не доказывает. Историческая верность песен, воспевающих Ермака, в общем, весьма сомнительна: довольно заметить, что песни те часто мешают Ермака со Стенькой Разиным, Ванькой Каином и Гришкой Отрепьевым и дают ему в товарищи каких-то Самбура Андреевича да Анофрия Степановича; одна песня вместо летописной фамилии Аленина, придает ему фамилию Бургомирова; другая, и самая распространенная из тех песен, «Ермак взял Сибирь» называет местом гибели героя р. Енисей⁷² и т. п.

По всему этому оказывается, что назвать Ермака по-христиански вовсе не легко, даже и зная, что имя это имело на Руси общее употребление. К тому же по тем примерам употребления этого имени, какие указаны выше, заметны некоторые особенности, зарождающие даже сомнения, было ли имя Ермак имя христианское. Прежде всего оказывается, что имя Ермак не имело такой распространенности, такого поче-

та, какими пользовались некоторые другие имена. Возьмем для примера имя Иоанна, переделывавшееся в Ивана, или Ивашку. Это имя, переводимое с еврейского словом «благодать», с незапамятных времен было, или, лучше сказать, жило на Руси решительно святой необходимостью. По преданию первые наши христиане, отрождаясь водою, молили себе благодати и крестители их нарекали всех Иоаннами: «без благодати и крещения не знати». Такое предание весьма сходно с истиной, так как имя Иоанна празднуется церковью в течение года 61 раз и, превратившись в Ивана, стало столь популярно, что от молитвы перешло к песне, от песни — в повесть, сказку и везде стало неприменным. Не то мы видим в употреблении имени Ермака. Имя это не было почетным и носилось исключительно казаками, посадскими людьми, крестьянами, вообще в низших классах людей; в классах же высших оно не появлялось и ни одного боярина, наместника, воеводы, головы и даже дьяка с этим именем неизвестно. Поэтому и в сибирских летописях, кроме покорителя Сибири, не упоминается под именем Ермака ни одного из высших служилых лиц. Исключение представляет только

⁷² «Древние российск. стихотвор., собран. Киршею Даниловым». Стр. 122; «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», ч. II, стр. 230—232 и друг.

известие одной из тех летописей, что в 1626 году в числе строителей Качинского, или Красноярского острога между другими был тобольский атаман Ермак Евстафьев⁷³, но это показывает лишь употребление того имени между казаками, к которым несомненно принадлежал и Евстафьев. Засим становится очевидным, что в высших классах не существовало и переделок в имя Ермака созвучных ему правильных имен, хотя бы, например, того же имени Ермолая: так, пермский князь Ермолай Вымский, отец князя Василия, ходившего в 1465 году с устюжанином Василием Скрябой воевать Югру, ни в летописях, ни в синодиках Ермаком не именуется, а везде называется Ермолаем; сын же его — Ермолаичем и Ермоличем⁷⁴. Далее: с именем Ермака неразрывно связано употребление имен «Ермола» и «Ермолка» — слов, имеющих чисто татарские звуки⁷⁵, каких не чуждо и самое имя Ермак. Все

это сближает с мыслью о том, не имело ли происхождение упомянутых имен какого-либо соотношения к той веренице разных обычаев, какие предки наши задолго до Ермака унаследовали от татар.

Известно, что Карамзин еще напоминал о некоторых следах татарщины в обычаях русского народа, но замечание историка⁷⁶ скоро стало забытым; мало того, некоторые начинали даже отвергать возможность дурного влияния на наших предков татар. Татарские элементы, затаившиеся в русской жизни, стали понемногу выясняться только недавними исследованиями⁷⁷. Благодаря этому, татарщина сказала у нас во многом. Яснее всего она сказала в смене древней русской одежды на ту татарскую, которая покрывала наших предков с головы до ног и которая и донныне носится нами в виде, например, азияма, армяка, башлыка, башмака, зипуна, каф-

⁷³ Новикова. «Записки к сибир. истории служащ.» в «Др. рос. вивлиоф.». В 1788, ч. III, стр. 145.

⁷⁴ Архангелогород. летоп. под 1465 г.; А. Дмитриев. «Пермская старина» 1889, вып. I, стр. 159, 164 и друг.

⁷⁵ Хотя в упомянутой уже нами «Заметке» Безсонова (вып. 50) слову «Ермолка» дано такое толкование: «Ермолай — Ермолка (шапка, шляпа, полагаем, что это от ермы и «шляпы земли греческой)», но этим дело и кончается (стр. 535); в «Энциклопедических же словарях» (Даля и Голля) слово это истолковывается проще: «Ермолка, ермолочка — скуфья, скуфейка, легкая шапочка вплоть по голове, без околыша, или какой-либо прибавки; особенно того вида, как нашивали ее евреи (еломок)».

⁷⁶ Карамзин. V, прим. 401.

⁷⁷ Наприм., Вельяминова-Зернова (Исследов. о касимов. царях), Хартахая (Истор. судьбы крымских татар), Савваитова (Опис. стар. царск. утварей), Шевьрева (Истор. рус. слов) и др.

тана, клобука, колпака, темляка и т. под. Перед татарщиной ступшевывались даже церковные обычаи: бояре, приходя в церковь, стояли в татарских тафьях, что воспрещено уже собором 1551 г.⁷⁸ Одев наших предков по-своему, та же татарщина стала вытеснять из русской жизни и «правду по закону святу». Появились ругательства и битье, донныне напоминающие себя унаследованными от татар словами башка, карга, дурак, кандалы, кнут, катать, бузоват и проч. Далее вошли в употребление казна, караул, сундук, сарай, ям, харч, правеж, ярлыки, чины. Появились, наконец, бои и кабаки, а с ними народился и особый люд кулачных бойцов и кабацких целовальников, для которых, можно думать, с той же татарской стороны перешли и общие названия, или клички «Ермаков» и «Ермошек», сохраняемые и донныне в некоторых редких памятниках народного творчества.

Хотя выше нами и приведено уже известие об этих кличках, которых при суждении об имени Ермака, быть может, и не без основания коснулся г. Пуцилло⁷⁹, но повторить об этом здесь, при изыскании пути к открытию значения этого имени, мы находим нелишнее. Мог-

ло быть, что и покорителю Сибири в года его буйной молодости была присвоена кличка Ермак или в значении кулачного бойца, или же силача. Заметим, что люд кулачных бойцов — люд особого закала — мог чаще встречаться в том вольном казачестве, сменившем на Руси вольные дружины бродников, начало которого восходит ко временам татарского ига. Само имя казака перешло к нам от тех же татар, называвших им, в противоположность большим и знатым родам, наиболее бедную часть народа, обреченную на бесприютное скитальческое существование. Сословие вольных казаков, в котором мог ютиться люд кулачного ремесла, связывалось у нас вообще с бездомками, бобылями, черно-рабочими ватагами. Это был народ разных состояний, полу-оседлый, не признававший над собой никакой власти, народ притом особой смелости и отваги, которому почему-либо было тяжело оставаться на родине и который во вторую бедственную половину царствования Ивана IV, укрываясь для грабежей на Волге, в береговых утесах и дремучих борах самарской луки, выпустил из среды своей на историческую сцену знаменитого Ермака⁸⁰.

Но пусть упоминание наше

⁷⁸ Карамзин IX, стр. 458.

⁷⁹ Вып. 41.

⁸⁰ Иловайский. «Ермак и покорение Сибири». Рус. Вест., 1889, сент.

о кличках кулачных бойцов Руси останется упоминанием, вызываемой же им догадке о том, чтобы клички эти были корнем имени Ермака, мы не можем дать значения уже потому, что, кроме одних народных картинок, свидетельствующих о существовании тех кличек, для такой догадки не предвидится никакой основы.

Для дальнейшего разрешения занимающего нас вопроса необходимо, стало быть, искать другого пути.

V

Не помогут ли нам назвать покорителя Сибири действительным его именем сибирские летописи и синодики?

Не рассчитывая вообще на какие-либо указания в этом вопросе признаваемых за древнейшие летописей Строгановской и Есиповской, как не дающих Ермаку никакого другого имени, мы не можем, однако, не назвать в этом случае первоисточником синодика Тобольского собора, заведенного при первом сибирском архиепископе Киприане. Хотя в общем ряду сибирских летописей

этот памятник и малозаметен, но значение, какое имеет он для нашего вопроса, от него неотъемлемо.

По Есиповской летописи упомянутый синодик составлен по такому документу, достоверность которого несомненна. Это было полученное архиепископом Киприаном в 1622 году от остававшихся еще в живых сподвижников Ермака «писание, како (они) приидоша в Сибирь и где (у них) с погаными были бои и ково именем у них убиша»⁸¹. Первообраз этого синодика до нашего времени не сохранился, но известно, что Миллер при составлении «Описания Сибирского царства» пользовался им, особенно при исчислении убитых казаков Ермака, времени смерти Кольцо⁸² и проч.; в последующих же трудах о Сибири этот историк отозвался, что «письменное известие, казаками архиепископу поданное, должно почитать за основание, по которому после другие писать продолжали» и что поэтому синодик тот следует считать за «подлинное историческое доказательство»⁸³. Все это позднее приводило некото-

⁸¹ Вьн. 15.

⁸² Миллер, гл. II, §§ 81 и 93 и III, §§ 41 и 49.

⁸³ Продолж. Сибир. истор., гл. VIII, §§ 16 и 17 в «Ежемесячн. сочинен. и извест. о учен. делах», 1764, май, стр. 398–400. Да и вообще старинные синодики заключают в себе немало важнейшего для истории: синодик, наприм., свияжского Богородицкого монастыря содержит в себе даже список жертв опал за время Иоанна Грозного; в синодике вологодского Спасоприлуцкого монастыря записано 3750 человек казненных за то же время, в том числе 52 лица княжеского рода. Происхож-

рых исследователей, изучавших сибирские летописи, к предположению, что если составитель синодика не был автором Строгановской летописи, то полученное им «писание» могло служить для этой летописи основой⁸⁴. Не входя в оценку этого предположения, не согласующегося с догадками историков Карамзина и Соловьева о появлении упомянутой летописи в конце XVI века⁸⁵ и не отдаваясь тем от своего предмета, мы в усиленные значения синодика в вопросе об имени Ермака считаем излишним добавить, что во время составления синодика между живыми сподвижниками Ермака встречались такие люди, которые знали Ермака не только за время покорения Сибири, но гораздо ранее, быть может, даже с самого начала походов его на Волге. Такими сподвижниками были, например, Гаврило Иванов и Гаврило же Ильин: о первом в грамоте царя от 23 февраля

1623 года тюменским воеводам Долгорукову и Редрикову о назначении его тюменским атаманом, между прочим, говорилось: «Служил де он... в Сибири сорок два года, а прежде того он служил нам на поле двадцать лет у Ермака в станице и с иными атаманы...»⁸⁶; о втором же тобольские казаки в 1632 году отправляли к царю челобитную, в которой вместо назначенного над ними начальником тобольского боярского сына Богдана Аршинского просили, чтобы царь «за прежние их службы и за кровь велел ведать их по прежнему атаману Гаврилу Ильину», который, подобно Иванову, служил с Ермаком «в поле 20 лет и 50 лет в Сибири»⁸⁷. Стало быть служба при Ермаке Иванова и Ильина началась с 1560-х годов, т.е. когда у Ермака не родилось еще и мысли о походе на Сибирь.

Допустим, что и упомянутые сподвижники, которым не могло быть неизвестно имя своего

ление таких списков объясняется тем, что Грозный, желая быть вместе и строгим, и милосердным, казнил опальных и в то же время раздавал милостыни, делал вклады в разные обители, чтобы молились о душах погибших, о которых и рассылались сведения по некоторым монастырям; в этих сведениях, заносившихся в синодики, кроме имен казненных, означались иногда даже места, бывшие театром казней, упоминались роды казней и проч. «Казанск. губ. вед.», 1847, №№ 2 и 3; «Чтен. в общ. ист. и др. российск.» (ст.: «Тетрадь, а в ней имена писаны опальных»), 1859, № 3.

⁸⁴ Наприм., Спасского. («Сибирск. вест.», 1824. С-пб, ч. I, стр. 118); Небольсина («Покор. Сиб.», 1849, стр. 8); Абрамова («Журн. мин. нар. просв.» 1849, № 10) и друг.

⁸⁵ Карамзин. IX, прим. 644 и Соловьев, XI, доп. Стр. 20.

⁸⁶ Миллер. IV, вын. под § 94.

⁸⁷ Будицкий. V, 108 и 109.

старого атамана, в «писании», поданном составителю синодика, назвали первого не иначе, как Ермаком, каковым именем он записан и в самый синодик: «Атаману Ермаку со товарищи его которые побиени с ним казаки по Вагаю реке на перекопи от нечестивых от Кучума царя вечная память и возглас болшей»⁸⁸. Но от этого значение синодика в занимающем нас вопросе не слабеет. За оставлением сибирской епархии основателем ее, архиепископом Киприаном, синодик этот начинает свою историю, которая как нельзя ближе приводит к решению вопроса об имени Ермака. Тут уж нет над этим именем тех мудрований, по которым приходилось обращаться к помощи безмолвных таганов и камней, или же к содействию неповинных кашеваров, кулачных бойцов и целовальников, не требуется даже и школьных орудий, вроде уменьшительных существительных и притяжательных прилагательных. Дело объясняется и коротко, и просто.

Выше мы уже видели, как те виды искажений, каким вообще подвергала старина имена христианские, так и те поводы, по которым вызвались

эти искажения. Здесь же к сказанному ранее остается прибавить, что не только в XVI и XVII веках, но даже и в наши дни встречаются имена, которые, несмотря на простоту своего произношения, все еще подвергаются тем же искажениям. Таких имен немало. Для примера можно указать на имена Георгия, Дионисия, Евфимия, Иакова, Иеремии, Иоакима, Иоанникия, Иоасафа, Пантелеймона, Симеона и Феодосия. Хорошо зная, что имена эти в приведенном виде значатся по церковным святцам, мы, однако ж, не пишем и не произносим их в упомянутом виде, а обращаем в Егора, Дениса, Ефима, Якова, Еремея, Акима, Анику, Асафа, Пантелея, Семена и Федосея⁸⁹. Правильному употреблению этих имен следует только одно духовенство. Но с именем покорителя Сибири не могло быть и этого. Хотя имя это в правильном виде своем знали и сподвижники Ермака, знало и духовенство старой Сибири, но переделка этого имени на современный лад, снискавшая широкую употребительность по всей Руси, осталась неприкосновенной и при занесении его в синодик архи-

⁸⁸ Вып. 16.

⁸⁹ До чего и поныне уродуются христианские имена в среде простонародья, можно заключать по недавнему отзыву нам одного священника Восточной Сибири; не только в общежитии, но даже при поднесении детей своих к причащению прихожане его нередко называют, например, имена Никтополиона — Почталыоном, Вениамина — Амином, Палладия — Оладьей, Раисы — Ризой и т.п.

епископа Киприана. Причина простая. Отсутствие школьного образования в духовенстве начала XVII ст. и вообще малограмотность, редко шедшая далее изучения букваря⁹⁰, не могли представлять для него различия в том, будет ли в церковном синодике стоять в правильном виде, например, имя Георгия, или же в искажении на современный лад Гридки. Хотя в сфере церковно-духовной, как замечено выше, предки наши и старались сохранить христианские имена, употребляя имена народные только в общезнании, но в то немудрое время употребление в церковных документах имен извращенных и даже имен языческих и татарских бывало нередко. Тобольский архиерейский дом, как видели мы, даже позднее времени Ермака, оставляя в стороне христианские имена сибирских воевод, голов и дьяков, показывал их именами в роде Беляницы Зюзина, Чеботая Челищева, Курдюка Давыдова и т.п.⁹¹ По другому известию в синодике Николо-Угрешского монастыря в дворянских родах помещен род Болтина Балма Федоровича⁹², т.е. чисто татарское имя. Наконец, употребление в старину

подобных имен встречается даже в церковных обрядах. Так, например, известно, что при поступлении в монашество, или калугерство старое имя перемениается на новое. Последнее имя принято выбирать такое, чтобы оно начиналось с той самой буквы, с какой начиналось и первое имя. Между тем по списку надгробных памятников Троицко-Сергиева монастыря, составленному в XVII веке, видно, что в роде Осорьиных был некто Собота Иванович, преставившийся 7081 года. Этот Собота, как инок, назван был Симеоном⁹³. По всему этому и внесение архиепископом Киприаном в начальный синодик Тобольского собора извращенного имени Ермака никому, полагаем, странным не покажется.

Но время, однако ж, делало свое. Благодаря уменьшению в сибирском духовенстве невежества, с годами обратили на себя внимание как искажение имени сибирского героя, так и установление провозглашения по этому имени «вечной памяти», касавшееся на первых порах Тобольского софийского собора⁹⁴. По Рemezовской летописи мы знаем, что при третьем сибирском архиепископе Нектарии (1636–

⁹⁰ Смирнов. «Истор. москов. славяно-греко-латин. академии», 1855, стр. 3.

⁹¹ Вып. 45.

⁹² Пуцилло. С. 283.

⁹³ Моршкин. С. 526 и 527.

⁹⁴ Вып. 15.

1640) это установление перешло в особый церковный обряд поминовения покорителя Сибири с дружиною в неделю православия, который введен был в исполнение уже по всей сибирской епархии⁹⁵. С этим обрядом, само собой разумеется, представились уже и поводы к замене имени виновника его тем правильным церковным именем, какое означалось словом Ермак. Вслед за установлением упомянутого обряда преемником Нектария на сибирскую архиерейскую кафедру 1 января 1641 года прибыл архиепископ Герасим, назначенный на этот пост из игуменов Велико-Новгородского Богородице-Тихвинского монастыря — один из образованнейших людей тогдашнего духовенства. По одному книжному памятнику, вышедшему из-под пера этого мужа, остававшегося в Сибири до смерти (16 июля 1650 г.), можно безошибочно заключать, что и в первой половине XVII столетия, несмотря на отсутствие школ, в передовом сибирском духовенстве, хотя и весьма редко, находились же люди, достигавшие через одно самоучение высокой для своего времени образованности. Мы хотим сказать о составленном этим архипастырем «Алфа-

вите неудоб. разумеваемых речей, иже обретаются во святых книгах словенского языка». Эта рукопись, разделенная на две части⁹⁶, заключает в первой славянскую грамматику, а во второй — алфавитный словарь с толкованиями слов, вошедших в славянские книги с языков греческого, еврейского, арабского, армянского, египетского, польского и других. В связи с введением обряда поминовения Ермака с дружиною в неделю православия памятник этот может достаточно свидетельствовать о том, что при архиепископе Герасиме искажение дорогого для Сибири имени покорителя ее могло казаться уже совершенно нетерпимым. Если этот архиепископ находил необходимым столь беспримерный для его времени способ ознакомления своей паствы со всем непонятным для нее при богослужениях, то, несомненно, не мог не требовать и правильного поминовения при них в новоустановленном обряде имени, какое современная переделка преобразовала в слово Ермак. Благодаря этим обстоятельствам, в распространившихся по сибирской епархии синодиках появляется правильное имя Ермака. Образец этих синодиков нам представля-

⁹⁵ Крат. Сибир. лет. Изд. Зоста, 1880, стр. 135.

⁹⁶ По словам биографа архиепископа Герасима А.К. Недосекова, рукопись эта, принадлежащая библиотеке Тобольского кафедрального собора, писана полууставом; на нижних полях листов ее находится собственноручная красивая, полууставная же надпись преосвященного Герасима: «Сия книга, глаголемая алфавит, сибирского архиепископа Герасима 7153 г.» «Тобол. епарх. ведом.», 1887, №№ 19 и 20, стр. 376 и 377.

ет синодик Нерчинско-Успенской монастырской церкви, найденный в архиве этой церкви селенгинским преосвященным Мелетием. По этому синодику имя Ермак называется именем Ермолая⁹⁷. Такой же образец упомянутых синодиком мы находим и в Черепановской летописи: «Помяни, Господи, — говорится там, — пострадавших... атаманов Ермолая, Иоанна, Никиты, Иакова, Матфея и дружины их...»⁹⁸. Эти образцы синодиком показывают, что благодаря начальной сибирской иерархии имя Ермака давным-давно было раскрыто; показывают и то, что наряду с этим именем упомянутая иерархия совершенно правильно означала по синодикам и имена ближайших соратников Ермака — атаманов Ивана Кольцо, Никиты Пана, Якова Михайлова и Матфея Мещеряка. Затем, благодаря примеру той же иерархии, правильное имя покорителя Сибири появилось и в местных летописях, по крайней мере, неизвестный современник архиепископа Герасима, названный «Новым Летописцем», уже называет Ермака «старейшим атаманом Ермолаем». Отсюда выходит понятно и то, что могло быть основанием для отца сибирской истории Миллера определить значение слова Ермак полуименем от Ермолая⁹⁹.

Таким образом, приведенных

указаний, думаем, достаточно для того, чтобы отнести все остальные, присваиваемые Ермаку имена, вроде Германа, Ермила и подобных, к области фантазий. Нельзя сделать этого только по отношению к тому из последних имен, которым называет Ермака Черепановская летопись, т.е. имени Василия. Этому имени летописцем предпосылается целая родословная Ермолая Тимофеевича, относящая его по происхождению к посадским людям города Суздаля Алениным и называющая имена даже деда и прадеда его. Но, к сожалению, появление таких известий относится только к концу прошедшего столетия, или времени выпуска самой летописи, и основывается лишь на «некоторой сибирской истории», писатель которой «своего имени не объявил», и которая, прибавим, ни ранее, ни после составления летописи, несмотря на истечение более уже столетия, ничем документальным не подтверждена. Тем не менее отвергать правдоподобность упомянутых известий трудно: передаваемые ими сведения, хотя и в немногом, но согласны с другими наиболее достоверными указаниями в отношении отчества Ермака и жизни его на Чусовой; наконец почти тождественные Алениным фамилии, как, например, фамилии Алениных и Олениных, встречаются и

⁹⁷ Вып. 18.

⁹⁸ Вып. 17.

⁹⁹ Вып. 8 и 22.

в старинных документах тех населенных мест, с которых началась историческая известность Ермака: по писцовой и переписной книгам Устюга Великого под этими фамилиями показано несколько семейств посадских людей и между прочим два подьячих митрополичьих дел¹⁰⁰.

Исходя из приведенных нами ранее сведений о двуименности предков наших и делении имен их на явные и тайные, едва ли можно допустить ошибку, если сказать, что и покоритель Сибири, кроме явного имени Ермолая, имел еще имя тайное, каковым и было имя Василия. Быть может, последнее было то имя, которое дано ему при крещении. Но те преследования, какими сопровождалась молодость нашего героя — годы его разбойничества — могли представлять ему немало поводов, чтобы скрывать его настоящее имя, заменяя его именем Ермолая. Хотя в Сибири, когда ему прощены были все старые вины, скрывать это имя, по-видимому, уже не было оснований, да если имя это и осталось секретом при жизни его, то по смерти секрет этот могли раскрыть оставшиеся в живых сподвижники его, но, однако ж, этого могло и не быть. Не нужно забывать, что с завоеванием Сибири имя Ермак стало именем знаменитым, а потому и прежде, хотя бы и действительное

имя старого волжского атамана могло отойти уже на задний план; напоминать же о нем значило бы набрасывать на победителя Кучума тень мрачных воспоминаний о разбойничьих похождениях, словом, воскрешать в высоконравственном образе завоевателя Сибирского царства ненавистного разбойника.

Но — «чем дальше в лес, тем больше дров». Давно известно, что эта народная поговорка в некоторых случаях одинаково, может быть, применима как в житейской практике, так и в области истории. И в последней есть вопросы, разрешение которых и заманчиво, и желательно, но судьба которых странна: чем более стараются их разрешить, тем более они запутываются. Таким же кажется нам и вопрос о тайном имени Ермака. Быть может, со временем кому-либо и посчастливится найти ту «некоторую» таинственную историю, о которой упоминает Черепановская летопись, и тогда, несомненно, вопрос этот получит разрешение. Теперь же будем пока довольны тем, что по приведенным в своих догадках указаниям в имени Ермолая Тимофеевича нам сказало то явное христианское имя, которое носил славный покоритель Сибири и которое следует разуть в вульгарном слове Ермак.

¹⁰⁰ Вып. 10. «Устюг Великий. Матер. для ист. города XVII и XVIII ст.» 1883, стр. 100, 101, 102, 105, 150, 161 и др.

Загадка имени атамана

Более четырехсот лет прошло со времени похода дружины Ермака в Сибирь. Его историческое значение трудно переоценить. О Ермаке и его походе народ складывал песни, личность самого атамана обрастала легендами, преданиями и слухами. Библиография по данной теме насчитывает сотни работ, начиная с «Сибирских летописей» XVII века и до наших дней. Решение проблем, связанных с трактовкой похода Ермака, по сути, основано на очень ограниченном круге источников, определившемся более ста лет назад. Надежды на разыскание новых письменных источников мизерны. Скучные и разноречивые сведения, имеющиеся в летописях и немногочисленных документах конца XVI века, породили обилие гипотез по различным вопросам, связанным с походом Ермака. Споры среди историков не утихают и по сей день. Достаточно сказать, что до сих пор нет единого мнения по таким вопросам, как время начала похода, численность и состав дружины, маршруты отрядов, места зимовок, и т.д.

Основательно запутана и проблема выяснения полного христианского имени славного атамана, которая лишь на первый взгляд выглядит не столь важной, как другие спорные вопросы «сибирской эпопеи». На самом же деле ее решение может дать исследователям ключ к выяснению «малой родины» Ермака, уточнению датировок похода и даже степени участия государства в его организации.

Тем не менее в советское и постсоветское время историки ломали копыта лишь по поводу наиболее принципиальных и важнейших спорных деталей истории легендарного похода, не придавая особого значения выяснению полного имени Ермака, что в известной степени понятно и оправданно. Один из авторитетнейших «ермаковедов», наш современник Р.Г. Скрынников в монографии «Сибирская экспедиция Ермака», обосновывая свою точку зрения на датировку начала похода (1 сентября 1582 года), доказывает, что не могло быть одновременно двух казацких атаманов, носивших имя Ермак Тимофеевич, и вообще «прозвище Ермак... в XVII веке... считать распространенным не приходит-

ся». Это утверждение, являющееся «краеугольным камнем» хронологии похода по Р.Г. Скрынникову, мне в свое время показалось неубедительным: в той же монографии он привел выдержку из донесения самарского воеводы Г. Засекина, в котором под 1586 годом упоминалось имя яицкого атамана Матюшки Мещеряка, громившего в Заволжье ногайцев, полного тезки ближайшего сподвижника Ермака Тимофеевича — Матвея Мещеряка, возглавившего дружину после гибели славного атамана. Как видим, одновременно существовали два казацких атамана, имена которых полностью совпадали. Так почему же не могло быть тезки и у самого предводителя сибирского похода?

Что касается редкости «прозвища Ермак», то вызывает сожаление игнорирование (или незнание?) Р.Г. Скрынниковым работ исследователей XIX — начала XX веков, посвященных выяснению подлинного имени сибирского атамана Ермака.

Речь идет, в первую очередь, о небольшой по объему, но основательной работе ныне почти забытого провинциального историка и публициста, знатока сибирской истории Е.В. Кузнецова «Сказания и догадки о христианском имени Ермака», опубликованной в «Тобольских губернских ведомостях» в 1890 году. В этой работе автор, дотошно изучив сведения источников об имени великого атамана, подверг критическому анализу «разноречивые толкования» его российскими историками и лингвистами. К чести Е. Кузнецова, следует признать, что ему удалось шагнуть дальше своих предшественников. Он обоснованно отверг несостоятельные, хотя и оригинальные, версии, выбрал точки зрения, достойные признания и нашел дополнительные аргументы в пользу толкования полного христианского имени Ермака как Ермолай. Попутно Е. Кузнецов разбил в пух и прах неуклюжие, но до сих пор весьма популярные версии о том, что слово «Ермак» было прозвищем, означавшим в XVI веке в Поволжье «жернов» или «таган» (следует отметить, что неожиданные, подчас остроумные, но не выдерживающие критики версии до сих пор появляются в печати: например, «догадка» тобольского краеведа В.Ю. Софронова о том, что кличка Ермак произошла от татарского слова «ерма», «ермак», означающих «прорва», «канава, промытая водой»¹).

По поводу трактовки имени Ермак как клички, прозвища, означавшего «жернов», «таган» и т.п., следует отметить, что в русском языке того времени лучше прослеживается обратная связь: предметы получали новое нарицательное имя от имени

¹ Софронов В.Ю. Кто же ты, Ермак Аленин?//Хронограф: Вып. 3. — Екатеринбург: ИПП «Уральский рабочий», 1998. — С.162.

собственного (в данном случае от Ермака, уменьшительной формы христианского имени Ермолай). В качестве примеров подобной номинации предметов и явлений в русском языке можно привести следующие: «кондрашка» (смерть) — от имени Кондратий, «фомка» (инструмент взломщика) — от имени Фома, «феня» (воровское аргю) — от имени Федосья, Феня, «ермолка» (шапка) — от имени Ермолай.

Будучи человеком скромным, Е. Кузнецов отнюдь не считал, что своей работой он ставит точку в спорах о подлинном имени Ермака, надеясь, что когда-нибудь в будущем историкам удастся разыскать «тайнственную историю», о которой упоминает Черепановская летопись. Вопрос о тайном имени Ермака (Василий) Е. Кузнецов отнес к разряду проблем «...разрешение которых и заманчиво, и желательно, но судьба... странна: чем более стараются их разрешить, тем более они запутываются». Эта характеристика «ермаковской» проблематики как нельзя более точно отражает и ее современное состояние. Тем более досадно, что ситуация могла быть менее запутанной — сегодняшним историкам и краеведам не пришлось бы «изобретать велосипед», если бы они были знакомы с такими работами своих предшественников, каковой является публикуемая в этом номере «ЛУКИЧа» незаслуженно забытая статья Е. Кузнецова, чрезвычайно информативная, интересная и до сих пор актуальная.

Часовня* на Базарной площади

Город Тюмень. 30-е годы XIX века. Население — около 9000 человек. Тихая, размеренная жизнь провинциального купеческого города.

И потому посещение Тюмени в 1837 году наследником престола цесаревичем Александром, следовавшим в Тобольск и обратно, хотя и было достаточно краткосрочным (две ночи, проведенные в доме городского головы И. В. Иконникова), стало ярким событием. Е. Расторгуев описал это так:

«Едва заря возвестила наступление утра 31 мая, уже по всем улицам города тянулись ряды обоего пола жителей и у заставы скопляясь более и более...

И вот на отдаленной возвышенности показался экипаж, другой, третий! Едет! Едет! — закричали тысячи голосов, закипели сердца радостью, заблестали глаза слезами привета!...

Экипаж приблизился, остановился у триумфальных во-

рот, именно на этот случай воздвигнутых, и Тюмень, а в лице ее вся Сибирь восторжествовала небывалому еще никогда счастью...

Площадь пред домом была наполнена народом, теснившимся до того, что все окна, балконы, все крыши на строениях, все заборы, словом все то, где и на чем можно было стоять и держаться, все покрыто было народом, горевшим радостным нетерпением насладиться лицезрением Государа Цесаревича...

В продолжение ночи тысячи огней осветили город...»¹.

Тюменцы с благоговением хранили память о столь знаменательном для города событии.

По словам краеведа прошлого века Н.А. Абрамова, в этот день постоянно каждый год бывает почти единственное во все лето гулянье, все разодеты и веселы, спешат с утра в Загородный сад, разведенный в память того события, которое в нем празднуется, потом, про-

* Часовня — молитвенный дом, храмик без алтаря, где можно только служить часы (не литургию); часовни этого рода ставятся в виде памятника. — В. Даль. Толковый словарь. М., 1991.

¹ Е. Расторгуев. Посещение Сибири в 1837 году Его Императорским Высочеством Государем Наследником Цесаревичем., Спб., 1841.

водя 31 мая, полгода с удовольствием вспоминают о нем, а долгие 6 месяцев с тем же нетерпением готовятся к нему².

Улица Благовещенская была переименована в Царскую, площадь названа Александровской, реальное училище, открытое в 1879 году, — Александровским. До начала 30-х годов нашего века сохранялась деревянная шляпка, на которой наследник цесаревич переправлялся через Туру.

Убийство Александра II 1 марта 1881 года не оставило тюменцев равнодушными. В Тюменской городской Думе обсуждалась возможность постройки часовни «в память в Бозе почившего Государя Императора Александра Николаевича». Обсуждалась неоднократно, т. к. «главная причина, вследствие которой замедляется постройка часовни, заключается в том, что до сего времени не могут прийти к соглашению относительно выбора места под предполагаемую часовню»³. Была объявлена подписка по сбору денег.

Но существовала и другая точка зрения на вопрос об увековечении памяти царя-освободителя. В 1890 году епископ Тобольский и Сибирский Иустин возбудил дело «о постройке в Тюмени нового собора по

Император Александр II

образцу Московского храма Христа Спасителя, конечно в меньших размерах»⁴ и образовал для этого Строительный комитет из тюменского духовенства, которому и предоставлено было право пригласить некоторых лиц из тюменского именитого купечества, но, к сожалению, «намеченный Его Пресвященством комитет ничего не сделал, купечество отнеслось к этому делу не особенно сочувственно, ссылаясь, главным образом, на то, что в то время почти во всей губернии был ужасный голод и страшная на все дороговизна»⁵.

Таким образом, объективные обстоятельства — неурожай и голод 1891 года — заставили

² Н. А. Абрамов. Город Тюмень. Тюмень, 1998. С. 414–416.

³ ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 516. Л. 156.

⁴ ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 525. Л. 213.

⁵ Там же.

отложить решение этого вопроса. И только 26 апреля 1896 года городская Дума приняла постановление о выборе места под постройку часовни и образовала особый комитет, в члены которого были назначены городской голова А.А. Мальцев и гласные — П.А. Андреев, Г.Т. Молодых, И.И. Игнатов, И.П. Колокольников, А.Ф. Колмогоров и И.П. Брызгалов⁶.

В этом же году епископ Тобольский и Сибирский Агафилл возобновил попытку своего предшественника склонить тюменское городское общество на постройку нового собора. В

письме городскому голове А.А. Мальцеву он отмечает, что «на неурожай хлеба и другие невзгоды народные нельзя теперь пожаловаться, благодарение Господу, все подешевело, народный дух поднялся, купечество ожило и энергично ведет свои дела, а потому постройку нового собора в г. Тюмени нахожу благовременным»⁷. И вновь был образован Строительный комитет, в состав которого вошли: председатель комитета — протоиерей Иоанн Лепехин; члены комитета: Тюменского Свято-Троицкого монастыря архимандрит Филарет, градский благочинный священник Михаил Иноземцев, священник Благовещенского собора Андрей Щетинин и тоболь-

⁶ ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 516. Л. 156.

⁷ ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 525. Л. 213.

Часовня. Вид с южной стороны. Фото 1950-х годов

ский епархиальный архитектор Цинке⁸.

Далее его преосвященство просит городского голову вопрос о постройке собора в Тюмени внести на обсуждение городской Думы и принять на себя звание члена этого комитета, справедливо полагая, что это поможет в решении дела.

Строительный комитет в своем постановлении от 6 июня 1896 г. обратился через своего члена городского голову

А.А. Мальцева к городскому обществу с предложением «собранныю сумму на постройку часовни в память в Бозе почившего Государя Императора Александра II обратиться на постройку нового

Соборного храма»⁹. Протоиерей Иоанн Лепехин сумел убедить городского голову, а затем и городскую Думу в необходимости строительства именно нового собора. Конечно, тюменское городское общество в лице городской Думы не было принципиальным противником строительства нового собора, но оно прекрасно понимало разницу между собором и часовней. В денежном выражении. Одно дело построить часовню и совершенно другое — собор, ведь финансировать строительство в основном должны были они, тюменские купцы, а не епархия.

И 2 октября того же года городской голова обращается в Строительный комитет с запросом «до каких именно размеров

⁸ ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 525. Л. 214.

⁹ Там же.

Часовня. Вид с западной стороны. Фото 1950-х годов

простирается в настоящее время сумма, которой располагает комитет на сооружение нового Соборного храма в Тюмени»¹⁰. Последовал ответ, «что строительной суммы по книгам Соборо-Благовещенской церкви значится 14200 руб. Кроме того некоторые из граждан и иногородние заявили Председателю Строительного комитета свое желание принести посильную жертву, когда приступлено будет к постройке. И в настоящее время комитет, в лице председателя, принимает жертвы, с внесением в особо выданную из Духовной Консисории книгу»¹¹.

¹⁰ ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 525. Л. 215.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

В обращении к городской Думе Иоанн Лепехин сообщил, что «места для постройки Собора с оградой вокруг него потребуетсся никак не меньше 50х50 сажений и если городское общество увеличит это количество, то этим выразит только свое полное сочувствие к этому святому делу. Увеличенное количество земли даст впоследствии возможность разбить на нем сад, который может удовлетворять не только гигиеническим требованиям, но и служить украшением города»¹². Городская Дума, обсудив изложенное в обращении и не найдя возможным разрешить этот вопрос в одночасье, признала необходимым передать его для всесторонней разработки заключения подготовительной комиссии, в

План расположения часовни

состав которой были избраны городской голова А.А. Мальцев, гласные Думы: П.А. Андреев, И.И. Клериков, М.А. Вяткин, В.Я. Елькин, А.И. Михалев¹³.

3 апреля 1897 года городская Дума, выслушав доклад подготовительной комиссии, заключила: «отвести место под постройку этого храма по левую сторону Царской ул., считая из города, для чего составить новый чертеж и его вместе с прежним и докладом Подготовительной комиссии представить на рассмотрение Городской Думы»¹⁴. Подготовительная комиссия совместно с председателем Строительного комитета о. Иоанном Лепехиным и представителями от духовенства, священниками градо-тюменских церквей, собравшись у места, «предназначенного к застройке Соборным храмом, именно на левой стороне дороги, идущей из города по Царской улице по направлению к Сиропитательному заведению, против чайной — что на базарной площади, произвела осмотр этого места и признала его для постройки соборного храма во всех отношениях, отвечающим своему назначению»¹⁵.

Но теперь возникли трудности с возможным использованием для строительства нового собора уже ранее собранных пожертвований, т.к. они предназ-

начались для постройки часовни. Причем оказалось, что на основании ст. 986 ч. 1 Свода Зак. гражд., издания 1887 года, предварительно необходимо получить согласие жертвователей или наследников их на обращение жертвованных сумм для другой цели, иначе жертвователям или их наследникам предоставляется право требовать возвращения пожертвованного.

Городская Дума постановила: «Предположенное количество земли под постройку Соборного храма в размере 1200 кв. сажен предоставить в вечное владение духовного ведомства безвозмездно, с того времени, как будет приступлено к действительной постройке храма. Что же касается постройки временной часовни, то предоставить комитету по постройке Собора в Тюмени избрать место для этого на хлебобазарной площади по его усмотрению»¹⁶. Что касалось капитала, пожертвованного разными лицами на постройку часовни в память Александра II, то городская Дума выразила свое согласие на употребление его на сооружение соборного храма, но не иначе как на точном следовании закону.

21 января 1903 года городская Дума приняла решение об увеличении места, отведенного под постройку Соборного храма, до 50 сажен в длину и 50 сажен в ширину¹⁷.

Но многолетние дебаты по строительству собора практически так и не воплотились (не

¹³ Там же.

¹⁴ ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 526. Л. 377.

¹⁵ ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 526. Л. 378.

¹⁶ ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 526. Л. 380.

¹⁷ ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 532. Л. 26.

смогли собрать достаточных средств), а каменную часовню в память Александра II все же построили. Точную дату постройки ее установить не удалось, но в справочной книжке «Вся Тюмень» (изд. Афромеева 1910 года), она уже значится в числе

15 православных храмов. По воспоминаниям жительницы Тюмени Я. В. Колесницкой, в начале 20-х годов часовня была еще действующей. Потом ее закрыли, и простояла она до конца 50-х годов, когда и была снесена.

Ямальские экспедиции Кушелевского

Имя Юрия Иннокентьевича Кушелевского сегодня практически неизвестно широкой публике. Между тем об этом незаурядном человеке упоминается в «Хронологическом обзоре достопамятных событий в Берёзовском крае, Тобольской губернии (1032—1910 гг.)» И.С. Шемановского: «Назначен обдорским отдельным заседателем Ю.И. Кушелевский. Прослужил до 1854 года. Это единственный заседатель в Обдорске, оставивший после себя печатный труд. Книга его «Северный полюс и земля Ямал. Путевые записки С.-Пб. 1868», не представляя ценности в научном отношении, делает ряд живых картинок из жизни и быта самоедов».

К сожалению, подробных биографических данных о жизни и деятельности Юрия Иннокентьевича Кушелевского пока удалось найти не очень много, так что в данной статье

речь пойдет в основном о его путешествиях по нашему краю.

Ю.И. Кушелевский родился в 1825 году... В 1848 году молодой чиновник был принят в штат Тобольского губернского суда, после чего его переводят в старинный городок Обдорск с повышением в чине и прибавкой к жалованью. Через несколько лет (1859 год) он снова в Тобольске. Получив очередной чин за выслугу лет, Юрий Иннокентьевич подает в отставку и переезжает на жительство в Петербург. Здесь он часто бывает в доме знакомого ему по Тобольску Василия Латкина, одного из основателей «Печорской компании» — содружества промышленников для освоения бассейна реки Печоры и ее лесных богатств. Латкин предлагает Кушелевскому поехать на службу в Петрозаводск, чтобы принять участие в экспедициях Павла Николаевича Рыбни-

кова, собирателя замечательных образцов народного творчества. В должности чиновника для особых поручений Кушелевский остается в Петрозаводске до июня 1862 года.

В конце 50-х годов прошлого века известным сибирским промышленником Михаилом Константиновичем Сидоровым были обнаружены богатейшие залежи графита на притоках Енисея: Курейке, Монастырской Тунгуске, Бахте и Фатьянихе. Енисейский графит пользовался международной известностью. Достаточно сказать, что в 1862 году на промышленной выставке в Лондоне он получил большой приз за качество. Однако полезный минерал значительно дорожал из-за перевозок. Перед Сидоровым встает проблема — отыскать более дешевый путь доставки графита в Печорский морской порт для сбыта его за границу и на архангельские заводы для дальнейшей переработки. Вначале был предложен сухопутный вариант — зимней дорогой от Курейки на реку Таз и далее через Обдорск и Полярный Урал к Печоре. Выбор для обследования этого пути по рекомендации В. Латкина, бывшего компаньоном М.К. Сидорова, пал на Ю.И. Кушелевского.

Вот что он пишет в своей книге относительно этого предложения: «Я очень хорошо понимал, что другой кто-то, менее знакомый с местностью, не

скоро решился бы обречь себя тяжелым трудам и лишениям, сопряженным с моим предприятием, если бы я отказался от них. Наконец, признаюсь, что мне хотелось сделать хотя одно истинно полезное дело в жизни и заслужить спасибо от благомыслящих людей».

Он вновь оставляет государственную службу и спешно выезжает на лошадях в Тобольск, куда и добирается 27 июля 1862 года. Уже приближалась осень, поэтому нужно было торопиться, чтобы вовремя отправиться в дальнейший путь. Из дневника Юрия Иннокентьевича: «Приготовления мои были по необходимости быстры, и я 16 августа на собственном своем каюке (небольшое судно, или лучше большая лодка) с грузом до 1500 пудов и пятью человеками рабочих выехал из Тобольска. Погода была невыразимо дурна: ветры и дождь не оставляли нас почти во все время пути».

В «Хронологическом обзоре (1862 год) читаем: «Ю.И. Кушелевский, командированный коммерсантом М.К. Сидоровым в Туруханский край из Обдорска, прибыл в Обдорск 18 сентября и 10 ноября отправился с караваном в 96 нартов по направлению к реке Енисею, месторождению графита в Туруханском крае, и 22 декабря дошел до реки Таза».

Из дневника Кушелевского: «Прибыл в Обдорск 18 сентября. Холода начинались уже до-

вольно сильные, и 20 сентября стал Полуй — река, при которой стоит селение Обдорское. Скажу несколько слов об Обдорске. С тех пор, как последний раз я был в нем, прошло почти десять лет, и эти десять лет, кажется, нисколько не подвинули его к лучшему. Селение не разрослось, а как было, так и осталось — очень небольшим. Собственно в Обдорске от 40 до 50 домов, а кочующих в окрестностях его остяков и самоедов — до 2000. Бедный и прежде, Обдорск сделался еще беднее. Остяки и самоеды тоже значительно обнищали. Причин обеднения города и инородцев много, так что и рассказать даже невозможно, но главная, как кажется, заключается в сильном распространении пьянства, всегда очень губительно для диких народов».

На снабжение экспедиции всем необходимым было затрачено 15000 рублей. «Караван мой состоял из 96 нарт, при которых было 450 купленных и 200 нанятых оленей с 24 человеками рабочих из остяков и самоедов. Надобно сказать, что остяки и самоеды смотрели на мое предприятие, как на дело невозможное. По словам их, основанном на каких-то преданиях, в той стране, куда я шел, живут какие-то одноглазые люди, ездящие на медведях. Эти дикие рассказы, наводящие суеверный страх, много препятствовали найму людей и без того довольно затруднительному».

Кушелевский с благодарностью вспоминает миссионера-священника обдорской церкви Петра Попова, купцов Ан. Чечурова, А. Мамеева и мещанина В. Добровольского, которые помогли ему в организации и снабжении «его предприятия» и даже отдали ему на службу своих детей, «наказывая им беспредельно повиноваться и быть готовыми в огонь и воду для пользы дела и спасения друг друга. Отрадно мне благодарить их теперь от души за понесенные без ропота труды и лишения. Остяцкий старшина Ю.Ю. Ранымов, мой давний крестник, по старой привязанности ко мне отпустил со мною в проводники сына своего, жену для исправления женских работ, дал чум и пятьдесят оленей.

Наконец 10 ноября, отслуживши по христианскому обычаю молебен за благополучный исход нашего трудного предприятия, я двинулся со своим караваном в путь». Маршрут пролегал почти по самому Полярному кругу на восток. В таежных, труднодоступных для продвижения местах делали просеки, но в основном предпочитали двигаться по руслам больших и маленьких тундровых речек. Экспедиция пересекла реки Надым, Ньду, Пур и вышла «к часовне Василия убиенного на реке Таз» (бывшей Мангазее — ред.). Впереди каравана на особой нарте, в которую были запряжены два

пестрых оленя, везли «образ святого Николая Чудотворца, наиболее других святых чтимого остяками. Это доказывается даже и тем, что впоследствии остяки приписывали присутствию этого образа благополучный исход нашей экспедиции».

На всем пути следования путешественники не встретили никакого человеческого жилья. Нередко после утомительного перехода спали прямо в снегу, вырывая для ночлега ямы, употребляя «иногда остяцкое средство согревания, думаю, для многих неслыханное. Они срубали небольшое осиновое дерево, один конец его зажигали, а другой проводили под гусь (верхнюю одежду) желающего погреться. Пар от горящего сырого дерева нагревал довольно сильно».

Весь переход занял 42 дня. Накануне нового, 1863 года путешественники были у цели. Пройдено более восьмисот километров. На этом расстоянии Кушелевский «учредил» 26 «станций», на которых был оставлен провиант на обратную дорогу. Вскоре по проложенному пути началось движение караванов, груженных енисейским графитом, в Обдорск и далее в Печору.

Но этот путь существовал только в зимнее время. Да и размах перевозок не удовлетворял предпринимателей. Надо было искать водное «сообщение от Обдорска до реки Таз посредством Оби, Обской и Тазовской

губ». И неутомимый Кушелевский начинает готовиться к следующей экспедиции.

Приехав в феврале 1863 года из Туруханска в Тобольск, он тотчас приступает к делу, предварительно отправив в Обдорск своего помощника для встречи возвращавшейся туда из Туруханска зимней экспедиции и для найма подрядчиков на перевозку двадцати тысяч пудов графита к Печоре.

Начало было неудачным. Заболели тифом корабель, сгорели все закупленные товары. Но благодаря энергичности и настойчивости руководителя экспедиции 10 мая 1863 года шхуна «Таз» была спущена на воду и в начале следующего месяца на ней уже был поднят андреевский флаг.

Большую сложность для Кушелевского представлял набор экипажа. Местные моряки боялись дальнего и неизвестного пути. Тогда он решил на крайнее средство. Его поверенный прошелся по кабакам, и спустя несколько дней необходимые 16 человек были завербованы. Большинство из них не только к морю, но даже и к реке не имели никакого отношения. В экипаже были сапожники, кузнецы, портные, шорник, кучера, столяры. Объединяло их только одно — все они были горькими пьяницами. Как это часто бывало, в дальние северные экспедиции уходили те, кому терять уже было нечего.

Так, экипаж шхуны «Таз» только пять раз пропивал в тобольских питейных заведениях выданную им форму. В последние перед отплытием дни на шхуне был установлен полицейский надзор.

Но надо отдать им должное: впоследствии они все достойно справились со своими обязанностями и стали заправскими моряками. Пьянство на судне было невозможно, ибо путешествие проходило в нелегких условиях, так что «сборной тобольских кабаков» пришлось по-настоящему приняться за работу, чтобы победить разбушевавшуюся реку. Эти люди скоро научились матросскому делу, быстро сделали усердны и расторопны.

10 июля путешественники прибыли в Обдорск, который Кушелевский выбрал для своего местопребывания как центр между Туруханском и Печорским портом, отстоящими один от другого на 2500 верст. Вырузив все, что предназначалось для Обдорска, 17 июля экспедиция отправилась в дальнейшее плавание. Отсюда начинался наиболее трудный и малоизученный путь. Проводник — остяцкий старшина Юрий Раньмов — успешно провел шхуну между подводными мелями и островами, а благодаря стараниям обдорского участкового заседателя Мицкевича судно благополучно добралось до становища Хэ — в опасных ме-

стах везде были заранее поставлены вехи.

«Остяки, встречавшиеся нам по дороге, не только с полной готовностью услужить указывали нам фарватер, но даже добровольно принимались за матросские работы. Их очень забавляла моя шхуна, конструкцию которой они видели едва ли не в первый раз. Они лазали на вершину мачты и спускались оттуда по канату с довольно большой ловкостью. Эта ловкость поселила во мне убеждение, что из них можно образовывать отличных моряков. Убеждение это укреплялось во мне еще более, когда остяки и самоеды, бывшие в рабочих на маленьком моем судне, переходили на большое и принимались за матросские работы. Они были гораздо дельнее и проворнее русских; сметливость их удивляла меня так же, как и любознательность. Я познакомил их с компасом, подзорной трубой, термометром, барометром, секстантом и проч. Все услышанное от меня они очень скоро усваивали и хорошо помнили, так что каждому вновь приходящему посетителю моей шхуны передавали с величайшей подробностью».

Сегодня всякий мало-мальски опытный речник, проделывая путь от Салехарда до Тазовского, не рискнет назвать путешествие опасным, хотя без приключений порой не обходится. Но у наших речников — совре-

менные суда, отличные карты и навигационные приборы.

Кушелевский же и его спутники двигались на Север на небольшом деревянном суденышке. Меркаторская карта 1734 года выпуска, которая находилась в их распоряжении, оказалась совсем непригодной.

По пути следования Кушелевскому приходилось давать названия безымянным островам, мысам, протокам. И если такие названия, как Мыс Досады, Преображения, не закрепились, то Мыс Находку, Парусный, Круглый мы встретим и в современных лоциях.

Путешественников особенно привлекала щедрость обской фауны. «Рыбные промыслы по реке Таз и в особенности в устье этой реки так богаты, что я нигде не встречал им подобных. Так, мои рабочие закидывали свой маленький невод и вытаскивали за один раз по 90 нельм икряных, весом каждая не менее 15 фунтов. О муксунах же, чирах и щуках удивительной величины и говорить нечего», — писал Кушелевский.

Матросы радовались: «Благогодать-то какая! Осетров здесь столько же, как и воды. Верно, потому здесь много воды и осетров, что некому здесь воду пить и осетров есть».

Отмечал Кушелевский в своей книге и богатство ямальского животного мира: «На островах — целое царство диких гусей и уток. Их так много, что

кажется, что они слетелись сюда со всей Азии».

В один из дней августа юго-восточный ветер сорвал шхуну с якоря и понес вдоль правого берега Обской губы на север. Это невольное путешествие продолжалось с четырех утра и до девяти вечера, «близость Ледовитого моря доказывалась появлением моржей, морских зайцев и тюленей, и даже вода при приливе не имела обыкновенного пресного вкуса». После шторма морякам удалось вернуться в Тазовскую губу, которую они проскочили на неуправляемом корабле.

22 августа шхуна бросила якорь у часовни святого Василия Мангазейского. Здесь Кушелевский предложил строить пристань для Сидорова. Шхуна оставалась тут, а сам Кушелевский нанял небольшую лодчонку «ветку», взял пять человек из местных самоедов и двинулся в верховья реки Таз. Сначала по каменистой и быстрой Худосее, потом по ее притоку реке Попадке. По начинающим уже замерзать озерам они достигли таз-енисейского водораздела. По рекам Нижняя и Верхняя Баюха вышли на реку Турухан и добрались до Туруханска.

Далеко не все в этом переходе было благополучно. 10 сентября проводники бросили его во время сна, вероятно, испугались, что по случаю сильных морозов не возвратятся домой. Остался только «крепко заснувший остяк

Николка». Запись в путевом дневнике Кушелевского: «Мне предстояла голодная смерть, потому что я был оставлен почти без помощи на середине пути, то есть в 500 верстах от Тазовской церкви и в стольких же от Туруханска. Местность была совершенно пустынная, с непроходимыми лесами».

Только в результате самоотверженных усилий двум путешественникам удалось добраться до избушки Даурского, а потом и до Туруханска. Получив открытое предписание на свободный проезд от Туруханска до Енисейска, Кушелевский отправился на почтовой лодочке в Енисейск. На Енисее стала уже появляться шута. «Путешествие мое было довольно трудно и опасно. Вообще переезд мой до Енисейска был чрезвычайно разнообразен: то везли меня в лодке бечевою на собаках, то ехал я по берегу Енисея верхом на лошади, то шел несколько станций пешком и так далее с разными вариациями. Переплывая через Енисей при сильном ветре, я чуть не утонул».

5 октября, желая быстрее добраться до деревни Назимовской, по совету ямщиков они решили перейти через Назимовское озеро на льду. Лед обломился, и все оказались в воде. «Не доставая ногами дна, мы стали хвататься за льдины и, ухватившись за брошенные оставшимся на берегу ямщиком вожжи, успели кое-как вылезти

на берег. Не имея переменного платья, я принужден был в этом же, сначала мокрым, а потом замерзшем, сесть на лошадь и ночью в лесу пробираться в деревню кругом озера на расстоянии двадцати верст по кривой тропинке, едва проходимой для лошади. С лошади меня сняли полуживого, правая рука и нога окоченели. Кое-как меня оттерли. Баня и отдых в теплой квартире восстановили мои силы».

Побывав в Красноярске и уладив свои дела, 9 декабря Кушелевский снова вернулся в Туруханск. «Дорога была дурна и опасна, везде торосы вышиною с добрую гору и наледь. Того и гляди, что из торосов попадешь прямо под лед». 29 декабря он отправляется обратно на реку Таз. По дороге от Туруханска до Таза всего только два жилья. На 95-й версте — Баюхинский стан и на расстоянии 270 верст — Янов стан, избушка торгующего мешанина. «Эта последняя тем для меня замечательна, что в ней во время моих странствий по Северу мне в другой раз довелось встречать новый год. Всякий может представить удовольствие этой встречи вдали от людей. Но я был доволен и этой избушкой, в ней было тепло и можно было отдохнуть и поест. А это, право, роскошь в то время, когда большую часть ночей доводится проводить под открытым небом, при счастье — под густой елью, а больше в сутробах снега».

Дальше предстояло проде-

лать путь до Обдорска на оленях. Из 20 оленей два были зарезаны волками, а остальные до того были измучены, спасаясь от волков, что едва тащили нарты. Путешественникам повезло: не доезжая до реки Ныды, они встретили старого знакомого Кушелевского самоеда Лабари, у которого было многочисленное стадо оленей. Выказывая большое уважение Кушелевскому, он приказал подобрать белых рысаков. «Услугу Лабари я не знал как и ценить: у меня начала развиваться цинга в ногах, потому один только скорый переезд до Обдорска давал мне надежду на выздоровление». Переезжая от чума к чуму, 15 января путешественники благополучно добрались до Обдорска. «Теплый и даже роскошный дом, ласковый и приветливый уход за мною, довольство жизнью и приятные надежды в будущем, кажется, могли бы скоро изгладить неприятное расстройство от путешествия на маленькой нарте. Рассчитывая на отдых, я ошибся: проклятая цинга вычернила мне ноги до колен и мучила три месяца.

Вылечил я себя средствами, которые едва ли известны докторам, потому и считаю нужным упомянуть об них. Ел сырую свежую рыбу и такое же оленье мясо, а ноги натирал арникой, и болезнь миновалась. Некоторые в Обдорске употребляют вместо арники по совету инородцев кислый рыбий жир или кислую вор-

вань, а во время опухоли — припарки из конского кала с примесью оленьего меха, и получают облегчение... При развитии цинги во рту здесь пьют обыкновенно по два стакана в день теплой оленьей крови и едят сырую рыбу. Это средство самое целебное, не подлежащее почти никакому сомнению».

Весной 1864 года Кушелевский предпринимает свою третью, и последнюю, Ямальскую экспедицию, чтобы найти удобный путь через Урал. «Открытие это я считал последним и необходимым действием для окончания моего предприятия, то есть проложения пути от Енисея к Печоре», — пишет он в своей книге.

Купив небольшую лодку, наняв рабочих, заготовив съестные припасы, 10 июня он отправляется из Обдорска вверх по Оби и благополучно добирается до реки Войкар.

На Войкаре глубины оказались вполне удобны для мелко сидящих небольших судов. Но необходимо было проделать кое-какие работы, чтобы эта строптивая горная река в верховьях стала пригодна для плавания. Кушелевский предлагал сделать на реке восемь «переборов», чтобы углубить русло. Для этого же стоило запрудить некоторые войкарские протоки, чтобы оставить одно русло и сделать его более глубоким. Для судоходства нужно было связать Войкар с многочисленными озерами, что-

бы регулировать уровень воды в реке. Эти меры, считал Кушелевский, сделают реку вполне пригодной для прохождения малогабаритных судов.

Полярный Урал привел путешественника в восторг: «Я долго смотрел на эту картину и удивлялся сочетанию дикости природы в одно изящное целое».

Пробираясь на утлой лодчончке по одной из протоков Войкара, он достиг двух небольших озер, из которых речки вытекали в противоположные стороны. Кушелевский достиг обско-печорского водораздела. Чтобы убедиться в этом, он совершил восхождение на ближайшую горную гряду, и его взору представили западные склоны Полярного Урала. По системе мелких речек он спустился к реке Усе, а затем по ней в Печору. Водный путь через Полярный Урал также был разведан. Система Енисей—Обь—Печора могла действовать.

Вернулся он в Обдорск 29 августа. Из «Хронологического обзора»: «Сюда же к его возвращению подоспела и шкуна «Таз», благополучно пробравшись из Тазовской реки в систему вод Обских, нагруженная 4100 пудами графита». А вот дальнейшая судьба этого графита: «Доставленный через Тазовскую губу в Обь и по ней в Обдорск на шкуне г. Сидорова «Таз» графит был брошен на берегу р. Полуя и оставлен на произвол судьбы, потому что в русском тарифе не напечатано было о возможности к вы-

возу его за границу через Печорский порт. Но Архангельский губернатор Н.А. Качалов в 1869 году исходатайствовал г. Сидорову дозволение на вывоз этой партии графита через Печорский порт за границу. Дозволение пришло поздно. Графит, пролежав на открытом месте под дождем и снегом, успел испортиться».

Кушелевский корреспондировал во влиятельные столичные «Биржевые ведомости»: «Могу сказать, что давнишняя мысль о соединении Сибири с Печорским портом осуществлена и внешняя торговля в настоящее время делается доступною для Сибири, что может послужить к быстрому ее развитию во многих отношениях. Я достиг своей цели».

Трехлетний тяжелый и опасный труд был завершен, и не вина Кушелевского, что путь, разведанный такими невероятными трудами, не послужил развитию Сибири, как того желали Сидоров и Кушелевский. После строительства железной дороги через Урал вопрос о достаточно трудоемком и сложном водном пути через этот район отпал.

Хотя книга Ю.И. Кушелевского не имеет большой научной ценности, но многие исследователи в своих трудах ссылаются на этого автора. Его этнографические заметки, живые картинки быта кочевников, описания случившихся с ним приключений представляют несомненный интерес. Записал также Кушелев-

кий немало образцов замечательного фольклора кочевников, одна из легенд напечатана в книге даже

на ненецком языке. А в конце книги приводится составленный им русско-самоедский словарь.

Две церкви в Тюмени

Конечно, в Тюмени не две церкви. Сегодня их одиннадцать (действующих — пять), было — пятнадцать, но сказать я хочу только о двух — Ильинской и Успенской. Судьба их не самая счастливая, в сравнении с другими тюменскими храмами. И не только потому, что располагались они «на задворках» города, не только потому, что об их существовании мало кто в Тюмени знает (это не Знаменский собор и не Троицкий!), и не только потому, что в одной из них размещается Тюменский водочный завод, а другую снесли ещё в начале 1930-х гг... Почему я выбрал именно эти две церкви? Находились они на окраине города, довольно близко друг от друга, и было ещё кое-что, что исторически связывает оба эти храма.

Поводом к написанию статьи послужила недавняя акция представителей общественности. Цель их выступления — выдворить Тюменский водочный завод из занимаемого им «здания женского Ильинского монастыря». О том,

что водочному заводу не место в храме, ясно было всегда. И работники культуры неоднократно обращали внимание духовенства и общественности именно на этот храм, в то время как епархиальное руководство требовало в первую очередь «вернуть» ему здания, в которых расположен областной краеведческий музей (Петропавловская церковь Троицкого монастыря, Спасская церковь), а не те, в коих расположились овчинно-меховая фабрика или водочный завод. Во время этой акции в очередной раз прозвучало ошибочное мнение, некогда прокрававшееся в нашу краеведческую литературу¹ и продолжающее тиражироваться. «Ильинский женский монастырь» — так именовали здание участники акции, это же повторяла пресса, комментаторы ТВ-новостей. Но дело в том, что Ильинского женского монастыря в том месте, вокруг которого разгорелись страсти, никогда не существовало.

Историческая справка.
Монастырей в Тюмени было

¹ Жученко Б.А., Заварихин С.П. Тюмень архитектурная. Свердловск, 1984. — С. 91.

два — Спасо-Преображенский (позднее — Троицкий) мужской и Ильинский женский. Если о первом известно достаточно много, то о втором — почти ничего. Мы не знаем даже, в каком году он был основан. В литературе называется дата — «около 1601 г.» (?)². **Девичий монастырь находился на берегу реки Туры, «юго-восточнее острога» — между современными улицами Челюскинцев, Кирова и Хохрякова.** Самое раннее известие о нём относится к 1623 г., и связано оно с именем игуменьи Капитолины, которую обвинили в нарушении монашес-

кого обета. На основании этого факта Г.Ф. Миллер делает предположение, что «если не своим основанием, то, во всяком случае, своим окончательным устройством» монастырь обязан первому сибирскому архиепископу Киприану³. Начало XVII в. — время смутное, тяжёлое, беспокойное. Киприан отправлялся в Сибирь «для христианского просвещения, для нравственного очищения сибирской паствы, он должен был научить сибиряков жить по заповедям Божиим». Патриарх Филарет, отправляя Киприана, наказывал ему забо-

² Заварихин С.П. Ворота в Сибирь. М., 1981. — С.81. Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях. Т. 2. СПб., 1890—1897. № 832.

³ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.2. М.—Л.: Изд. АН СССР, 1941. С.70.

Молебен на Александровской площади Тюмени. 1880-е гг.

На дальнем плане: слева — девичья школа (снесена в начале XX в.), справа — бывшее уездное училище (до недавнего времени — административный корпус ТюмГУ) и верхние ярусы колокольни Знаменской церкви, в центре, вдалеке — Успенская церковь

тяться о чистоте веры «завоевателей и пришельцев». Но задача эта была ему непосильна: слишком уж далёким от христианской чистоты был образ жизни первых сибиряков. До приезда архиерея «монастыри вели жизнь соблазнительную», монахи и монахини жили вместе в одном монастыре, а поэтому там «царил полнейший разврат: монахини развратничали и с монахами и с мирскими людьми. Многие (...) снимали с себя чернецкое платье и жили в одних домах с мирскими людьми и в своей жизни ничем не разнились от этих последних»⁴. Таковы были нравы.

Во времена Киприана, в первой четверти XVII в., в тюменской Ильинской обители (позднее в разные годы монастырь назывался и Алексеевским, и Успенским) уже действовал одноимённый храм. Был он деревянным, как и все постройки в тогдашней Тюмени, а поэтому неоднократно горел. Нам известно о крупных пожарах 1687, 1695, 1705 гг. Однако монастырь с церковью пророка Ильи вновь отстраивался и жил дальше. В середине XVIII в. там появилась деревянная церковь Параскевы Пятницы⁵.

В Пятницкой церкви находилась почитаемая в Тюмени икона Параскевы. В престольный праздник мученицы Параскевы, наречённая Пятница (28 октября/10 ноября) и в девятую пятницу по пасхе в церковной ограде и около неё продавались различные произведения монахинь, «по преимуществу огородные овощи...»⁶. После секуляризационной реформы Екатерины II 1764 года монастырь был закрыт. После этого события торговлю перенесли «сначала на общий рынок около собора (Благовещенского (?) — В. Ч.), а потом на хлебную площадь, около единоверческой церкви, где и производится доньяне» (1868 г. — В. Ч.)⁷. Ильинскую церковь, по всей вероятности, после очередного пожара, который случился в Тюмени в июне 1766 г., отстраивать не стали⁸. В документах начала 70-х гг. XVIII в. она упоминается уже как приходская⁹ и возобновлённая не в монастыре, а в полуверсте от него вниз по течению реки Туры¹⁰.

В монастыре с 1765 г. возводилось другое сооружение — каменная Успенская церковь с двумя приделами: первый во имя святого апостола Иоанна Бого-

⁴ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт её первых насельников. Харьков, 1889. — С. 285. Миллер Г. Ф. Указ. соч. — С. 70.

⁵ ГАТО. Ф. И-110. Оп. 1. Д. 6. Летопись Успенской церкви, 1800—1886 гг.: Устное предание. Л. 9.

⁶ ГАТО. Ф. И-110. Оп. 1. Д. 6. Л. 9.

⁷ Там же.

⁸ ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1769 г. Д. 49. Л. 2.

⁹ ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3686. Л. 29.

¹⁰ ГАТО. Ф. 110. Д. 6. ЛЛ. 2, 10. Вскоре после постройки Успенской церкви монастырь был закрыт (примерно в 1770—1772 гг.).

слова, а второй — во имя святого Алексея, митрополита Московского. Успенская церковь — первая из шести храмов трапезного типа, построенных в Тюмени во второй половине XVIII в. в стиле барокко. Заложили храм при игуменье Иулитте, по благословению (грамота от 31 мая 1765 г.) митрополита Тобольского и Сибирского Павла II Конюшковича (1757–1768 гг.), а строили на средства «разных благотворителей»¹¹. Кто именно были эти добродетели — в документах пока найти не удалось. Известно лишь, что постройка церкви стоила примерно 70 тысяч рублей ассигна-

циями, или 20 тысяч рублей серебром¹². Освящение придела Алексея Московского состоялось в 1769 г. по грамоте от 18 ноября 1769 г. Примерно в то же время местная¹³ икона Параскевы Пятницы из деревянной церкви была перенесена в иконостас тёплого Иоанно-Богословского придела Успенской церкви. Некоторые источники называют эту икону чудотворной¹⁴. Приходская Успенская церковь стала преемницей и наследницей монастыря.

Колокольню храма воздвигали долго и закончили строить только через полвека, в 1820 году¹⁵.

¹¹ ГАТО. Ф. И-110. Оп.1. Д.6. Л.9

¹² Там же.

¹³ Местная — особо почитаемая храмовая — одноимённая церкви икона из первого — нижнего, «местного» яруса иконостаса.

¹⁴ ГАТО. Ф. И-110. Оп.1. Д.6. Л.9

¹⁵ ГАТО. Ф. И-110. Оп.1. Д.6. П.21.

*На дальнем плане — Ильинская церковь.
(Фото конца XIX—начала XX вв.)*

*Ильинская церковь (еще один ракурс).
(Фото конца XIX—начала XX вв.)*

Прошло ещё три десятилетия, и к середине XIX в. церковь сильно обветшала. Описи имущества того времени информируют нас о том, что все три иконостаса в церкви — «простой работы, ветхие», «одни царские ворота в буквальном смысле висели на мочалках», полы некрашены, крыши деревянные, старые, церковная ограда — простой деревянный заплот. Бедность церкви и прихода были настолько велики, что несколько лет у неё не было священника и храм стоял закрытым. Даже предполагалось приходить уничтожить, а церковь отдать единоверцам, т.к. у старообрядцев в то время не было ещё своего храма. (Троицкая единоверческая церковь на ул. Царской появилась в 1844–1850 гг.). Но Успенская церковь ос-

талась православной. Деньги на ремонт дал тюменский почётный гражданин, купец второй гильдии Семён Михайлович Трусов — тюменский благотворитель. На его средства были устроены и позолочены три новых иконостаса, заново написаны все иконы, изготовлены на них серебряные ризы. Иконостас в «холодном» приделе украшен резьбой и вызолочен лучшим ординарным золотом. В «тёплой церкви» иконостасы белые с голубой разделкой под мрамор. Стены внутри отделаны под лак, полы все новые и выкрашены жёлтой краской. Крыши покрыты железом и выкрашены. В 1862 г., в год 1000-летия России, ремонт был закончен, и церковь «стала наряду с лучшими». Годом раньше, в 1861 г., в ограде Успенс-

кой церкви с юго-восточной стороны начали разводить сад¹⁶.

В 1907 г. в церкви произвели интерьерный и фасадный ремонт — не такой крупный, как реконструкция С.М. Трусова, но всё же: стены оштукатурили, покрыли внутри масляной краской, а снаружи побелили¹⁷.

В 1864 г. с натуры начертили план и фасад церкви¹⁸. Видимо, он и хранится в фондах Тюменского областного краеведческого музея (ТОКМ). Документ редчайший, потому что изображений Успенской церкви практически не сохранилось. Имеется лишь пара снимков второй половины — конца XIX в., где её видно на дальнем плане. И всё.

Церковь снесена в первых числах июня 1932 г., через три дня после взрыва Благовещенского собора — первого каменного здания Тюмени, одного из старейших и красивейших соборов Сибири. Не знаю, может быть, это легенда, но когда-то замечательный тюменский литературовед Л.Г. Беспалова со слов старожилов рассказывала мне, что когда Успенскую церковь взрывали, она сначала высоко поднялась над землёй, а потом рухнула и рассыпалась. Жутковатое зрелище! В настоящее время на её месте — два двухэтаж-

ных деревянных дома барачного типа (угол улиц Кирова и Хохрякова). В Государственном архиве Тюменской области (ГАТО) имеется более подробное описание убранства Успенской церкви. Может быть, когда-нибудь эти документы помогут тем, кто задумает снести бараки и восстановить храм Успения Богородицы в Тюмени. А идея такая у наших зодчих зреет.

Итак, кое-что из истории женского монастыря в Тюмени мы выяснили, по крайней мере его местоположение. А что же с Ильинской церковью? Какое отношение имеет к девичьей обители ныне существующее здание водочного завода? Отвечаю: никакого. Хочу повторить ещё раз, что в документах начала 1770-х гг. она упоминается уже как приходская¹⁹ и возобновлённая не в монастыре²⁰, а в полуместе от него вниз по течению реки Туры (современная улица 25 Октября, бывшее «Ильинское предместье», бывшая улица Ильинская). На это указывает и доношение тюменских жителей, поселившихся «за городом, в новой слободе», епископу Тобольскому и Сибирскому Варлааму, датированное 1769 г. В связи с тем, что у них «в близости церквей не имее-

¹⁶ ГАТО. Ф. И-110. Оп.1. Д.6. Л.23об.

¹⁷ ГАТО. Ф. И-110. Оп.1. Д.24. 1913 г. Л.2

¹⁸ ГАТО. Ф. И-109. Оп.1. 1902 г. Д.35. Л.8

¹⁹ ГАТО. Ф. И-47. Оп.1. Д.368б. Л.29;

Там же. Ф.И-105, 104. Тюменская Пророко-Ильинская церковь: 1783—1915гг.

²⁰ ГАТО. Ф.110. Д.6. ЛЛ.2,10.

ца», они просили разрешения «построить между их поселением... на месте убогова дому новую деревянную церковь». 7 июня 1771 г. церковь Ильи Пророка была «обложена», а в мае 1773 г. «закончена строением по добию протчих (! — В. Ч.) и награждена оставшимися после пожара Ильинской церкви утварью и колоколами»²¹. 20 июня 1773 г. Варлаам разрешил настоятелю тюменского Троицкого монастыря Софронию освятить новую церковь и по «освящении велеть в ней священнодействие отправлять». 30 июня храм освятили. Он получил важное градостроительное

местоположение. Приближенность к реке — достаточно характерный признак размещения высотных памятников в русской и в том числе сибирской архитектуре. Благодаря новому местоположению Ильинская церковь оказалась на повороте русла реки, замыкая тем самым всю поречную перспективу. Храм стал просматриваем вдоль всего водного пути, являясь важной доминантой восточной части города. Однако деревянная церковь Ильи Пророка прожила недолго. Она сгорела.

В 1803 г. на её месте заложили церковь каменную с од-

²¹ ТФ ГАТО. Ф. 156. Д.49. Л.3, 5, 17.

Западный фасад Ильинской церкви. Фото 1980-х гг.

ним престолом во имя Покрова Богородицы, который и дал новое название храму. Возводилась Покровская церковь на средства провиант-комиссара Дмитрия Мечева и в 1811 г. была освящена. Но построили храм «непрочно, с повреждением», а поэтому очень скоро в его стенах появились трещины. 3 июля 1833 г. рядом с Покровской заложили другой каменный храм. Строительство новой церкви осуществлялось по плану и фасаду, выданным епархиальным начальством, одобренным и утверждённым строительным отделом Тобольского Губернского Управления. Престолов в новой церкви было два: главный — летний («холодный») в собственном храме — во имя Ильи Пророка, а для зимнего богослужения в приделе — во имя Покрова Богородицы. В 1836 г. холодная Ильинская церковь была построена до половины, а строительство тёплого Покровского придела завершилось, и 20 мая 1836 г. он был освящён. Через год закончили строить «связанную с храмом колокольню». Сам летний, главный, храм достроили в том же 1837 г., но он тогда ещё не был оштукатурен и покрыт железом. Освящение его затянулось на полтора десятилетия, потому что не было средств для устройства иконостаса. Документы 1844 г. так описывают церковь: «Крыши, купола и алтарь покрыты железом, а тра-

*Всехсвятская церковь.
Фото 1984 г.*

пезная — тёсом. Глава и крест железные, выкрашены зелёной краскою.

В холодной церкви — девять окон со стеклянными окончинами, в каждом по одной, и железными решётками. В тёплой церкви — шесть окон со стеклянными окончинами, в каждом по две, и железные решётками. Четыре двери деревянные выкрашены зелёною краскою и внутри церкви — две двери со стеклянными створками столярной работы, выкрашены красною краскою, а створки — голубою. Пол деревянный. <...> Колокольня каменная двухъярусная, покрыта тёсом, глава на ней — железом,

крест деревянный, обит белым железом под камень»²². Описи имущества отмечают недостаток и скудость утвари²³. Напомним, что когда составлялось это описание, храм ещё не действовал.

Освятили храм только в 1852 г. Церковь была окружена по улице и переулку каменной, а с двух других сторон — деревянной оградой²⁴.

В XIX в. к Ильинской церкви была приписана кладбищенская Всехсвятская церковь (ул. Свердлова, бывшая Всехсвятская, 29). Построили её на средства титулярного советника Дмитрия Войнова и освятили в 1839 г., т.е. уже после за-

вершения сооружения Покровского (Ильинского) храма, а не до того, как написано в книге «Тюмень архитектурная»²⁵.

В 1885–1886 гг. с северной стороны Покровской церкви появился новый придел, который получил название прежнего — Покрова Богородицы, а «старый» придел был объединён с храмом вновь пробитой аркой. 5 июля 1886 г. состоялось освящение **нового** Покровского придела, построенного на средства коммерции советника Ивана Ивановича Игнатова²⁶ при участии прихожан.

Из-за трещин, образовавшихся в 1894 г. в северной стене около придела и снаружи в

²² ГАТО. Ф. И-104: 1844г. Оп.1. Д.5. Л.1-1об.

²³ ГАТО. Ф. И-104: 1843г. Д.2. Л.59.

²⁴ ГАТО. Ф. И-105. Д. 14. ЛЛ.1-5.

²⁵ Жученко Б.А. Указ.соч. С.91.

²⁶ Игнатов И.И. — купец первой гильдии, крупнейший тюменский пароходовладелец, дядя М.М.Пришвина.

Троицкая единоверческая церковь. Фото конца XIX — начала XX вв. Снесена в 1930 г., на её месте — магазин «Океан»

Троицкая единоверческая церковь. Еще один ракурс

своде арки, отделяющей алтарь от храма, с апреля 1894 по 1895 гг. и в 1897 г. в храме произвели капитальный ремонт по проекту, выполненному епархиальным архитектором Богданом Цинке при участии тюменского городского архитектора А. Пермякова. Проект был утверждён епархиальным начальством и Тобольским губернским управлением 1 ноября 1893 г. На ремонт было «разрешено употребить 8 тысяч рублей из свободных церковных сумм». К ноябрю 1885 г. в облике храма произошли изменения: был «возвышен» главный купол и перестро-

ен в русско-византийском стиле, а также и верхняя, ныне не сохранившаяся, часть колокольни. Звонница тогда имела 6 колоколов, самый тяжёлый из них весил 38 пудов 10 фунтов, а самый маленький — 36 фунтов. Внутри храм расписали «красками под лак», украсили стеной живописью и устроили «иконостас изящной работы». Впоследствии под иконостас ввиду его тяжеловесности для большей устойчивости подвели мраморный фундамент. Пол был цементный, а под ним — калорифер. Кровлю храма выкрасили «на масле зелёным малахи-

том», а главу и крест вызолотили червонным листовым золотом²⁷. Обновлённый храм освящен 12 ноября 1895 г. епископом Тобольским и Сибирским Агафангелом и вместо Покровского назван Пророко-Ильинским, согласно первоначальному названию (Указ Тобольской духовной консистории от 10 ноября 1895 г. за №10421)²⁸.

В 1891 г. при церкви открылась приходская школа, размещалась она в церковном доме. Заведовал школой уездный наблюдатель священник И. Сургутсков, учительницей работала выпускница курсов епархиального женского училища П. Седакова. В 1901 г. в школе училось 45 мальчиков²⁹.

В конце первого десятилетия нынешнего столетия созидательная история для Ильинского, Успенского, да и для многих других храмов закончилась.

В 1922 г. «на нужды голодающих из Покрово-Ильинской церкви» было изъято: золота в квитанции указано — 2 зол. 46 доли. Жемчуга на картоне — 1 зол. 84 дол. Разной серебряной утвари — 6 пуд. 48 зол. Итого — 6 пуд. 52 зол. 34 дол.³⁰

В 1927 г. была составлена

опись имущества храма. Специальная комиссия при горсовете рекомендовала отдать церковь «под школу или клуб». Приход закрыли, имущество конфисковали.

26 января 1930 г. было принято решение передать здание Ильинской церкви горкомхозу «под культуцели»³¹, а 29 января 1930 г. вновь организовавшаяся религиозная община обновленцев подала в Тюменский горсовет ходатайство о передаче в её пользование здания Ильинской или Успенской церкви, изъятых из пользования религиозных общин. Президиум горсовета постановил вопрос оставить открытым³². Через две недели, 11 февраля 1930 г., президиум горсовета рассматривал заявление гр. Денковой Т. «от имени группы верующих (не существующей) о предоставлении в пользование последней здания Ильинской церкви. «Постановили: отказать»³³.

В начале 1930-х разобрали верхние ярусы колокольни, сняли кресты. В 1935 г. горкомхоз передал здание ломбарду, а водочный завод располагается там с 1942 г.³⁴.

В середине 1980-х, прогу-

²⁷ ГАТО. Ф. И-105. Д. 14. ЛЛ.1–5.

²⁸ ГАТО. Ф. 105. Д. 10. Л. 1.

²⁹ ГАТО, ф. 105, д. 15 (1912 г.), л. 2

³⁰ Религия и церковь в Сибири: Сб. статей и док. материалов. Вып. 8. — Тюмень, 1995. — С. 164.

³¹ ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 124. ЛЛ. 52 и об., 54.

³² ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 124, об. Л. 57.

³³ ГАТО. Ф. 5. Оп. Д. 124. Л. 64.

³⁴ Архив БГИИР., г. Тюмень.

ливаясь с фотоаппаратом по старой Тюмени, я забрёл на ул. 25 Октября. Аборигены встретили меня не слишком ласково: «Что вы всё тут ходите, фотографируете. Из-за неё (Ильинской церкви — В.Ч.) и нас не сносят». Понять их можно...

Позднее, в середине 1990-х, из разговора с заведующей производством мы узнали, что завод «не цепляется» за это здание, что оно для них не удобно, что строительство новой ограды и ремонт памятника они за-

теяли для того, чтобы передать его новому владельцу в более приличном состоянии.

Сегодня инициативная группа верующих хочет открыть в бывшей Ильинской церкви женский монастырь. Дело это не наше, а, как говорят в народе, божье. Если суждено этому свершиться, оно свершится. Куда переселить водочный завод — тоже не наша забота и не божья. Наша задача — проинформировать всех заинтересованных, что монастыря в Ильинской церкви никогда не было.

Основные события из истории Ильинской церкви

Начало XVII в.
Ок. 1601 г.(?)	— основана Ильинская церковь.
основан девичий монастырь.
1623 г.	— в Ильинском монастыре действовал
одноимённый храм.
1687, 1695, 1705 гг.	— пожары в монастыре.
Середина XVIII в.	— в монастыре построена деревянная
церковь Параскевы Пятницы.
Июнь 1766 г.	— в пожаре выгорел почти весь город,
в т.ч. и церковь пророка Ильи.
Июнь 1771г.—
май 1773 г.	— деревянная Ильинская церковь постро-
ена вновь, но не в монастыре, а как при-
ходская, а в полуверсте от него вниз по
течению р. Туры (современная улица 25
Октября, бывшая Ильинская улица, быв-
шее «Ильинское предместье»).
1803 г.	— на месте сгоревшей деревянной церкви
Ильи Пророка была заложена каменная,
с одним престолом во имя Покрова Бо-
городицы, который и дал новое назва-
ние храму. Возводилась Покровская цер-
ковь на средства провиант-комиссара
Дмитрия Мечева.
1811 г.	— Покровская церковь была освящена.
3 июля 1833 г.	— рядом с Покровским заложили новый ка-

- 1836 г. — менный храм, прежний храм разобрали. — завершилось строительство тёплого Покровского придела, и 20 мая 1836 г. он был освящён.
- 1837 г. — закончили строить «связанную с храмом колокольню» и летний, главный, Ильинский придел.
- 1852 г. — освятили Ильинский придел.
- 1885–1886 гг. — с северной стороны на средства коммерции советника Ивана Ивановича Игнатова к церкви пристроен новый Покровский придел, а «старый» объединён с Ильинским вновь пробитой аркой.
- 5 июля 1886 г. — состоялось освящение нового Покровского придела.
- 1894 –1895 гг. в храме производился капитальный ремонт по проекту епархиального архитектора Богдана Цинке при участии тюменского городского архитектора А. Пермякова. К ноябрю 1885 г. был «возвышен» и перестроен в русско-византийском стиле главный купол, а также верхняя часть колокольни. Звонница имела 6 колоколов весом от 38 п. 10 ф. до 36 ф.
- 12 ноября 1895 г. — обновлённый храм был освящён епископом Тобольским и Сибирским Агафангелом и вместо Покровского был переименован в Пророко-Ильинский, согласно первоначальному названию.
- (1912) — при храме действовала церковно-приходская школа.
- 1922 г. — изъятие церковных ценностей.
- 1929 г. — здание рекомендовано для передачи под школу или клуб.
- 1930, январь — приход закрыт, имущество и другие ценности изъяты. Здание решено передать горкомхозу «для использования под культур-цели».
- Начало 1930-х — разобраны верхние ярусы колокольни, сняты кресты.
- 1935 г. — горкомхоз передал здание ломбарду.
- 1942 г. — передача здания водочному заводу.

ГОЛЬДБЕРГ Рафаэль Соломонович — родился в 1938 г. После окончания факультета журналистики Уральского государственного университета работал в редакциях газет «Тюменский комсомолец», «Тюменская правда», «Тюменские известия», корреспондентом радио. Публиковался в столичных журналах, коллективных сборниках, выпускал краеведческий журнал «Сибирский тракт».

В настоящее время — главный редактор газеты «Тюменский курьер».

КРЮКОВА Татьяна Ивановна — родилась 25 января 1947 года в г. Рассказово Тамбовской области. В 1971 году окончила Бельцкий государственный педагогический институт, преподавала историю изобразительного искусства и методики. В 1992 году — переезжает на Север. Живет в г. Белоярский Ханты-Мансийского автономного округа.

В настоящее время в издательстве «СофтДизайн» выходит книга стихов.

КУБОЧКИН Сергей Николаевич — родился в 1956 г. Окончил факультет технической кибернетики Тюменского индустриального института. Живет в Тюмени.

Публиковался в Ежегоднике Тюменского областного краеведческого музея.

Интересы — собирает фотографии видов дореволюционной Тюмени.

КУРБАТОВ Валентин Яковлевич — родился 29 сентября 1939 г. в г. Салаван Ульяновской области. Учился на Урале, служил на флоте. Закончил ВГИК.

Член Союза писателей СССР с 1978 г., член правления Союза писателей России, член Академии русской современной словесности. Автор книг о М. Пришвине, В. Распутине, В. Астафьеве.

Живет в Пскове.

ЛИПАТОВА Людмила Федоровна — родилась в 1939 г. Получила техническое образование в одном из вузов Свердловска. Работала корреспондентом радио, директором Салехардского окружного музея, литературным секретарем Анны Неркаги.

Живет в Салехарде.

МАНДРИКА Юрий Луквич — родился 28 марта 1952 г. под Харьковом. Окончил филологический факультет ТюмГУ, писал диссертацию на кафедре техники газетного дела МГУ. Занимался внедрением технологии настольно-издательских систем в редакционных коллективах («Тюменские известия», «Нефть Приобья», «Тюменская правда»). Печатался в журналах «Полиграфия», «Журналист», «Компьютер-пресс» со статьями по газетному дизайну.

В настоящее время — главный редактор издательства «СофтДизайн».

Михайлов Константин Аголеевич после окончания Тюменского госмединститута работает врачом-психиатром. С середины 80-х годов стихотворения К. Михайлова печатались в газетах «Тюменские известия», «Наше время», были включены в сборник «Времена, в которые верю» (Свердловск, 1989). По итогам 1996 литературного года рукопись поэтической книги К. Михайлова была удостоена премии им. Н.М. Чукмалдина.

Пархимович Сергей Григорьевич — родился 23 сентября 1955 года в г. Тавда Свердловской области. В 1978 закончил исторический факультет Уральского государственного университета. Археолог. Преподавал в школе, работал в археологической лаборатории УрГУ, Тюменском областном краеведческом музее.

Публиковался в «Вопросах археологии Урала», сборниках Тюменского краеведческого музея, «Очерках истории Коды» (Волот, 1995).

Научные исследования по темам: первые русские города Сибири, древние коми в Нижнем Приобье, индоиранский компонент в культуре обских угров и др.

Рогачева Наталья Александровна — родилась в Тюмени, закончила историко-филологический факультет Тюменского государственного университета (1978), защитила кандидатскую диссертацию по поэзии В. Маяковского (1988). Работает доцентом кафедры истории русской литературы ТГУ.

Лауреат премии им. Н.М. Чукмалдина (1997) «За возвращение забытых имен массовому читателю».

Рогачев Владимир Александрович закончил историко-филологический факультет Петрозаводского университета (1967), аспирантуру (1971). В 1973 году защитил кандидатскую диссертацию по истории русской советской поэзии 20-х годов. С 1974 года работает на кафедре истории русской литературы ТГУ.

Награжден Почетной грамотой Главы г. Тюмени «За большой вклад в развитие культуры города в области краеведения и пропаганду творчества местных писателей».

ЧУПИН Валерий Александрович родился 30 июля 1962 в г. Ишиме. Закончил исторический факультет ТюмГУ, работал учителем в школе.

Публиковался в Ежегоднике Тюменского областного краеведческого музея, «Архитектурном наследстве».

В настоящее время — старший научный сотрудник отдела фондов Тюменского областного краеведческого музея.

Интересы — история церкви.